

beneficium

3 (40)
2021

научное периодическое
сетевое издание

online scientific
journal

новгородский государственный
университет имени ярослава мудрого

yaroslav-the-wise
novgorod state university

институт цифровой экономики,
управления и сервиса

institute of digital economy,
management and service

великий новгород

veliky novgorod

(16+)

*Решением ВАК издание включено в
Перечень рецензируемых научных
изданий по специальности 08.00.05*

*Индексируется в РИНЦ, Ulrich's
Periodicals Directory, EBSCO*

BENEFICIUM

научное периодическое сетевое издание

3(40) 2021

ISSN (Online): 2713-1629

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-76127 от 03.07.2019 выдано
Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издается с 2009 г.

до 2019 г. – «Вестник Института экономики и
управления НовГУ»

Периодичность: 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»
(НовГУ)

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ И ИЗДАТЕЛЯ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Б. Санкт-Петербургская, д. 41
тел.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

173015, Россия, Великий Новгород,
ул. Псковская, д. 3, Институт цифровой
экономики, управления и сервиса НовГУ
тел.: +7 (8162) 77-04-86
e-mail: beneficium-se@mail.ru

Сайт издания: beneficium.pro

Редактор перевода: А. Власова

Дизайн обложки: М. Пуксант

Макет, верстка: Я. Паттури

Дата выхода: 20.10.2021

© НовГУ, 2021

© Авторы статей, 2021

Все права защищены

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Владимир Александрович Трифонов, канд. экон. наук, доцент; директор
Института цифровой экономики, управления и сервиса, Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий
Новгород, Россия

Заместитель главного редактора, научный редактор:

Ольга Петровна Иванова, д-р экон. наук, профессор; Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий
Новгород, Россия

Ответственный секретарь:

Янина Валерьевна Паттури, канд. экон. наук, доцент; Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий
Новгород, Россия

Члены редакционной коллегии:

Сергей Александрович Банников, канд. экон. наук, доцент; Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Паримал Чандра Бисвас, д-р экон. наук, профессор; Адамас Университет,
Калькутта, Индия

Ольга Александровна Борис, д-р экон. наук, доцент; Северо-Кавказский
федеральный университет, Ставрополь, Россия

Мануэль Октавио дель Кампо Вилларес, д-р экон. наук, доцент;
Университет Ла-Корунья, Ла-Корунья, Испания

Елена Геннадьевна Гущина, д-р экон. наук, доцент; Волгоградский
государственный технический университет, Волгоград, Россия

Бронислав Брониславович Казак, д-р юрид. наук, профессор; Псковский
государственный университет, Псков, Россия

Елена Владимировна Карачевская, канд. экон. наук, доцент; Белорусская
государственная сельскохозяйственная академия, Горки, Республика
Беларусь

Владимир Леонидович Ключня, д-р экон. наук, профессор; Полоцкий
государственный университет, Новополоцк, Республика Беларусь

Тамара Алексеевна Селищева, д-р экон. наук, профессор; Санкт-
Петербургский государственный экономический университет, Санкт-
Петербург, Россия

Роберт Станиславский, канд. экон. наук, доцент; Лодзинский
технический университет, Лодзь, Польша

Анн-Мари Сэтре, канд. экон. наук, доцент; Университет Уппсалы, Уппсала,
Швеция

Франциско Джесус Ферейро Сеоне, д-р экон. наук, профессор;
Университет Сантьяго-де-Компостела, Сантьяго-де-Компостела, Испания

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Георгий Леонидович Багиев, д-р экон. наук, профессор; Санкт-
Петербургский государственный экономический университет, Санкт-
Петербург, Россия

Валентина Васильевна Богатырёва, д-р экон. наук, профессор; Витебский
государственный университет имени П.М. Машерова, Витебск,
Республика Беларусь

Лео Гранберг, д-р социол. наук, профессор; Университет Хельсинки,
Хельсинки, Финляндия

Роман Михайлович Качалов, д-р экон. наук, профессор; Центральный
экономико-математический институт РАН, Москва, Россия

Татьяна Петровна Притворова, д-р экон. наук, профессор;
Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

Гонсало Родригес Родригес, д-р экон. наук, профессор; Университет
Сантьяго-де-Компостела, Сантьяго-де-Компостела, Испания

Сергей Юрьевич Фабричный, д-р юрид. наук, профессор; Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий
Новгород, Россия

Оксана Анатольевна Фихтнер, д-р экон. наук, доцент; Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий
Новгород, Россия

(16+)

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission (Russian Federation)

The journal is indexed in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO

BENEFICIUM

online scientific journal

3(40) 2021

ISSN (Online): 2713-1629

Registration certificate of a mass medium:

EL № FS77-76127 of 03.07.2019 registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Founded: 2009

before 2019 – "Bulletin of the Institute of Economics and Management, NovSU"

Frequency: 4 issues per year

FOUNDER AND EDITOR

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University" (NovSU)

ADDRESS OF THE FOUNDER AND EDITOR

173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41,
tel.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

CORRESPONDING ADDRESS

173015, Russia, Veliky Novgorod,
ul. Pskovskaya, 3, Institute of Digital
Economics, Management and Service, NovSU
tel.: +7 (8162) 77-04-86
e-mail: beneficium-se@mail.ru

Website of edition: beneficium.pro

Translation Editor: A. Vlasova

Cover design: M. Puksant

Layout: Ya. Patturi

Release date: 20.10.2021

© NovSU, 2021

© Authors of articles, 2021

All rights reserved

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Vladimir A. Trifonov, PhD in Economics, Docent; Director of Institute of Digital Economics, Management and Service, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Deputy Editor-in-Chief, Science Editor:

Olga P. Ivanova, Doctor of Economics, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Executive Editor:

Yanina V. Patturi, PhD in Economics, Docent; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Members of Editorial Board:

Sergey A. Bannikov, PhD in Economics, Docent; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Parimal Chandra Biswas, Doctor of Economics, Professor; Adamas University, Kolkata, India

Olga A. Boris, Doctor of Economics, Docent; North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Francisco Jesús Ferreiro Seoane, Doctor of Economics, Professor; University of Santiago de Compostela, Santiago de Compostela, Spain

Elena G. Gushchina, Doctor of Economics, Docent; Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Elena V. Karachevskaya, PhD in Economics, Docent; Belarusian State Agricultural Academy, Gorki, Republic of Belarus

Bronislav B. Kazak, Doctor of Juridical Science, Professor; Pskov State University, Pskov, Russia

Vladimir L. Klunya, Doctor of Economics, Professor; Polotsk State University, Novopolotsk, Republic of Belarus

Ann-Mari Sätre, PhD in Economics, Docent; Uppsala University, Uppsala, Sweden

Tamara A. Selishcheva, Doctor of Economics, Professor; Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Robert Stanisławski, PhD in Economics, Docent; Lodz University of Technology, Lodz, Poland

Manuel Octavio del Campo Villares, Doctor of Economics, Docent; University of A Coruña, La Coruña, Spain

EDITORIAL COUNCIL

Georgy L. Bagiev, Doctor of Economics, Professor; Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Valentina V. Bogatyreva, Doctor of Economics, Professor; Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Sergey Yu. Fabrichniy, Doctor of Juridical Science, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Oxana A. Fikhtner, Doctor of Economics, Docent; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Leo Granberg, Doctor of Social Science, Professor; University of Helsinki, Helsinki, Finland

Roman M. Kachalov, Doctor of Economics, Professor; Central Economics and Mathematics Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tatyana P. Pritvorova, Doctor of Economics, Professor; Academician E.A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Republic of Kazakhstan

Gonzalo Rodríguez Rodríguez, Doctor of Economics, Professor; University of Santiago de Compostela, Santiago de Compostela, Spain

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО- ОТРАСЛЕВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ	Veselovsky M.Ya., Pogodina T.V., Chueva I.I. Management of Technology Development and Financing of Innovative Projects in the Industrial Sector of the Economy Using Marketing Tools 5	5
	Лебедева А.В., Лебедева Г.В. Проблемы реализации инвестиционной политики в системе социально-экономического развития региона 11	11
	Никитин Г.В., Сергеева Т.Л. Проблемы и перспективы функционирования территорий опережающего социально-экономического развития России 21	21
	Серегина А.А., Богомолова В.Е., Харланов А.С. Роль статуса страны в ЕАЭС в контексте перспектив расширения интеграционного объединения 27	27
	Соловьева Е.В., Бердникова В.Н. Строительная отрасль и пандемия COVID-19: новые вызовы и возможности 35	35
РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР	Бобрышев А.Д., Бубенок Е.А., Тумин В.М., Савельев А.В. Императивы решения проблем поступательного развития бизнеса органов по сертификации 43	43
	Измайлов М.К. Информационные технологии в управлении российскими предприятиями: современное состояние 55	55
	Пиньковецкая Ю.С. Компаративный анализ причин прекращения предпринимателями своей деятельности в 2020 году 61	61
УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЙ	Холодов О.А. Методика определения потенциала роста экономической эффективности сельскохозяйственных предприятий различных форм хозяйствования 69	69
	Воднева С.Н., Доница И.А., Дагаева И.А. Проблема мотивации управленческой команды современного вуза 76	76
	Ласточкина О.С. Культурный онлайн-досуг: поведение населения в период пандемии COVID-19 83	83
	Паршуков А.Е. Возможности повышения эффективности организации процесса подготовки кадров в условиях цифровой трансформации 90	90

CONTENTS

ISSUES OF TERRITORIAL AND SECTORAL DEVELOPMENT OF THE MODERN ECONOMY	Veselovsky M.Ya., Pogodina T.V., Chueva I.I. Management of Technology Development and Financing of Innovative Projects in the Industrial Sector of the Economy Using Marketing Tools 5	5
	Lebedeva A.V., Lebedeva G.V. Problems of the Implementation of Investment Policy in the Region System of Socio-Economic Development ... 11	11
	Nikitin G.V., Sergeeva T.L. Problems and Prospects of Functioning of Territories of Advanced Socio-Economic Development in Russia 21	21
	Seregina A.A., Bogomolova V.E., Kharlanov A.S. The Role of a Country's Status in the EAEU in the Context of the Prospects for Expanding the Integration Association 27	27
	Solovyova E.V., Berdnikova V.N. The Construction Industry and the COVID-19 Pandemic: New Challenges and Opportunities 35	35
DEVELOPMENT OF BUSINESS STRUCTURES	Bobryshev A.D., Bubenok E.A., Tumin V.M., Savelyev A.V. Imperatives of Solving Problems of Certification Authorities' Business Progressive Development 43	43
	Izmaylov M.K. Information Technologies in the Management of Russian Enterprises: Current State 55	55
	Pinkovetskaia Iu.S. Comparative Analysis of the Reasons for the Entrepreneurs to Terminate Their Activities in 2020 61	61
HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN A CHANGING ENVIRONMENT	Kholodov O.A. Methodology for Determining the Economic Efficiency Potential Growth of Agricultural Enterprises of Various Management Forms 69	69
	Vodneva S.N., Donina I.A., Dagaeva I.A. The Problem of Motivating the Modern University Management Team 76	76
	Lastochkina O.S. Online Cultural Leisure: People's Behavior During the COVID-19 Pandemic 83	83
	Parshukov A.E. Opportunities to Improve the Efficiency of Organizing the Learning Process in the Context of Digital Transformation 90	90

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).5-10

УДК 334.764:339.138:001.895

JEL D25, M31, O25, O32

ORIGINAL PAPER

MANAGEMENT OF TECHNOLOGY DEVELOPMENT AND FINANCING OF INNOVATIVE PROJECTS IN THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE ECONOMY USING MARKETING TOOLS

M.Ya. Veselovsky, LEONOV Moscow Region University of Technology, Korolev, Russia

T.V. Pogodina, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

I.I. Chueva, LEONOV Moscow Region University of Technology, Korolev, Russia

Abstract. At present, Russian industry is under severe economic and political pressure from the EU and the USA, which is an additional incentive for the development of the industrial complex, based on the fullest possible mobilization of internal reserves (social, economic, innovation-technological, financial). The dynamic development of the industrial complex reflects the general evolutionary trend in the development of society, which necessitates the solution of not only traditional, but also new tasks and problems that were previously not inherent in the economy. The traditional problems of the Russian economy and industry include the lack of its own (internal) financial resources to support production activities, as well as administrative and legislative contradictions. New tasks include the need to improve and create new organizational and economic structures for innovative activities, develop a set of measures and programs to improve the innovation and investment climate, generate demand and commercialize the results of scientific and technical activities. The article substantiates and proposes a conceptual approach to the formation and implementation of innovation marketing in industrial companies, which includes target settings, an innovation management system and the results of the introduction of innovation marketing in the activities of industrial companies. A comparative analysis of various models of financing innovation and investment projects was carried out, which made it possible to highlight the advantages of project financing in the conditions of Russian reality. Thus, it was concluded that the Russian economy should change the vector of development and focus on the maximum use of internal potential by increasing industrial production on an innovative and technological basis, strengthening the investment component of development. To increase the innovative activity of industrial economic entities, it is advisable to use more actively marketing tools and digital technologies.

Keywords: industrial sector, innovation and investment processes, innovation marketing, marketing tools, project financing

For citation: Veselovsky M.Ya., Pogodina T.V., and Chueva I.I. Management of Technology Development and Financing of Innovative Projects in the Industrial Sector of the Economy Using Marketing Tools // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 5-10. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).5-10

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ И ФИНАНСИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В ПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ МАРКЕТИНГА

М.Я. Веселовский, Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова, Королев, Россия

Т.В. Погодина, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

И.И. Чуева, Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова, Королев, Россия

Аннотация. В настоящее время российская промышленность находится под жестким экономическим и политическим давлением со стороны стран-участниц Европейского Союза и США, что является дополнительным стимулом для развития промышленного комплекса, основанного на максимально полной мобилизации внутренних резервов (социальных, экономических, инновационно-технологических, финансовых). Динамичное развитие промышленного комплекса отражает общую эволюционную тенденцию развития общества, что обуславливает необходимость решения не только традиционных, но и новых, ранее неприсущих экономике, задач и проблем. К традиционным проблемам российской экономики и промышленности относится нехватка собственных (внутренних) финансовых ресурсов для поддержания производственной деятельности, а также административные и

законодательные противоречия. К новым задачам можно отнести необходимость совершенствования и создания новых организационно-экономических структур для инновационной деятельности, разработки комплекса мероприятий и программ по улучшению инновационно-инвестиционного климата, формирования спроса и коммерциализации результатов научно-технической деятельности. В статье обоснован и предложен концептуальный подход к формированию и реализации маркетинга инноваций в промышленных компаниях, который включает целевые установки, систему управления инновационной деятельностью и результаты внедрений маркетинга инноваций в деятельность промышленных компаний. Проведен сравнительный анализ различных моделей финансирования инновационно-инвестиционных проектов, который позволил выделить преимущества проектного финансирования в условиях российской действительности. Таким образом, сделан вывод о том, что экономика России должна сменить вектор развития и ориентироваться на максимальное использование внутреннего потенциала посредством наращивания промышленного производства на инновационно-технологической основе, усиления инвестиционной составляющей развития. Для повышения инновационной активности промышленных хозяйствующих субъектов целесообразно более активное использование инструментов маркетинга, цифровых технологий.

Ключевые слова: промышленный сектор, инновационно-инвестиционные процессы, маркетинг инноваций, маркетинговые инструменты, финансирование проектов

Для цитирования: Veselovsky M.Ya., Pogodina T.V., and Chueva I.I. Management of Technology Development and Financing of Innovative Projects in the Industrial Sector of the Economy Using Marketing Tools // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 5-10. (На англ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).5-10

The technological development of Russia is due not only to the use of digital tools, is associated not only with the development of modern technologies, but also closely correlates with the development of the respective markets. Marketing tools can help ensure synergies between the processes of commensurate development of new technologies and markets. Marketing tools can have an active influence on stimulating consumer demand for innovative products with the subsequent provision of a market balance between the demand for this product and its supply. If we turn to factor analysis, then the quality of the labor force, the volume of production, the level of demand for products and the level of innovative activity have the greatest influence on the dynamics of investments in innovation and investment projects in the manufacturing industry. Hence, economic growth in the country on an innovation basis is impossible without the implementation of the marketing of innovations and the active implementation of its tools. At the same time, not only a clear toolkit is needed, but also an overall approach to the formation and implementation of innovation marketing. In modern domestic science and practice, there is no clear understanding of the target settings of innovation marketing, the management system of innovation and investment processes and their impact on the results of these processes. However, without the introduction of marketing innovations, it is impossible to achieve high indicators in the innovative and technological development of both individual companies and the industrial complex as a whole. At the same time, when assessing the competitiveness of an enterprise, special attention should be paid to studying the characteristics and quality of the goods produced, ways of promoting it to traditional and new markets, which is the basis of the competitive advantages of industrial companies.

The conceptual approach to the formation and implementation of innovation marketing is shown in the *Fig. 1.* [1].

In the modern conditions of market transformations, digital transformation of business and the life of the population and the increased global competition as a result of these processes, innovation marketing forms new approaches and tools for the implementation of innovative activities based on a developed corporate strategy [2]. Unlike the traditional model of behavior ("production – distribution – exchange – consumption"), marketing carries out the reverse movement, i.e. with identifying and understanding consumer preferences in innovative products and technologies. Then, after conducting a comprehensive analysis of innovation and trends in the innovative development of industrial production, planning the consumer properties of the innovative product and forecasting the volume of its implementation are carried out. Subsequently, a marketing plan for promoting an innovative product is developed. At the end, the monitoring and control of the effectiveness and efficiency of marketing activities is carried out, the marketing plan is adjusted taking into account the identified deviations and the reasons for their occurrence.

At the same time, it is possible to single out a set of systemic problems that impede the formation and effective implementation of innovation marketing:

- a quarter of top managers in innovation marketing in industrial companies do not have practical skills in its implementation;
- 20% of domestic companies experience a shortage of qualified marketers in the field of innovations with work experience;
- about 10% of companies have no experience in technology commercialization [3, 4].

Thus, the lack of innovation marketing practice in most industrial companies in Russia, one way or another, hinders the possibilities and effectiveness

of its implementation. Therefore, more attention should be paid to the dissemination of best practices, the introduction of a competency-based approach in the activities of marketers, mentoring, the

implementation of training technologies, consulting, internships in the real sector of the economy and other methods of teaching innovation marketing.

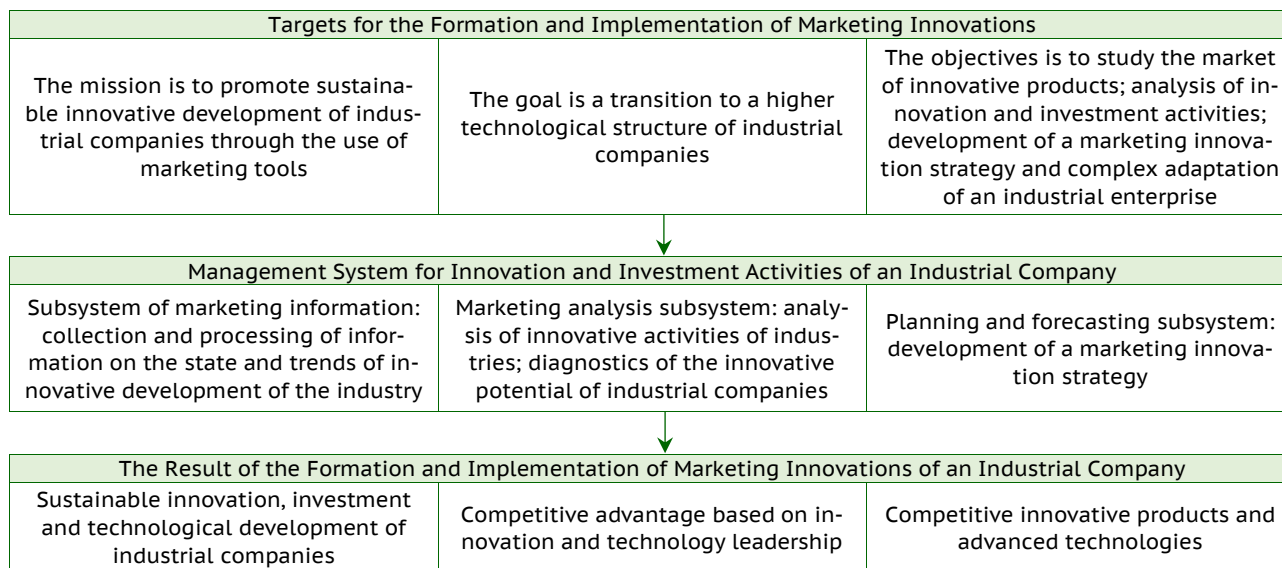

Fig. 1. Conceptual Approach to the Formation and Implementation of Marketing Innovations in Industrial Companies / Рис. 1. Концептуальный подход к формированию и реализации маркетинга инноваций в промышленных компаниях

Source: compiled by the authors based on [1] / Источник: разработано авторами на основе [1]

An effective complex of innovative marketing should be based on a systematic approach and include a product and product policy, pricing policy and innovative products, identify the most effective sales and promotion channels for innovative products using modern technologies, assess and manage the risks of implementing innovation and investment processes. The role of marketing tools in reducing the production, financial, investment and commercial risks of innovative products is important. For these purposes, one can use well-proven testing methods, including the organization of concept testing, trial marketing and other types of tests that increase the likelihood of a favorable market entry and implementation of innovations.

Currently, there is a lack of understanding in domestic industrial companies of the importance of marketing innovations that can ensure the sustainable development of companies. Lack of financial resources, qualified personnel in this area and lack of experience in practical activities do not allow domestic companies to enter the foreign level. Thus, only 1.5% of domestic companies have the practice of implementing marketing innovations. The level of expenses for marketing an innovative product in domestic companies on average is no more than 10-15% of all costs for innovative activities, which is significantly lower than similar indicators of foreign companies [5].

By giving preference to the implementation of technological and organizational innovations, managers of Russian companies underestimate marketing innovations. Marketing innovations, despite

their high importance, efficiency and effectiveness, are in the last place in terms of distribution. This situation cannot be considered justified and acceptable. It is necessary to radically change the attitude of the heads of domestic industrial companies to innovation marketing and begin its active implementation [6, 7].

Taking into account the current trends in the digital transformation of the economy, the marketing of innovations can be very effective and efficient, since it greatly increases the speed of dissemination of information and bringing it to potential customers. The advantage of digital channels lies in the fact that potential customers are not tied to a specific region, but are distributed all over the world. However, it should be borne in mind that domestic marketing specialists mainly use traditional methods to generate demand and stimulate sales, which is illegal for innovative products and reduces production efficiency. First of all, attention is paid to the consumer properties of innovations, only after that the search for sources of financing is carried out, and last of all, potential sales markets and their capacity are identified. At present, such an approach (direct model) is unacceptable and it is necessary to move in the opposite direction (reverse model), i.e. identify potential customers and sales markets, form channels for the dissemination of innovations, then determine the most significant properties and characteristics of innovative products and only after that look for the most favorable and possible sources of financing for innovation and investment activities.

Thus, when implementing the reverse model,

contradictions between innovative organizations and end users of innovative products are initially removed, which significantly reduces the financial and investment risks of innovative activities. The solution of the inverse model of innovation and investment activity can be more effective and efficient, since it minimizes the number of intermediaries who become participants in the implementation of innovative activities. To implement this task, it is necessary to stimulate the creation and ensure the real functioning of new organizational and economic forms of entrepreneurship – technology

commercialization centers and technological platforms.

The implementation of innovative activities is accompanied by the processes of its financing. However, at present, domestic companies are reluctant to spend on innovative projects for various reasons. But, nevertheless, there is a fairly high variation in the level of costs for innovation. Consider the dynamics of the share of costs for innovative activities in the total volume of goods shipped, work performed, services and other indicators by type of economic activity (*Table 1*).

Table 1 / Таблица 1

Dynamics of the Share of Costs for Innovative Activities in the Total Volume of Goods Shipped, Work Performed, Services in Russia for 2017-2019, percent / Динамика удельного веса затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в России за 2017-2019 гг., в процентах

Indicators / Показатели	2017	2018	2019
Overall for the economy	2.4	2.1	2.1
Extraction of mineral resources	1.5	0.9	0.9
Manufacturing industries, of which	1.9	1.7	1.9
Medium-Tech Industries			
Manufacture of chemicals and chemical products	2.1	2.6	2.4
Metallurgical production	1.2	1.5	2.0
Manufacture of electrical equipment	1.3	1.5	1.4
Production of coke and petroleum products	1.8	1.0	1.4
High-Tech Industries			
Manufacture of computers, electronic and optical products	5.6	5.5	5.7
Production of medicines and materials used for medical purposes	1.5	2.1	2.5

Source: compiled by the authors based on [8] / Источник: разработано авторами по [8]

The success of the implementation of innovation and investment projects is largely determined by the efficiency of the used model of their financing, therefore it is very important to identify an adequate and effective mechanism for financing long-term high-risk projects in high-tech sectors of the economy. As such a mechanism, one can single out project financing, in which the sources of payments and collateral are cash flows, material guarantees to the lender, the economic and technological viability of the project, the company's income and assets [9, 10].

Let us emphasize the priority of the classical mechanism of project financing in the context of the rapidly changing requirements of the modern economy due to its clearer focus on a specific goal. On the other hand, it is limited by a strict time frame for the implementation of an innovative project. In this regard, it is advisable to analyze and research various models of project financing.

A comparative analysis of various multi-instrumental models of financing innovation and investment projects is shown in the *Fig. 2*.

Thus, the systematization of financing models for innovation and investment projects according to the main features made it possible to highlight the advantages of project financing in comparison with other financing models, including its highest level of reliability from the position of financial partners and stakeholders.

The implementation of the project financing model is the most acceptable for modern Russia due

to the presence of a number of aspects, among which the increasing complexity and dynamism of socio-economic, industrial relations and relationships between the main participants under the influence of globalization processes and phenomena can be distinguished.

In addition, project financing is the most transparent in comparison with other models, it allows one to distribute areas of responsibility, required competencies and possible profit sharing. It should also be noted that project financing involves the use of effective methods for managing financial and economic risks, including the distribution and concentration of risks. At the same time, there are poorly studied aspects that require a transition to advanced models of project financing, which consist in the need to take special account of the qualitative characteristics of unique innovative projects, to determine a limited list of key performance indicators for project implementation, taking into account its category and significance. It is advisable to refer to such changes as an increase in information transparency and openness for potential participants in project financing, a more thorough examination and expert assessment of projects.

In addition to project financing, it is advisable to spread the venture financing model as a potential one for the implementation of high-risk projects, which will provide an opportunity to attract a larger number of aggressive investors to innovative activities [12].

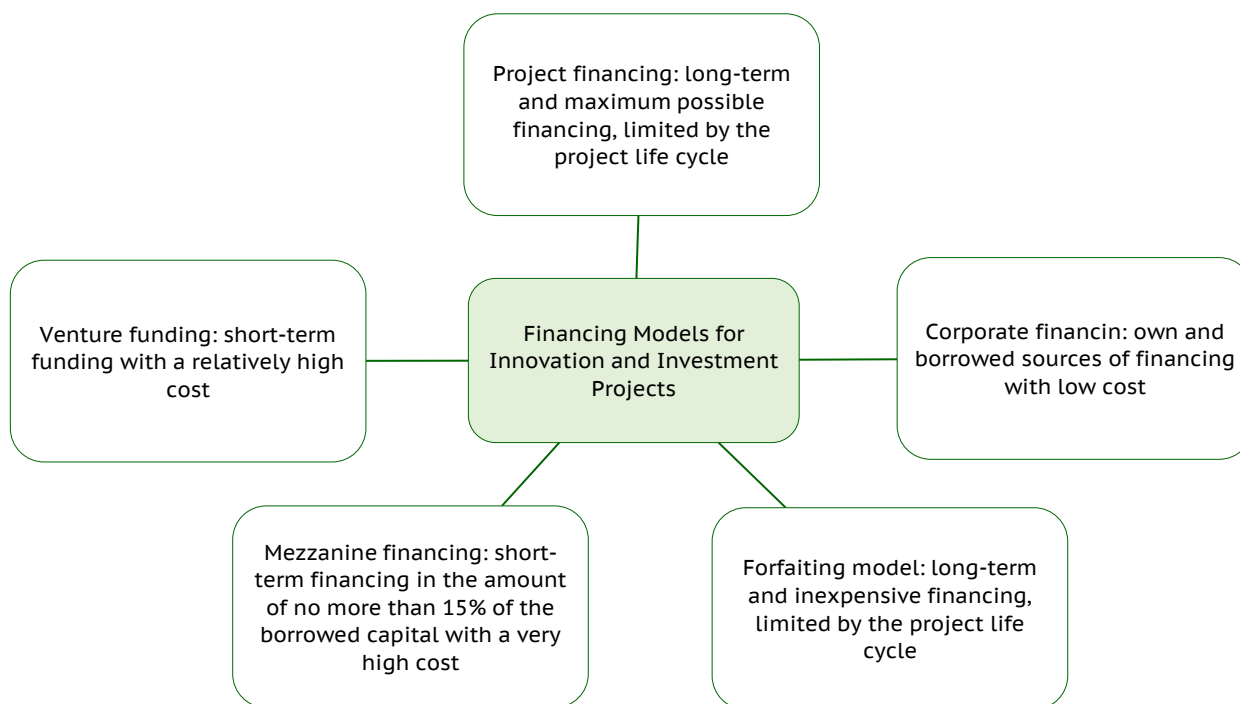

Fig. 2. Comparative Analysis of Various Models of Financing Innovation and Investment Projects / Рис. 2. Сравнительный анализ различных моделей финансирования инновационно-инвестиционных проектов

Source: compiled by the authors using [11] / Источник: разработано авторами с использованием [11]

Thus, it can be noted that the key areas of structural restructuring of the national industrial complex, increasing its innovative susceptibility, investment activity and technological modernization are:

- introduction of a project financing model as the most acceptable and effective for Russian industrial enterprises;
- the formation and implementation of a client-oriented network model of a sustainable innovation process based on the formation of technological chains by industrial companies, the target of which is to maximize the network added value;
- active implementation and use of innovation marketing tools for the transition to a higher technological order, taking into account the type of innovation and investment strategy implemented industrial company.

References

- [1] Komarnitskaya E.V. Marketing v sisteme upravleniya konkurentosposobnost'yu predpriyatiya [Marketing in the enterprise competitiveness management system]: Abstract of the dissertation for the degree PhD in Economics. Donetsk, 2019. 28 p. (In Russ.).
- [2] Safronchuk M.V. The Impact of Digital Transformation on Business and Business Environment // Economics and Management: Problems, Solutions. 2018. Vol. 2(3). Pp. 38-44. (In Russ.).
- [3] Kiselevich A.I. Organization of the Process of Technology Commercialization in the Russia Federation. In Proceedings – Mezhdunarodnye otnosheniya: istoriya, teoriya, praktika [International relations: history, theory, practice]: materials of the X scientific-practical conference of young scientists of the Belarusian State University, Minsk, February 5, 2020. Minsk: Belarusian State University, 2020. Pp. 160-164. (In Russ.).
- [4] Mikhailov D.A., Volkova Z.N., Grigirieva I.V., and Khorokhorina G.A. Current problems of commercialization of innovations in the production sphere of the Russian Federation // Economic Science. 2019. Vol. 180. Pp. 71-74. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.180.71
- [5] The Global Competitiveness Index (2019). NoNews. (In Russ.). URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-competitiveness-index> (accessed on 14.05.2021).
- [6] Gnezdova Ju.V., Kugelev I.M., Romanova I.N., and Romanova Ju.A. Conceptual Model of the Territorial Manufacturing Cooperative System Use in Russia // Journal of Internet Banking and Commerce. 2016. Vol. 21(S4). P. 012.
- [7] Ergashhodjaeva Sh.Ja. Genesis of the Concept of the Essence of Innovation Marketing // ISJ Theoretical & Applied Science. 2018. Vol. 03(59). Pp. 113-119. DOI: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2018.03.59.16>
- [8] Federal State Statistics Service (2021). (In Russ.). URL: <http://www.gks.ru/> (accessed on 02.06.2021).
- [9] Pereverzeva V.V. Project finance mechanism for investment project realization // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2018. Vol. 3(99). Pp. 24-32. (In Russ.).
- [10] Aladayleh Kh.J., Alvarado L.E.M., and Jafaari A. Innovative Marketing Approach in Project Management: A Market orientation perspective // Journal of Innovations in Digital Marketing. 2020. Vol. 1(1). Pp. 8-15. DOI: <http://dx.doi.org/10.51300/jidm-2020-14>
- [11] Stanchik Ju. Horizontal and Vertical FDI Spillovers: Recent Evidence from the Czech Republic // CERGE-EI. 2007. Vol. 340. DOI:10.2139/ssrn.1093662
- [12] Venture Russia. Results 2020 (2021). DSight. (In Russ.). URL: https://www.kaspersky.com/ihub/assets/Report_Venture_Russia_FY2020_RUS.pdf (accessed on 20.05.2021).

Информация об авторах / About the Authors

Михаил Яковлевич Веселовский – д-р экон. наук, профессор; заведующий кафедрой, Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова, Королев, Россия / **Mikhail Ya. Veselovsky** – Doctor of Economics, Professor; Head of the Department, LEONOV Moscow Region University of Technology, Korolev, Russia

E-mail: consult46@bk.ru

SPIN РИНЦ 8335-7740

ORCID 0000-0002-1078-3235

Татьяна Витальевна Погодина – д-р экон. наук, профессор; профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия / **Tatyana V. Pogodina** – Doctor of Economics, Professor; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: ods@fa.ru

SPIN РИНЦ 7071-2464

Ирина Ивановна Чуева – канд. экон. наук, доцент; доцент, Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова, Королев, Россия / **Irina I. Chueva** – PhD of Economics, Docent; Associate Professor, LEONOV Moscow Region University of Technology, Korolev, Russia

E-mail: ii.chueva@mail.ru

SPIN РИНЦ 9063-2325

ORCID 0000-0002-6053-5045

Дата поступления статьи: 5 июня 2021

Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: June 5, 2021

Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).11-20

УДК 332.12:330.354:330.322

JEL E22, R11, R58

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

А.В. Лебедева, Министерство финансов Новгородской области, Великий Новгород, Россия; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Г.В. Лебедева, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Аннотация. Развитие российской экономики возможно только при условии повышения инвестиционной активности и значительном притоке инвестиций. Инвестиционная политика оказывает огромное влияние на динамику и структуру частных и государственных капиталовложений в стране. Именно она формирует инвестиционный климат. Пандемия COVID-19 привела к резким кардинальным изменениям, следствием которых стало замедление экономического роста. Безработица и неполная занятость, вызванные коронавирусным кризисом, могут привести к существенному ухудшению положения примерно 1.6 млрд. работников неформального сектора экономики – половины трудовых ресурсов во всем мире. Из-за низкой покупательной способности отсутствуют стимулы для инвестирования, из-за ограниченности сбережений и отсутствия капиталовложения и возникает порочный круг нищеты. Инвестиционная политика в каждом регионе имеет свои особенности, обусловленные экономической и социальной региональной политикой. Адекватный выбор инвестиционной политики позволяет сконцентрировать деятельность и ресурсы на реализации инвестиционного потенциала и эффективном развитии региона в рыночной среде. Социальные и экономические индикаторы развития Новгородской области свидетельствуют о необходимости проведения активной социально-экономической политики, в том числе инвестиционной, направленной на увеличение темпов экономического роста и повышение его устойчивости в целях обеспечения экономической безопасности региона. Проведенное исследование позволило охарактеризовать основные элементы, составляющие, этапы разработки инвестиционной политики Новгородской области; анализ динамики ВРП, объема инвестиций и уровня безработицы – выявить ключевые проблемы при реализации инвестиционной политики региона: сокращение общего объема инвестиций и инвестиций на душу населения, что приводит к сокращению физического объема ВРП и росту безработицы (наибольшее сокращение инвестиционных расходов произошло по виду экономической деятельности «строительство»); высокую закредитованность инвестиционных расходов и ее рост в динамике при сокращении привлечения для финансирования инвестиций бюджетных средств.

Ключевые слова: безработица, ВРП, инвестиционная политика, инвестиционные расходы, Новгородская область, порочный круг нищеты, региональная экономика, устойчивое развитие

Для цитирования: Лебедева А.В., Лебедева Г.В. Проблемы реализации инвестиционной политики в системе социально-экономического развития региона // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 11-20. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).11-20

ORIGINAL PAPER

PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF INVESTMENT POLICY IN THE REGION SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

A.V. Lebedeva, Ministry of Finance of the Novgorod Region, Veliky Novgorod, Russia; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

G.V. Lebedeva, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Abstract. The Russian economy development is possible only if investment activity increases and a significant investment flow is made. Investment policy has a huge impact on the dynamics and structure of private and public investment in the country. It is it that forms the investment climate. The COVID-19 pandemic has led to sharp and dramatic changes that have led to a slowdown in economic growth. Unemployment and underemployment caused by the coronavirus crisis could lead to a significant deterioration in the situation of approximately 1.6 bln workers in the informal economy – half of the world's labour force. Due to low purchasing power, there are no incentives for investment, it is due to limited savings and lack of investment, that a vicious circle of poverty arises. Investment policy in each region has its own characteristics due to economic and social regional policy. An adequate choice of investment policy makes it possible to concentrate activities

and resources on the implementing investment potential and the effective region development in a market environment. Economic and social indicators of the Novgorod region development indicate the need for an active socio-economic policy, including investment aimed at increase in the pace of economic growth and improving its sustainability in order to ensure the region economic security. The study has made it possible to characterize the main elements, components, stages of Novgorod region investment policy development; analysis of the GRP dynamics, the investment volume and the unemployment level – to identify the key problems in implementing the region investment policy: a decrease in investment and investment per capita, which leads to a decrease in the physical volume of GRP and an increase in unemployment (the largest reduction in investment spending occurred by the “construction” type of economic activities); high debt load of investment spending and its growth in dynamics with a decrease in attracting budget funds to finance investments.

Keywords: unemployment, GRP, investment policy, investment spending, Novgorod region, vicious circle of poverty, regional economy, sustainable development

For citation: Lebedeva A.V., and Lebedeva G.V. Problems of the Implementation of Investment Policy in the Region System of Socio-Economic Development // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 11-20. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).11-20

Проблема экономического роста является в экономической науке одной из основных тем исследования. Существует большое разнообразие моделей [1-3] и подходов в области политики экономического роста, которые в отдельных позициях противоречат друг другу. Прогнозы темпов и факторов роста, отталкивающиеся от разных моделей, также в существенной степени отличаются. Являясь компонентой ВВП (ВРП), инвестиционные расходы оказывают существенное влияние на экономическую динамику: во-первых, темп роста инвестиционных расходов и их доля в ВВП задают величину вклада этого агрегированного показателя в темп роста экономики; во-вторых, структура распределения инвестиций между капиталом и трудом влияет на возможность сочетания этих двух факторов в обеспечении экономического роста. Кроме того, распределение инвестиций между старыми и новыми технологиями формирует долгосрочный потенциал экономического роста и его параметры эффективности (за счет возможного повышения производительности труда и повышения уровня автоматизации различных производств) [1].

Общая величина инвестиций, а также их распределение по объектам и направлениям использования влияют на текущую динамику, в том числе посредством действия мультипликационного эффекта. По этой причине, с точки зрения инвестиционной политики роста, имеет значение величина, темп инвестиций, а также структура их распределения с учетом чувствительности релевантных параметров экономики к инвестициям каждого вида [1].

Региональная инвестиционная политика – система мер, осуществляемых на уровне региона, способствующих привлечению инвестиционных ресурсов и определению направлений их наиболее эффективного использования в интересах жителей региона и инвесторов. Инвестиционная политика в каждом регионе имеет свои особенности, обусловленные экономической и социаль-

ной политикой, величиной производственного потенциала, географическим местонахождением, природно-климатическими условиями региона и др. Элементы региональной инвестиционной политики Новгородской области представлены на *рис. 1*.

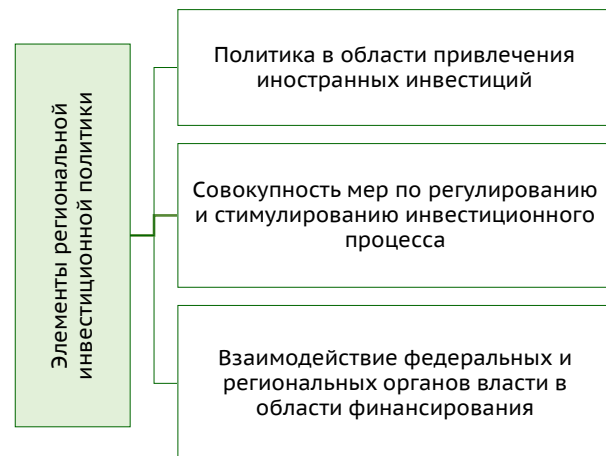

Рис. 1. Элементы региональной инвестиционной политики / Fig. 1. Elements of Regional Investment Policy

Источник: составлено авторами / *Source:* compiled by the authors

Наиболее значимые этапы разработки региональной инвестиционной политики Новгородской области представлены на *рис. 2*. Адекватный выбор инвестиционной политики позволяет сконцентрировать деятельность и ресурсы на реализации инвестиционного потенциала и эффективном развитии региона в рыночной среде. При разработке инвестиционной политики необходимо выявить роль, место и функции субъекта управления региональной инвестиционной системы в инвестиционном процессе, обозначить стратегические приоритеты развития региона, обосновать экономические и социальные факторы реализации политики. Для региональной инвестиционной политики формируются нормы, которые позволяют оценить эффективность инвестиционной деятельности [4-6].

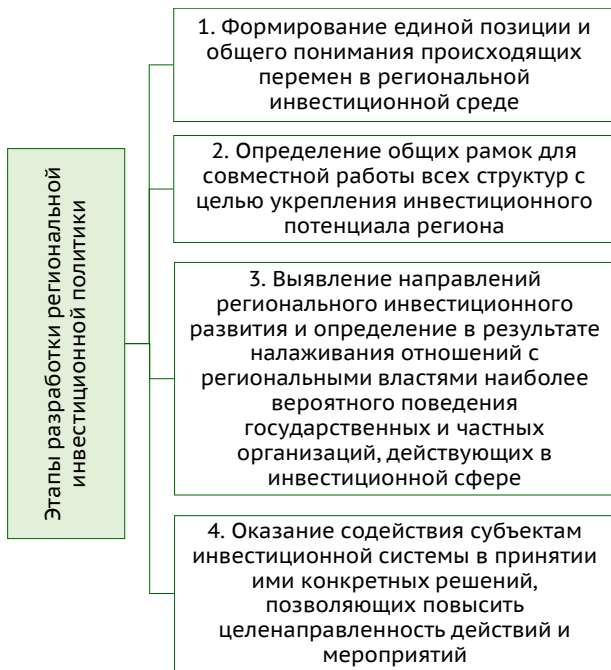

Рис. 2. Этапы разработки региональной инвестиционной политики / Fig. 2. Stages of Regional Investment Policy Development

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors

Как правило, устанавливаются одновременно и качественные, и количественные нормы проведения инвестиционной политики (рис. 3).

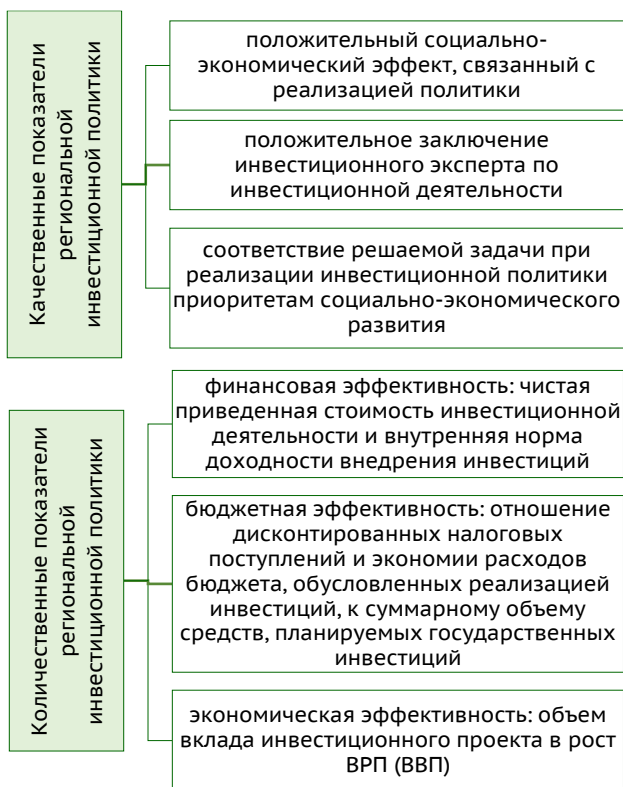

Рис. 3. Качественные и количественные критерии оценки региональной инвестиционной политики / Fig. 3. Qualitative and Quantitative Criteria for Assessing Regional Investment Policy

Источник: [5] / Source: [5]

Одним из важнейших вопросов осуществления региональной инвестиционной политики является ее ресурсное, в частности, финансовое обеспечение, что особенно актуально в условиях дефицита бюджетных инвестиций. Можно отметить, что формы и методы стимулирования инвесторов российскими регионами соответствует мировой практике [7, 8].

Основные составляющие инвестиционной политики в Новгородской области представлены на рис. 4.

Рис. 4. Основные составляющие региональной инвестиционной политики / Fig. 4. The Main Components of Regional Investment Policy

Источник: [9-11] / Source: [9-11]

Общеизвестно, что инвестиции являются ключевым фактором, определяющим объем производства на микро- и макроуровне. Динамика инвестиционных расходов, согласно кейнсианской теории, определяет темпы экономического роста [12, 13]. Данная концепция нашла свое отражение в Докладе ООН о целях в области устойчивого развития [14].

Цели в области устойчивого развития (ЦУР) (англ. – Sustainable Development Goals (SDGs)) – набор из 17 взаимосвязанных целей, разработанных в 2015 г. Генеральной ассамблеей ООН в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех». Эти цели были названы в резолюции Генассамблеи «Повесткой дня на период до 2030 года» и они заменили со-

бой Цели развития тысячелетия. Итоговый документ Генассамблеи «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» содержит 17 глобальных целей (рис. 5) и 169 соответствующих задач [14].

Рис. 5. Цели в области устойчивого развития /
Fig. 5. Sustainable Development Goals

Источник: [14] / Source: [14]

При рассмотрении проблем разработки и реализации инвестиционной политики особенно актуальной представляется цель 8: Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех [14].

После глобального экономического спада в 2009 г. во всем мире наблюдались рост производительности труда и снижение уровня безработицы, хотя положение в разных регионах существенно различалось. Десять лет спустя, в 2019 г., темпы роста мировой экономики вновь замедлились, опустившись до самой низкой отметки с 2008-2009 гг. Пандемия COVID-19 в 2020 г. привела к резким кардинальным изменениям, следствием которых стало еще большее замедление экономического роста. COVID-19 оказывает негативное воздействие на мировые рынки труда, особенно на положение занятых в неформальном секторе, самозанятых, поденщиков и работников секторов, в наибольшей степени подверженных риску дезорганизации. По оценкам экспертов, можно ожидать самого масштабного роста безработицы в мире со времен Второй мировой войны. В то же время кризис создает серьезную угрозу безопасности и гигиене труда работников и может повысить риск детского труда. Как отмечается в Докладе [14], необходимы срочные политические меры для поддержки предприятий, повышения спроса на трудовые ресурсы и сохранения существующих рабочих мест – особенно для наиболее уязвимых групп населения, – чтобы обеспечить полную и производительную занятость и достойную работу для всех женщин и мужчин.

В 2018 г. темпы роста реального ВВП на душу населения по миру в целом составили 2.0%, что соответствует среднегодовому уровню за 2010-2018 гг. Поступательный рост ВВП на душу населения в этот период был обусловлен, главным образом, высокими его темпами в Восточной и

Юго-Восточной Азии, а также в Центральной и Южной Азии. В 2019 г. темпы роста снизились до 1.5%, а в 2020 г. пандемия COVID-19 ввергает мир в самый тяжелый экономический кризис со времен Великой депрессии. В 2020 г. реальный ВВП на душу населения снизился на 4.2%, а в 2021 г., согласно прогнозам, вновь начнет расти темпами в 3.1% в год. Темпы роста реального ВВП в наименее развитых странах достигли 4.5% в 2018 г. и 4.8% в 2019 г. В 2020 г. из-за пандемии этот показатель снизился до 0.8%, а в 2021 г., согласно прогнозам, вновь возрастет до 4.6%. Это означает, что предусмотренная в рамках ЦУР задача поддержания роста реального ВВП в наименее развитых странах на уровне не менее 7% в год остается нерешенной [14].

Среднемировой объем произведенной продукции, приходящийся на одного работника, – показатель производительности труда – с 2000 г. неуклонно растет, причем этот рост приостанавливался лишь на короткое время во время экономического спада 2009 г. Темпы роста производительности труда достигли 1.6% в 2018 г. и 1.4% в 2019 г. На росте производительности труда в 2020 г. негативно сказалось сокращение во всем мире объема рабочего времени и экономический спад из-за вызванного COVID-19 кризиса.

Безработица и неполная занятость, вызванные COVID-19 кризисом, могут привести к существенному ухудшению положения примерно 1.6 млрд работников неформального сектора экономики – половины трудовых ресурсов во всем мире. По оценкам, в первый месяц кризиса доходы работников неформального сектора во всем мире сократились на 60%, а в некоторых регионах – до 81%. Для обеспечения достойной работы для всех к 2030 г. необходимо срочно принять действенные политические меры, направленные на защиту как предприятий (особенно малых), так и работников в неформальном секторе экономики [14]. В 2019 г. уровень безработицы в мире составлял 5%. Особенно остро проблема безработицы стояла в Северной Африке и Западной Азии, где работы не имели 11% трудоспособного населения, причем среди женщин уровень безработицы был на 9 п.п. выше, чем среди мужчин. Кроме того, во всех регионах в 2019 г. уровень безработицы среди молодежи был значительно выше, чем среди взрослых работников. Помимо этого, в 40 из 59 стран, по которым имеются актуальные и сопоставимые данные, уровень безработицы был выше среди инвалидов [14].

Ожидается, что пандемия COVID-19 окажет крайне негативное влияние на уровень безработицы в мире. По оценкам Международной организации труда, общемировой объем рабочего времени во II квартале 2020 г. сократился на 14%. Это эквивалентно рабочему времени примерно 400 млн. работников, занятых полный рабочий день и работающих 48 часов в неделю [14].

При анализе проблем инвестиционной политики следует также обратить внимание на такую концепцию, как порочный круг бедности (нищеты). Это взаимосвязь факторов, объясняющая слаборазвитость отдельных экономических агентов, регионов и стран. Колебания экономических условий, связанные с улучшением, нивелируются последующим ростом населения. Данная проблема актуальна для развивающихся стран, когда низкий уровень дохода на душу населения не позволяет осуществлять сбережения и инвестиции на уровне, необходимом для достижения минимального темпа экономического роста. Домохозяйства не имеют возможности и стимулов сберегать, низкие доходы означают низкий спрос, в результате которых бедные ресурсы и отсутствие стимулов препятствуют инвестированию в физический и человеческий капиталы, а отсюда производительность труда остается низкой. Узость внутреннего рынка и нехватка ресурсов приводит к низкой производительности труда, а значит к низкому уровню дохода. Из-за низкой покупательной способности отсутствуют стимулы для инвестирования, из-за ограниченности сбережений и отсутствия капиталовложения и возникает порочный круг нищеты (рис. 6).

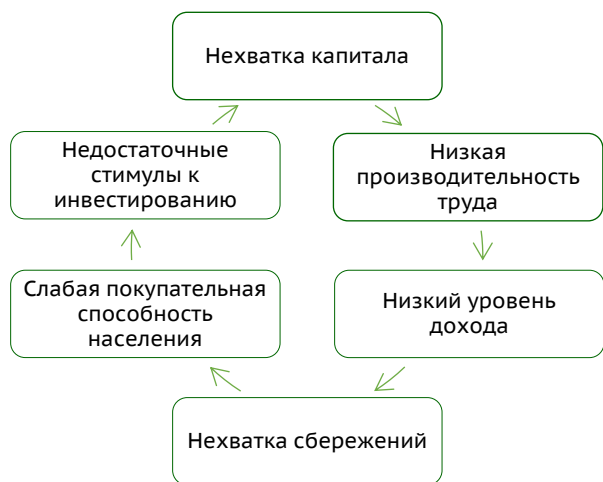

Рис. 6. Порочный круг бедности / Fig. 6. Vicious Circle of Poverty

Источник: составлено авторами по [6] / Source: compiled by the authors based on [6]

Согласно кейнсианству, первоначальный низкий уровень дохода определяет низкий уровень потребления и низкий уровень сбережения, а низкий уровень потребления снижает потребительский спрос, сужает внутренний рынок и низкий уровень темп роста инвестиций, что приводит к низкому уровню прибыльности и низким стимулам роста производства, что и определяет невысокий уровень дохода на душу населения.

Изучение проблемы порочного круга нищеты актуально не только на макро-, но и на мезо-, на микроуровнях. В региональной экономике порочный круг нищеты можно трактовать в соответствии с рис. 7.

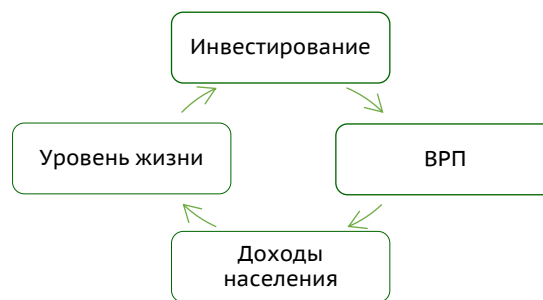

Рис. 7. Порочный круг бедности в региональной экономике / Fig. 7. Vicious Circle of Poverty in Regional Economy

Источник: составлено авторами по [6] / Source: compiled by the authors based on [6]

Как известно, порочный круг нищеты можно «разорвать» с помощью увеличения темпов роста накопления капитала, подняв уровень инвестиций до уровня 10% ВРП с одновременным контролем роста численности населения. Тогда будет наблюдаться рост реального дохода на душу населения, что приведет к увеличению сбережений и к повышению производительности труда и личного дохода. Внутренние источники могут преодолеть порочный круг бедности [15, 16].

Система макроэкономических показателей развития региона является базой для оценки мультипликативных эффектов, возникающих вследствие взаимосвязи и взаимообусловленности экономических потоков и характеризующих зависимость между ключевыми параметрами региональной экономики. Простейшим типом регионального мультипликатора, дающим агрегированную характеристику взаимосвязей регионального спроса и производства, является мультипликатор кейнсианского типа [17].

В табл. 1 представлены данные о ВРП, индексе физического объема в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году и численности безработных в Новгородской области за 2015-2020 гг. Динамика названных показателей за рассматриваемый период соответствует общемировым и общероссийским тенденциям.

Таблица 1 / Table 1

Динамика ВРП и численности безработных в Новгородской области, 2015-2020 гг. / Dynamics of GRP and the Number of Unemployed in Novgorod Region, 2015-2020

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ВРП в текущих ценах, млрд. руб.	234.1	253.1	256.2	259.3	273.5	X
Индекс физического объема в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году	102.2	101.6	101.9	98.2	102.2	X
Численность официально зарегистрированных безработных (на конец года), тыс. чел.	4.3	3.5	2.9	2.6	2.9	12.5

Источник: [18] / Source: [18]

В рассматриваемом периоде наблюдается рост ВРП в текущих ценах. Однако, динамика индекса физического объема свидетельствует о противоположной тенденции, что позволяет сделать вывод о том, что ВРП рос в основном за счет увеличения цен в процессе инфляции. Динамика численности безработных характеризуется ее резким ростом в 2020 г., что обусловлено пандемией COVID-19, как уже отмечалось выше.

На рис. 8-9 представлены данные об инвестициях в Новгородской области в основной капитал за 2013-2020 гг.

Рис. 8. Динамика инвестиций в основной капитал и индекса физического объема инвестиций в основной капитал в Новгородской области за 2013-2020 гг. / Fig. 8. Dynamics of Investments in Fixed Assets and the Volume Index of Investments in Fixed Assets in Novgorod Region for 2013-2020

Источник: [18] / Source: [18]

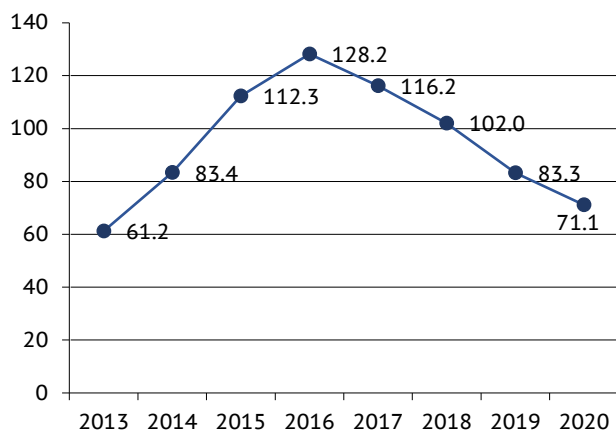

Рис. 9. Динамика инвестиций в основной капитал на душу населения в Новгородской области за 2013-2020 гг., тыс. руб. / Fig. 9. Dynamics of Investments in Fixed Assets Per Capita in Novgorod Region for 2013-2020, thousand rubles

Источник: [18] / Source: [18]

Как показал проведенный анализ динамики инвестиций, очевидная динамика роста инвестиций за 2015-2016 гг. сменяется их сокращением с 2017 г. на 28,6 млрд. руб. Динамика индекса физического объема инвестиций в основной капитал наглядно демонстрирует снижение инвестиционной активности. Помимо этого, наблюдается серьезный спад инвестиций в основной капитал на душу населения.

Рассмотрим структуру ВРП Новгородской области по видам экономической деятельности за 2017-2019 гг. (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

ВРП Новгородской области по видам экономической деятельности, 2017-2019 гг., млн. руб. / GRP of Novgorod Region by Type of Economic Activity, 2017-2019, mln rubles

Показатель / Indicator	2017	2018	2019
ВРП, всего, в том числе:	256165.8	259255.8	273543.5
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	16941.9	20016.0	20351.4
добыча полезных ископаемых	2148.7	1157.9	671.6
обрабатывающие производства	81692.1	86361.0	92670.5
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	14840.5	10455.0	9771.2
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	2154.9	2411.9	2512.0
строительство	25861.9	18679.0	15516.1
торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	22528.7	25501.2	34829.4
транспортировка и хранение	18460.6	18927.5	18371.8
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2803.7	3169.9	3291.6
деятельность в области информации и связи	4799.4	3770.9	3913.4
деятельность финансовая и страховая	547.5	567.7	599.1
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	19771.9	20687.7	22336.4
деятельность профессиональная, научная и техническая	3793.2	4197.0	4243.9
деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2287.4	2123.3	1959.6
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	14612.3	15715.3	16053.8
образование	7293.1	8185.9	8473.1
деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	11636.6	12331.9	13499.5

деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	3057.0	3901.9	3485.7
предоставление прочих видов услуг	934.3	1094.8	993.2

Источник: [18] / Source: [18]

Наибольший спад за рассматриваемый период наблюдается в строительстве: ВРП по виду экономической деятельности «строительство» в 2019 г. снизился на 10345,8 млн. руб. по сравнению с 2017 г. и составил 15516,1 млн. руб. Сокращение в целом за 2017-2019 гг. составило 40%.

Для оценки инвестиционной активности в строительной отрасли Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новгородской области проводит ежегодное обследование. В обследовании инвестиционной активности организаций, проведенном по состоянию на 10 октября 2020 г., приняли участие 217 организаций. По результатам обследования инвестиционную деятельность осуществляли 37% организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, и 63% – малых предприятий (без микропредприятий) [2].

Основными источниками финансирования инвестиций в основной капитал для большинства организаций в 2020 г. являлись собственные средства, их использовали 86% респондентов, на использование кредитных и заемных средств указали 27% руководителей организаций.

Основные цели инвестирования в основной капитал в строительной отрасли представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Распределение ответов респондентов при определении целей инвестирования в строительной отрасли, в процентах к общему числу организаций Новгородской области / Distribution of Respondents' Answers when Defining Investment Goals in the Construction Industry, as a Percentage of the Total Number of Organizations in Novgorod Region

Цели инвестирования / Investment Objectives	2019	2020
Увеличение производственной мощности:		
- с неизменной номенклатурой продукции	39	35
- с расширением номенклатуры продукции	20	29
Повышение эффективности производства:		
- автоматизация или механизация существующего производственного процесса	60	65
- внедрение новых производственных технологий	40	53
- снижение себестоимости продукции	45	51
- экономия энергоресурсов	38	44
Замена изношенной техники и оборудования	71	71
Создание новых рабочих мест	19	8
Охрана окружающей среды	37	36

Источник: [2] / Source: [2]

Более 90% руководителей организаций оценили свою экономическую ситуацию в 2020 г. как «благоприятную» и «удовлетворительную». 56% респондентов отмечают, что экономическая ситуация в организации в 2021 г. сохранится без изменений, 37% – предполагают ее улучшение, 5% – ожидают ухудшения экономического положения.

Основные факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность, представлены в табл. 4.

Таблица 4 / Table 4

Распределение ответов респондентов при определении факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность в строительной отрасли в Новгородской области, в % к общему числу организаций / Distribution of Respondents' Answers when Determining Factors Limiting Investment Activity in the Construction Industry in Novgorod Region, in % to the Total Number of Organizations

Факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность в строительной отрасли / Factors Limiting Investment Activity in the Construction Industry	2019	2020
Недостаточный спрос на продукцию	19	15
Недостаток собственных финансовых средств	61	53
Инвестиционные риски	57	67
Высокий уровень инфляции в стране	66	69
Высокий процент коммерческого кредита	71	54
Сложный механизм получения кредитов для реализации инвестиционных проектов	63	57
Существующий режим налогообложения инвестиционной деятельности	40	37
Колебания цен на мировом рынке энергоносителей	38	41
Неопределенность экономической ситуации в стране	63	83
Экономическая ситуация на мировом рынке	45	54
Несовершенная нормативно-правовая база, регулирующая инвестиционные процессы	28	34
Параметры курсовой политики в стране	47	46

Источник: [2] / Source: [2]

В табл. 5 представлены данные об объемах инвестиции в основной капитал по источникам финансирования за 2017-2020 гг. Инвестиции в основной капитал за счет кредитов банков в 2020 г. выросли на 1755.8 млн. руб. в сравнении с 2017 г. (3.34 раза) и составили 2507.6 млн. руб., что говорит о высокой закрепитованности инвестиций в основной капитал. Привлечение для финансирования инвестиций бюджетных средств значительно сократилось с 27488.8 млн руб. до 4797.8 млн руб. (5.73 раза).

При реализации инвестиционной политики постоянно обрабатываются сигналы внешней среды, и региональные власти имеют возможность гибко изменять текущие цели и модифицировать способы воздействия, что повышает эффективность регулирования инвестиционного процесса.

Таблица 5 / Table 5

Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами; в фактически действовавших ценах) за 2017-2020 гг., млн. руб. / Investments in Fixed Assets by Funding Sources (Excluding Small Businesses and the Volume of Investments not Observed by Direct Statistical Methods; in Actual Prices) for 2017-2020, mln rubles

Показатель / Indicator	2017	2018	2019	2020
Инвестиции в основной капитал, в том числе:	62787.4	54434.6	41119.4	34912.1
собственные средства	15127.2	26782.3	26600.4	21487.1
привлеченные средства, из них:	47660.2	27652.4	14519.0	13425.0
кредиты банков	751.8	638.3	1444.8	2507.6
заемные средства других организаций	8976.4	4198.4	3510.7	1668.0
бюджетные средства	27488.8	13220.6	6263.8	4797.8
средства государственных внебюджетных фондов	107.9	155.5	104.9	79.5
средства организаций и населения, привлеченные для долевого строительства	2536.5	2176.3	X	X
прочие	7686.4	5561.8	1191.8	2873.2

Источник: [18] / Source: [18]

В ходе проведенного анализа были выявлены следующие проблемы реализации инвестиционной политики Новгородской области:

1) сокращение инвестиций и инвестиций на душу населения, что приводит к сокращению физического объема ВРП и росту безработицы;

2) наибольшее сокращение инвестиционных расходов произошло по виду экономической деятельности «строительство»;

3) высокая закредитованность инвестиционных расходов и ее рост в динамике при сокращении привлечения для финансирования инвестиций бюджетных средств.

Тем не менее, инвестиции, являясь лишь одной из компонент ВВП (ВРП), не выступают панацеей в обеспечении высокого темпа экономического роста. В текущем периоде они вообще могут не дать основного вклада в темп роста, но заложить основу для будущего роста, если инвестирование связано с обновлением основного капитала [1, 17, 19].

Библиография

- [1] Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. Структурный и институциональный подходы в экономической теории роста. М.: Ленанд, 2020. 400 с.
- [2] Социально-экономическое положение Новгород-

ской области (доклад) (2021). Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новгородской области. URL: <https://novgorodstat.gks.ru/storage/mediabank/eRhWUWaN/d122020%D0%A6%D0%92.pdf> (дата обращения 08.08.2021).

- [3] Iamsiraroj S. The foreign direct investment-economic growth nexus // International Review of Economics & Finance. 2016. Vol. 42. Pp. 116-133. (На англ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.iref.2015.10.044>
- [4] Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ (1999). КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения 03.08.2021).
- [5] Лебедева А.В., Лебедева Г.В. Инвестиционная политика на региональном уровне. Lambert Academic Publishing, 2019. 72 с.
- [6] Нуреев Р.М. Экономика развития. Учебник. М.: Норма, 2018. 367 с.
- [7] Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (2020). Гарант.Ру: Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения 05.08.2021).
- [8] Лебедева Г.В., Лебедева А.В. Динамика и структура инвестиций как фактор экономического развития региона // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 2. С. 38-43. DOI: 10.17513/sres.1004
- [9] Закон Новгородской области от 4 апреля 2019 года № 394-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2026 года» (2019). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553230534> (дата обращения 05.08.2021).
- [10] Указ Губернатора Новгородской области от 20 марта 2015 года № 90 «Об утверждении инвестиционной стратегии Новгородской области до 2020 года» (2015). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/424085244> (дата обращения 08.08.2021).
- [11] Инвестиционный портал Новгородской области (2021). URL: <https://novgorodinvest.ru/> (дата обращения 05.08.2021).
- [12] Calcagnini G., Giombini G., and Travaglini G. A theoretical model of imperfect markets and investment // Structural Change and Economic Dynamics. 2019. Vol. 50. Pp. 237-244. (На англ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.strueco.2019.07.005>
- [13] Vo L.V., and Le H.T.T. Strategic growth option, uncertainty, and R&D investment // International Review of Financial Analysis. 2017. Vol. 51. Pp. 16-24. (На англ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.irfa.2017.03.002>
- [14] Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2020 год (2020). Организация Объединенных Наций. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf (дата обращения 05.08.2021).
- [15] Pi J., and Zhang P. Structural change and wage inequality // International Review of Economics & Finance. 2018. Vol. 58(C). Pp. 699-707. (На англ.). DOI: 10.1016/j.iref.2018.07.010
- [16] Sukharev O.S. Economic crisis as a consequence COVID-19 virus attack: risk and damage assessment.

- // *Quantitative Finance and Economics*. 2020. Vol. 4(2). Pp. 274-293. (На англ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.3934/QFE.2020013>
- [17] Afonso A., and Aubyn St.M. Economic growth, public, and private investment returns in 17 OECD economies // *Portuguese Economic Journal*. 2019. Vol. 18(4). Pp. 47-65. (На англ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10258-018-0143-7>
- [18] Новгородская область в цифрах. 2021: Статистический сборник / Новгородстат – В.Н., 2021. 149 с.
- [19] Lebedeva G.V., and Lebedeva A.V. Reproduction proportions as a factor of sustainable development. In *Proceedings – The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2019. C. 669-677. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.05.82>
- References**
- [1] Sukharev O.S. *Ekonomicheskiy rost, instituty i tekhnologii. Strukturnyy i institutsional'nyy podkhody v ekonomicheskoy teorii rosta [Economic growth, institutions and technologies. Structural and institutional approaches in the economic theory of growth]*. M.: Lenand, 2020. 400 p. (In Russ.).
- [2] Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye Novgorodskoy oblasti [Socio-economic situation of the Novgorod region (report)]. Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Novgorod Region. URL: <https://novgorodstat.gks.ru/storage/mediabank/eRhWUWaN/d122020%D0%A6%D0%92.pdf> (accessed on 08.08.2021). (In Russ.).
- [3] Iamsiraroj S. The foreign direct investment-economic growth nexus // *International Review of Economics & Finance*. 2016. Vol. 42. Pp. 116-133. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.iref.2015.10.044>
- [4] Federal Law "Ob investitsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii, osushchestvlyayemoy v forme kapital'nykh vlozheniy" ["On investment activity in the Russian Federation carried out in the form of capital investments"] of February 25, 1999 No. 39-FZ (1999). Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (accessed on 03.08.2021). (In Russ.).
- [5] Lebedeva A.V., and Lebedeva G.V. *Investment policy at the regional level*. Lambert Academic Publishing, 2019. 72 p. (In Russ.).
- [6] Nureyev R.M. *Economics of development*. Textbook. M.: Norma, 2018. 367 p. (In Russ.).
- [7] Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda" ["On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030"] (2020). Garant.Ru: Information and legal portal. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (accessed on 05.08.2021). (In Russ.).
- [8] Lebedeva G.V., and Lebedeva A.V. Dynamics and structure of investments as a factor of economic development of the region // *Scientific Review. Economic Sciences*. 2019. Vol. 2. Pp. 38-43. (In Russ.). DOI: [10.17513/sres.1004](https://doi.org/10.17513/sres.1004)
- [9] Law of the Novgorod Region of April 4, 2019 No. 394-RL "O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Novgorodskoy oblasti do 2026 goda" ["On the Strategy of Social and Economic Development of the Novgorod Region until 2026"] (2019). Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553230534> (accessed on 05.08.2021). (In Russ.).
- [10] Decree of the Governor of the Novgorod Region of March 20, 2015 No. 90 "Ob utverzhdenii investitsionnoy strategii Novgorodskoy oblasti do 2020 goda" ["On approval of the investment strategy of the Novgorod Region until 2020"] (2015). Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/424085244> (accessed on 05.08.2021). (In Russ.).
- [11] Investment Portal of the Novgorod region (2021). URL: <https://novgorodinvest.ru/> (accessed on 05.08.2021). (In Russ.).
- [12] Calcagnini G., Giombini G., and Travaglini G. A theoretical model of imperfect markets and investment // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2019. Vol. 50. Pp. 237-244. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.strueco.2019.07.005>
- [13] Vo L.V., and Le H.T.T. Strategic growth option, uncertainty, and R&D investment // *International Review of Financial Analysis*. 2017. Vol. 51. Pp. 16-24. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.irfa.2017.03.002>
- [14] Sustainable Development Goals Report 2020 (2020). United Nations. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020-Russian.pdf> (accessed on 05.08.2021). (In Russ.).
- [15] Pi J., and Zhang P. Structural change and wage inequality // *International Review of Economics & Finance*. 2018. Vol. 58(C). Pp. 699-707. DOI: [10.1016/j.iref.2018.07.010](https://doi.org/10.1016/j.iref.2018.07.010)
- [16] Sukharev O.S. Economic crisis as a consequence COVID-19 virus attack: risk and damage assessment. // *Quantitative Finance and Economics*. 2020. Vol. 4(2). Pp. 274-293. DOI: <http://dx.doi.org/10.3934/QFE.2020013>
- [17] Afonso A., and Aubyn St.M. Economic growth, public, and private investment returns in 17 OECD economies // *Portuguese Economic Journal*. 2019. Vol. 18(4). Pp. 47-65. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10258-018-0143-7>
- [18] Novgorod Region in Figures. 2021: Statistical collection / Novgorodstat – V.N., 2021. 149 p. (In Russ.).
- [19] Lebedeva G.V., and Lebedeva A.V. Reproduction proportions as a factor of sustainable development. In *Proceedings – The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2019. C. 669-677. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.05.82>

Информация об авторах / About the Authors

Александра Владимировна Лебедева – главный специалист-эксперт отдела финансирования непроектируемой сферы, Министерство финансов Новгородской области, Великий Новгород, Россия; магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия / **Aleksandra V. Lebedeva** – Chief Specialist-Expert, Non-Production Financing Department; Ministry of Finance of the Novgorod Region, Veliky Novgorod, Russia; Student in the Master's programme, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
E-mail: Alexandra.Lebedeva@novsu.ru

SPIN РИНЦ 4130-3876

ORCID 0000-0002-6086-9360

Галина Вячеславна Лебедева – канд. экон. наук, доцент; преподаватель, Политехнический колледж, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия / **Galina V. Lebedeva** – PhD in Economics, Docent; Lecturer, Polytechnic College, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

E-mail: Galina.Lebedeva@novsu.ru

SPIN РИНЦ 2473-5870

ORCID 0000-0002-6394-9083

Дата поступления статьи: 10 августа 2021

Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: August 10, 2021

Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).21-26

УДК 332.1(470)

JEL R11, R38, R58

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Г.В. Никитин, Агентство развития Новгородской области, Великий Новгород, Россия; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Т.Л. Сергеева, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос эффективности применения одного из инструментов территориального развития. Территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) – способ поддержания местных и привлечения новых компаний в отдельные российские регионы, повышения активности их бизнес-среды. Исследование имеет актуальность в связи с наличием восьмидесяти девяти действующих ТОСЭР на территории Российской Федерации. При этом у многих должностных лиц и известных экономистов возникает вопрос о целесообразности создания таких территорий. Вопрос неэффективности функционирования ТОСЭР на постоянной основе поднимается органами исполнительной власти, однако при этом в настоящее время критерии неэффективности или низкой результативности этих территорий законодательством не установлены. В статье обозначен ряд проблем института ТОСЭР, в частности, низкая заполняемость ТОСЭР связана с отсутствием коммунальной инфраструктуры на территориях, имеющих данный статус, а также с низкой предпринимательской активностью в соответствующем регионе. Кроме того, ограничения по разрешенным видам деятельности резидентов ТОСЭР также не способствуют привлечению инвесторов. Несмотря на сложности, многие компании, выбирая между возможностью размещения производства в крупных городских агломерациях или моногородах, зачастую выбирают последние благодаря меньшей сумме налогов и страховых взносов на работников. При этом в целом ситуация с функционированием института ТОСЭР остается недоработанной. В статье представлены предложения по улучшению работы различных уровней государственной власти, курирующих деятельность ТОСЭР. Для ускорения развития ТОСЭР государству следует сконцентрировать внимание не на количестве успешных ТОСЭР, а на качестве новых и работе отстающих территорий. Усиленное внимание к зонам, требующим развития, и корректировка механизмов управления ТОСЭР позволит выйти данному институту на более высокий уровень развития и составить конкуренцию особым экономическим зонам (ОЭЗ).

Ключевые слова: инвестиции, моногород, налоговые льготы, территория опережающего социально-экономического развития, ТОСЭР

Для цитирования: Никитин Г.В., Сергеева Т.Л. Проблемы и перспективы функционирования территорий опережающего социально-экономического развития России // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 21-26. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).21-26

ORIGINAL PAPER

PROBLEMS AND PROSPECTS OF FUNCTIONING OF TERRITORIES OF ADVANCED SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN RUSSIA

G.V. Nikitin, Novgorod Region Development Agency, Veliky Novgorod, Russia; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

T.L. Sergeeva, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Abstract. The article discusses the issue of the effectiveness of the use of one of the territorial development tools. Territories of Advanced Social and Economic Development (TASED) are a way to support local and attract new companies to certain Russian regions, to increase the activity of their business environment. The study is relevant due to the presence of eighty-nine operating TASED on the territory of the Russian Federation. At the same time, many officials and well-known economists have a question about the advisability of creating such territories. The issue of ineffectiveness of the TASED functioning is constantly raised by the executive authorities, however, at present, the criteria for inefficiency or low efficiency of these territories are not established by legislation. The article identifies a number of problems of the TASED institute, in particular, the low occupancy rate of the TASED is associated with the lack of communal infrastructure in the territories with this

status, as well as with low entrepreneurial activity in the corresponding region. In addition, restrictions on the permitted types of activities of the TASED residents also do not help to attract investors. Despite the difficulties, many companies, choosing between the possibility of locating production in large urban agglomerations or single-industry towns, often choose the latter due to the lower amount of taxes and insurance premiums for employees. At the same time, in general, the situation with the functioning of the TASED institute remains unfinished. The article presents proposals for improving the work of various government levels overseeing the TASED activities. To accelerate the TASED development, the state should focus not on the number of successful TASED, but on the quality of new and the work of lagging territories. Increased attention to areas requiring development and adjustment of management mechanisms for TASED will allow this institution to reach a higher level of development and compete with special economic zones (SEZ).

Keywords: investments, single-industry town, tax benefits, territory of advanced socio-economic development, TASED

For citation: Nikitin G.V., and Sergeeva T.L. Problems and Prospects of Functioning of Territories of Advanced Socio-Economic Development in Russia // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 21-26. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).21-26

С целью повышения уровня предпринимательской активности на территории нашей страны Правительство Российской Федерации использует различные инструменты для поддержания местных и привлечения новых компаний в регионы. В настоящее время одним из актуальных способов повышения активности бизнес-среды является применение инструментов территориального развития, основными из которых являются: особые экономические зоны (ОЭЗ), промышленные кластеры, индустриальные парки, технопарки, наукограды, а также территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), создание которых возможно исключительно на территориях монопрофильных муниципальных образований.

ТОСЭР выступает в роли усовершенствованного инструмента ОЭЗ, предполагающего создание более привлекательных условий для инвесторов и комфортных условий для трудовой деятельности населения [1].

По мнению Е.Б. Шулупова, К.А. Задумкина, А.А. Щербаковой, введение режима ТОСЭР – один из элементов модернизированной системы управления развитием сельских территорий в России, позволяющий добиться их устойчивого развития [2].

Несмотря на относительно небольшой срок существования ТОСЭР, многие экономисты изучают региональный опыт их формирования, возникающие проблемы, а также оценивают эффективность деятельности данных территорий и открывающиеся перспективы. Здесь можно отметить работы Д.Ю. Файкова, Н.В. Кашиной, Г.Р. Баймурзиной, О.П. Ивановой, Р.Г. Сафиуллина, Е.С. Конищева, Н.И. Шалаевой и др. [3-9].

Деятельность ТОСЭР регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее – Закон о ТОСЭР) [10]. Срок существования ТОСЭР составляет семьдесят лет и может быть продлен по решению Правительства

Российской Федерации. Резидентами ТОСЭР могут быть коммерческие организации, которые осуществляют определенную постановлением о создании ТОСЭР деятельность, имеющие регистрацию на территории моногорода, не являющиеся градообразующей организацией моногорода или ее дочерней организацией.

По состоянию на 15 марта 2021 г. в России зарегистрировано 89 ТОСЭР в моногородах, в результате функционирования которых зарегистрировано 922 резидента, создано более 40 тыс. рабочих мест, привлечено более 100 млрд. рублей инвестиций, выручка резидентов составляет 244 млрд. рублей [11].

При получении статуса резидента ТОСЭР компании могут рассчитывать на существенное снижение ставок (налоговая ставка может меняться в зависимости от налогового законодательства субъекта Российской Федерации) по налогам на прибыль, имущество, земельному налогу, а также на снижение до 7.6% общего размера необходимых к оплате страховых взносов и ускоренную процедуру возврата налога на добавленную стоимость (пониженные налоговые ставки могут быть применены при условии, что доход от деятельности, которую осуществляет резидент, составляет не менее 90% всех доходов).

Также для предпринимателей, осуществляющих деятельность на территории монопрофильных муниципальных образований, есть возможность получения субсидии на строительство инфраструктуры (95% от итоговой стоимости в соответствии с проектно-сметной документацией), а также льготного займа (от 5 млн. до 1000 млн. рублей под ставку 0.5% годовых) за счет средств НКО «Фонд развития моногородов».

Все вышеизложенные меры поддержки являются отличным инструментом для потенциальных инвесторов, которые готовы реализовывать проекты на территории ТОСЭР, и позволяют существенно сократить суммы средств, необходимых к уплате государству. Кроме того, возможность использования пониженной ставки по страховым

взносам является уникальной именно в ТОСЭР, ведь даже резиденты особых экономических зон не могут рассчитывать на данную меру поддержки.

Вопрос неэффективности ТОСЭР на постоянной основе поднимается органами исполнительной власти. Так, по мнению Счетной палаты, Закон о ТОСЭР принимался без расчетов будущих расходов и экономического эффекта, в связи с чем в настоящее время данные территории не всегда являются эффективными. При этом в настоящее время критерии неэффективности или низкой результативности ТОСЭР в Законе о ТОСЭР не устанавливаются.

Так, в соответствии с Законом о ТОСЭР, данная территория может быть признана неэффективной и подлежит упразднению только при условии, если по истечении трех лет с даты принятия решения о ее создании не заключено ни одного соглашения об осуществлении деятельности на такой территории или все ранее заключенные соглашения расторгнуты [10].

В то же время Министерством экономического развития Российской Федерации (далее Минэкономразвития РФ) разработан проект Закона о внесении изменений в Закон о ТОСЭР, в соответствии с которым прекращение существования данной территории возможно при оценке эффективности ее функционирования. Также в соответствии с данным нормативным актом, в случае прекращения существования ТОСЭР по данному основанию, юридические лица, включенные в реестр резидентов, сохраняют статус резидента и пользуются всеми льготами до прекращения действия соглашения об осуществлении деятельности. В настоящее время осуществляется формирование окончательного варианта текста проекта нормативного правового акта.

При формировании пакета документов о создании ТОСЭР органы исполнительной власти предоставляют в своей заявке информацию о потенциальных резидентах. В соответствии с этими данными при предоставлении статуса ТОСЭР заключается соглашение о создании ТОСЭР между Минэкономразвития РФ, высшими должностными лицами субъекта Российской Федерации и муниципального образования (на территориях которых создается ТОСЭР). Данным соглашением устанавливаются значения показателей эффективности функционирования ТОСЭР. Проект Закона о внесении изменений в Закон о ТОСЭР разработан для усиления контроля за деятельностью ТОСЭР и способен внести существенные ограничения в работу ТОСЭР, признаваемых неэффективными на основе заключенных соглашений.

К сожалению, ожидаемые региональными органами исполнительной власти результаты по заполнению ТОСЭР не всегда соответствуют реальности. Так, например, в соответствии с реестром резидентов, публикуемым на сайте Минэконо-

мразвития РФ, наиболее отстающими являются следующие ТОСЭР: «Емба» – 2 резидента (Республика Коми), «Галич» – 2 резидента (Костромская область), «Селенгинск» – 2 резидента (Республика Бурятия), «Решетиха» – 2 резидента (Нижегородская область), «Онега» – 2 резидента (Архангельская область), «Михайловка» – 1 резидент (Волгоградская область), «Горный» – 1 резидент (Новосибирская область) [12].

Очевидно, что данные ТОСЭР не выполняют требования, установленные в соответствии с соглашениями, заключенными с Минэкономразвития о создании ТОСЭР, ведь необходимость присвоения территориям данного статуса с целью предоставить налоговые льготы одной-двум компаниям была бы признана нецелесообразной.

Одной из главных причин низкой заполняемости ТОСЭР является отсутствие коммунальной инфраструктуры на территориях, имеющих данный статус. Действительно, как в целом по регионам, так и на данных территориях имеются сложности с подключением к сетям ресурсоснабжающих организаций, в том числе к сетям газоснабжения, электроснабжения, водоснабжения / водоотведения и др. При определении технических условий на подключения к вышеназванной инфраструктуре организации либо не могут совсем присоединиться на необходимую мощность, либо стоимость подключения составляет десятки и сотни миллионов рублей. В связи с чем реализация инвестиционного проекта на территориях с развитой коммунальной инфраструктурой становится более выгодна, чем налоговые преференции, предоставляемые резидентам ТОСЭР. В данных обстоятельствах потенциальные резиденты могут выбирать в качестве места для реализации проектов особые экономические зоны, в которых государство берет на себя строительство объектов коммунальной инфраструктуры, или площадки, не имеющие какого-либо преференциального статуса, и где данная проблема отсутствует. Также зачастую компании могут вовсе отказаться от идеи реализации инвестиционного проекта.

При этом ТОСЭР, где имеется необходимая коммунальная инфраструктура (или стоимость подключения к ней не требует значительных затрат для инициаторов проектов), имеют значительную наполняемость новыми компаниями. Так, лидерами по числу резидентов являются следующие ТОСЭР: «Тольятти» – 80 резидентов (Самарская область), «Димитровград» – 46 резидентов (Ульяновская область), «Новокузнецк» – 43 резидента (Кемеровская область), «Губкин» – 41 резидент (Белгородская область), «Набережные Челны» – 40 резидентов (Республика Татарстан) [12].

Второй основной причиной небольшого количества резидентов в отстающих ТОСЭР является низкая предпринимательская активность в соответствующем регионе. На территориях, которые являются лидерами по числу резидентов, проис-

ходит, так называемый, синергетический эффект, при котором темп развития экономики значительно превосходит скорость развития региона, где находятся слабо развитые ТОСЭР. Также значительную роль играет наличие якорного предприятия в регионе, при котором возникают небольшие вспомогательные производства, которые могут быть новыми резидентами ТОСЭР.

Ключевыми резидентами ТОСЭР могут стать и участники внутрирегиональных промышленных кластеров на территории моногородов, причем создание кластерной структуры обеспечит синергетический эффект от преимуществ ТОСЭР и кластерного подхода [6, 13, 14].

Также усугубляют ситуацию с потенциальными инвесторами ограничения по разрешенным видам деятельности резидентов (отсутствуют в особых экономических зонах), устанавливаемым постановлениями о создании ТОСЭР. Изначально было задумано, что каждая ТОСЭР будет иметь свои не связанные с деятельностью градообразующих компаний специализации, которые будут представлены в определенном ограниченном количестве. Но позже стало понятно, что не всегда потенциальные резиденты могут разместить свои производства в ТОСЭР из-за данных условных ограничений, установленных Постановлением о создании ТОСЭР. После чего у регионов появилась возможность подачи заявки на расширение перечня разрешенных видов экономической деятельности. В данную заявку можно включить все ОКВЭД, кроме деятельности, связанной с градообразующей компанией ТОСЭР и направлений, связанных с естественными монополиями, торговлей, арендой и пр. При этом в заявке на расширение списка ОКВЭД необходимо обоснование их добавления, что подразумевает под собой увеличение ключевых показателей эффективности в части количества резидентов, объема инвестиций и количества рабочих мест, устанавливаемым соглашением о создании ТОСЭР. Новые показатели, устанавливаемые дополнительным соглашением, становятся недостижимыми для отстающих ТОСЭР, где и без того существуют проблемы с инвесторами.

Существование института ТОСЭР, безусловно, сказывается положительно на инвестиционной привлекательности регионов. Многие компании, выбирая между возможностью размещения производства в крупных городских агломерациях или моногородах, зачастую выбирают последние благодаря меньшей сумме налогов и страховых взносов на работников. При этом в целом ситуация с функционированием института ТОСЭР остается недоработанной, в связи с чем необходимо предпринять ряд шагов для помощи отстающим ТОСЭР или для их ликвидации.

1) Необходимо принять на законодательном уровне более определенный порядок оценки эффективности ТОСЭР, в соответствии с которым

появится возможность оказывать поддержку или лишать статуса ТОСЭР территории с низкой заполняемостью.

2) Следует разработать механизм, в соответствии с которым отстающие по заполняемости ТОСЭР регионы получают возможность получения финансирования Фонда развития моногородов на строительство инфраструктуры для резидентов. Данная мера поддержки при грамотном подходе может помочь обеспечить сразу несколько резидентов необходимой коммунальной инфраструктурой.

3) Необходимо увеличить возможный срок использования льготных страховых взносов с трех до пяти лет, чтобы ТОСЭР, получившие статус, смогли успеть развиваться и построить необходимую коммунальную инфраструктуру для потенциальных резидентов.

4) Необходимо без заявительной формы максимально расширить список видов разрешенной деятельности резидентов ТОСЭР для всех созданных зон, чтобы устранить данное необоснованное ограничение. Эта мера также пойдет на пользу и потенциальным инвесторам, ведь они будут выбирать ТОСЭР для размещения производства, исходя не из разрешенных ОКВЭД, а руководствуясь экономическими и логистическими факторами.

5) Следует создавать при региональных органах исполнительной власти управляющие компании в виде государственных бюджетных учреждений. Данное решение позволит уменьшить бюрократическую неопределенность при выполнении работ, связанных с деятельностью ТОСЭР, разгрузить органы местного самоуправления и органы исполнительной власти субъектов, а также позволит потенциальным инвесторам работать со специалистами управляющих компаний в режиме «одного окна».

Институт ТОСЭР в Российской Федерации в настоящее время уже достаточно сформирован и несет в себе неоспоримую выгоду как для государства на его федеральном, региональном и местном уровне, так и для частного бизнеса. Налоговые льготы, предоставляемые резидентам, и другие преференции ТОСЭР подталкивают предпринимателей на открытие новых производств, в то же время строительство новых предприятий подталкивает органы власти на развитие территорий. Использование государством данного инструмента территориального развития в дальнейшем будет способствовать экономическому росту регионов, что позволит привлечь новых инвесторов и создать рабочие места. В то же время для ускорения развития ТОСЭР государству следует сконцентрировать внимание не на количестве успешных ТОСЭР, а на качестве новых и работе отстающих территорий. Усиленное внимание к зонам, требующим развития, и корректировка механизмов управления ТОСЭР позволит

выйти данному институту на более высокий уровень развития и составить конкуренцию особым экономическим зонам.

Библиография

- [1] Шаров С.В. Региональный опыт формирования территорий опережающего развития // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: экономика и управление. 2020. № 16. С. 102-104.
- [2] Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербаклова А.А. О подходах к построению новой системы государственного управления развитием сельских территорий Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Том 13. № 4. С. 136-153. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.8
- [3] Файков Д.Ю. Территории опережающего социально-экономического развития в моногородах: первые обобщения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: политические, социологические и экономические науки. 2019. Том 4. № 2. С. 253-262. DOI: <https://doi.org/10.21306/2500-3372-2019-4-2-253-262>
- [4] Кашина Н.В. Территории опережающего развития: новый инструмент привлечения инвестиций на Дальний Восток России // Экономика региона. 2016. Том 12. № 2. С. 569-585. DOI: 10.17059/2016-2-21
- [5] Баймурзина Г.Р., Кабашова Е.В. Особенности социального и экономического развития современных моногородов Республики Башкортостан // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Том 13. № 1. С. 106-124. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.6
- [6] Иванова О.П. Этапы и принципы создания кластеров на территориях опережающего социально-экономического развития моногородов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 1(23). С. 14-27.
- [7] Сафиуллин Р.Г., Тагирова Э.И. Проблемы и перспективы развития территорий опережающего социально-экономического развития в Республике Башкортостан // Фундаментальные исследования. 2021. № 6. С. 81-86. DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.43062>
- [8] Конищев Е.С., Неткачев К.И. Особенности и риски функционирования территорий опережающего социально-экономического развития в России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10(2). С. 112-117. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-2-112-117>
- [9] Шалаева Н.И. Создание ТОСЭР (территорий опережающего социально-экономического развития) как один из способов привлечения инвестиций в Приморский край // Экономика и предпринимательство. 2018. № 8(97). С. 750-752.
- [10] Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 № 473-ФЗ (2014). КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения 27.06.2021).
- [11] Территория опережающего развития (2021). Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/?page= (дата обращения 27.06.2021).
- [12] Реестр резидентов ТОСЭР (2021). Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/1a66cda6f282298e11d635b732cfcba1/22092021.pdf> (дата обращения 27.06.2021).
- [13] Antonov G.D., Ivanova O.P., and Utrobin K.A. Formation of clusters mono towns located in areas of priority socioeconomic development. In Proceedings – The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences: materials of III International Scientific Symposium, Tomsk, September 11-16, 2016. Tomsk, National Research Tomsk Polytechnic University, 2017. Pp. 688-698. (На англ.).
- [14] Куценко Е.С. Пилотные инновационные территориальные кластеры России: модель устойчивого развития // Форсайт. 2015. Том 9. № 1. С. 32-55. DOI: <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2015.1.32.55>

References

- [1] Sharov S.V. Regional experience of formation territories of advanced development // Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskiy universitet. Seriya: ekonomika i upravleniye [Bulletin of the educational consortium Central Russian University. Series: Economics and Management]. 2020. Vol. 16. Pp. 102-104. (In Russ.).
- [2] Shulepov E.B., Zadumkin K.A., and Shcherbakova A.A. On approaches to constructing a new public administration system of developing of rural territories of the Russian Federation // Economic and Social Changes: facts, trends, forecast. 2020. Vol. 13(4). Pp. 136-153. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.8
- [3] Faikov D.Yu. Territories of advanced socio-economic development in single-industry towns: the first synthesis // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki. 2019. Vol. 4(2). Pp. 253-262. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21306/2500-3372-2019-4-2-253-262>
- [4] Kashina N.V. Priority development areas: a new tool for attracting investment in the Far East of Russia // Economy of Region. 2016. Vol. 12(2). Pp. 569-585. (In Russ.). DOI: 10.17059/2016-2-21
- [5] Baimurzina G.R., and Kabashova E.V. Features of socio-economic development of modern single-industry towns of the Republic of Bashkortostan // Economic and Social Changes: facts, trends, forecast. 2020. Vol. 13(1). Pp. 106-124. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.6
- [6] Ivanova O.P. Stages and principles of cluster formation within single-industry cities advanced social and economic development zones // Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy. 2018. Vol. 1(23). Pp. 14-27. (In Russ.).
- [7] Safiullin R.G., and Tagirova E.I. Problems and prospects of development of territories of advanced socio-economic development in the Republic of Bashkortostan // Fundamental Research. 2021. Vol. 6. Pp. 81-86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.43062>
- [8] Konischev E.S., and Netkachev K.I. Features and risks of functioning of TOSER in Russia // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2020. Vol. 10(2). Pp. 112-117. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-2-112-117>
- [9] Shalaeva N.I. Creation of a TOSER (territories of advanced socio-economic development) as one of the

- ways to attract investment in the Coastal Region // Journal of Economy and Entrepreneurship. 2018. Vol. 8(97). Pp. 750-752. (In Russ.).
- [10] Federal Law "O territoriyakh operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiyskoy Federatsii" ["On the territories of advanced socio-economic development in the Russian Federation"] dated December 29, 2014 No. 473-FZ (2014). ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (accessed on 27.06.2021). (In Russ.).
- [11] Territoriya operezhayushchego razvitiya [Advanced development area] (2021). Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regional-noe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/?page= (accessed on 27.06.2021). (In Russ.).
- [12] Register of TASED residents (2021). Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/1a66cda6f282298e11d635b732cfcba1/22092021.pdf> (accessed on 27.06.2021). (In Russ.).
- [13] Antonov G.D., Ivanova O.P., and Utrobin K.A. Formation of clusters mono towns located in areas of priority socioeconomic development. In Proceedings – The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences: materials of III International Scientific Symposium, Tomsk, September 11-16, 2016. Tomsk, National Research Tomsk Polytechnic University, 2017. Pp. 688-698.
- [14] Kutsenko E.S. Pilot Innovative Territorial Clusters in Russia: A Sustainable Development Model // Foresight. 2015. Vol. 9(1). Pp. 32-55. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2015.1.32.55>

Информация об авторах / About the Authors

Григорий Витальевич Никитин – начальник отдела инфраструктуры поддержки бизнеса, Агентство развития Новгородской области, Великий Новгород, Россия; магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия / **Grigoriy V. Nikitin** – Head of Business Support Infrastructure Department, Novgorod Region Development Agency, Veliky Novgorod, Russia; Student in the Master's programme, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
E-mail: g1v6@mail.ru

Татьяна Леонидовна Сергеева – канд. экон. наук, доцент; доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия / **Tatyana L. Sergeeva** – PhD in Economics, Docent; Associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
E-mail: Tatyana.Sergeeva@novsu.ru
SPIN РИНЦ 5569-0460
ORCID 0000-0001-6818-0405

Дата поступления статьи: 18 июля 2021
Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: July 18, 2021
Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).27-34

УДК 332.1:339.97:339.924

JEL F6, O19, R11

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

РОЛЬ СТАТУСА СТРАНЫ В ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ РАСШИРЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Серегина А.А., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

Богомолова В.Е., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

Харланов А.С., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

Аннотация. В современном мире интеграционные объединения, созданные с целью либерализации мировой торговли и содействия экономическому развитию их стран-участниц, играют все более значимую роль в мировой экономике. В зависимости от внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов страны обозначается ее статус в интеграционных объединениях. Так, в ходе написания данной статьи, основываясь на эмпирических и теоретических методах исследования, удалось: 1) определить разницу с политической и экономической точек зрения между видами участия стран в международной организации региональной экономической интеграции – Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС): страна-участница ЕАЭС; страна-наблюдатель ЕАЭС; страна, подписавшая меморандум о сотрудничестве / взаимопонимании с ЕАЭС; страна, подписавшая соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с ЕАЭС; страна, подписавшая соглашение о зоне свободной торговли с ЕАЭС; страны, ведущие переговоры о получении статуса страны-наблюдателя ЕАЭС, о подписании меморандума о сотрудничестве / взаимопонимании с ЕАЭС; о подписании соглашения о зоне свободной торговли с ЕАЭС; 2) выделить основные причины получения странами статуса наблюдателя при ЕАЭС; 3) проанализировать текущее состояние (относительно взаимного товарооборота) и перспективы расширения интеграционного объединения. В последнее время прослеживается тенденция к расширению и развитию ЕАЭС; в статье отмечены стратегические направления развития интеграции и преимущества, приобретаемые странами, в зависимости от их статуса в ЕАЭС.

Ключевые слова: внешняя торговля, ЕАЭС, Евразийское пространство, интеграция, экономическое сотрудничество

Для цитирования: Серегина А.А., Богомолова В.Е., Харланов А.С. Роль статуса страны в ЕАЭС в контексте перспектив расширения интеграционного объединения // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 27-34. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).27-34

ORIGINAL PAPER

THE ROLE OF A COUNTRY'S STATUS IN THE EAEU IN THE CONTEXT OF THE PROSPECTS FOR EXPANDING THE INTEGRATION ASSOCIATION

Seregina A.A., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

Bogomolova V.E., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

Kharlanov A.S., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

Abstract. In the modern world, integration associations created with the aim of liberalizing world trade and promoting the economic development of their member countries are playing an increasingly important role in the world economy. Depending on the foreign economic and foreign policy priorities of the country, its status in the integration associations is designated. So, in the course of writing this article, based on empirical and theoretical research methods, it was possible to: 1) determine the difference from the political and economic points of view between the types of countries' participation in the international organization of regional economic integration – the Eurasian Economic Union (EAEU): EAEU member country; EAEU observer country; a country that has signed a memorandum of cooperation / understanding with the EAEU; a country that has signed an agreement on trade and economic cooperation with the EAEU; a country that has signed an agreement on a free trade zone with the EAEU; countries conducting negotiations on obtaining the status of the EAEU observer country, on signing a memorandum of cooperation / mutual understanding with the EAEU; on the signing of an agreement on a free trade zone with the EAEU; 2) highlight the main reasons for countries to obtain observer status with the EAEU; 3) analyze the current state (in relation to mutual trade) and the prospects for the expansion of the integration association. Recently, there has been a tendency towards the expansion and development of the EAEU; the article highlights the strategic

directions for the integration development and the advantages acquired by countries, depending on their status in the EAEU.

Keywords: foreign trade, EAEU, Eurasian space, integration, economic cooperation

For citation: Seregina A.A., Bogomolova V.E., and Kharlanov A.S. The Role of a Country's Status in the EAEU in the Context of the Prospects for Expanding the Integration Association // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 27-34. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).27-34

На современном этапе своего развития мировая экономика претерпевает значительные изменения. Они вызваны, среди прочего, преобразованием и расширением интеграционных объединений, нацеленных на экономическое развитие их стран-участниц. Среди страновых преимуществ от участия в интеграционном объединении можно выделить расширение потенциала внутренних рынков за счет формирования единого рынка, стимулирующего рост общего ВВП интеграции; увеличение покупательной способности наряду со снижением цен на товары; повышение эффективности и конкурентоспособности производства с учетом сравнительных преимуществ; повышение привлекательности инвестиций [1].

Одним из современных примеров быстро растущих интеграционных объединений является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), сформированный с целью «создания условий для стабильного развития экономики государств-членов в интересах улучшения жизненных стандартов их населения; формирования единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; полной модернизации, сотрудничества и повышения конкурентоспособности национальных экономик в мировой экономике» (ст. 4 Договора о ЕАЭС) [2].

Важную роль в формировании тесного экономического сотрудничества, а также в реализации единой политики играет статус страны в объединении. В настоящее время ЕАЭС состоит из пяти стран-участниц: Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Российской Федерации. При этом Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация заложили основу для создания ЕАЭС. Ключевой предпосылкой для внедрения проекта ЕАЭС стала успешная реализация проектов Таможенного союза и Единого экономического пространства [3]. На заседании Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 г. в г. Астана (Республика Казахстан) был подписан Договор о ЕАЭС, а 1 января 2015 г. он официально вступил в силу. Впоследствии Республика Армения и Республика Кыргызстан присоединились к Договору о ЕАЭС – 2 января 2015 г. и 12 августа 2015 г. соответственно.

Стать членом ЕАЭС может любое государство, разделяющее его интересы. Ст. 108 Договора о ЕАЭС регламентирует правила вступления в объединение [2]. Страна-кандидат должна направить обращение на имя председателя Высшего

Евразийского экономического совета, а затем сформированная рабочая группа координирует процесс выполнения Программы действий по вступлению государства-кандидата в ЕАЭС, которая предусматривает подготовку документов по результатам анализа состояния страны-кандидата относительно ключевых сфер деятельности ЕАЭС [4].

Стоит отметить, что ст. 109 Договора о ЕАЭС предусматривает наличие статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС [2]. Так, Республика Молдова стала первой страной, получившей статус наблюдателя при ЕАЭС в 2018 г. В 2020 г. такой статус получили еще два государства – Республика Узбекистан и Республика Куба. Ст. 109 Договора о ЕАЭС определяет право любой страны на получение статуса наблюдателя при ЕАЭС [2]. Решение о наделении страны таким статусом либо об отказе в нем выносит Высший Евразийский экономический совет, с учетом интересов интеграционного объединения. Данный статус позволяет стране направлять своего представителя на заседания органов ЕАЭС, а также получать доступ к открытым документам. При этом, статус наблюдателя накладывает на страну некоторые ограничения, а именно: страна-наблюдатель лишена голоса на заседаниях ЕАЭС и обязана воздерживаться от действий, способных нанести ущерб интересам интеграционного объединения (ст. 109 Договора о ЕАЭС) [2].

Отметим, что субъект международного права может иметь, помимо статуса полноправного члена или статуса наблюдателя организации, статус ассоциированного члена. Исследователями отмечается, что полноценное членство, статус наблюдателя и ассоциированное членство различаются только по степени участия в организации [5].

Так, ст. 8 Устава Содружества Независимых Государств (СНГ) раскрывает определение «ассоциированного членства»: «в качестве ассоциированного члена [СНГ] может присоединиться государство, желающее участвовать в отдельных видах его деятельности, на условиях, определяемых соглашением об ассоциированном членстве» [6]. Статус ассоциированного члена дает стране-кандидату возможность частично участвовать в деятельности организации и подготовиться к полному вступлению в нее в качестве полноправного члена. Более того, этот статус не всегда означает, что такой участник не имеет права голоса.

В ЕАЭС пока не предусмотрен статус ассоциированного члена, однако, главы государств-членов ЕАЭС подчеркивают необходимость

согласования и гармонизации документов СНГ в соответствии с нормативной базой ЕАЭС, в том числе возможность введения такого статуса [7].

Для достижения крепкого взаимовыгодного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами необходимы более глубокие институциональные форматы взаимодействия. В настоящий момент существует три таких формата для выстраивания взаимоотношений с внешними партнерами [8, 9]:

- 1) Соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ);
- 2) Непреференциальные торговые соглашения;
- 3) Меморандумы о сотрудничестве и взаимопонимании с третьими странами и международными организациями.

Соглашения о ЗСТ с ЕАЭС предусматривают снятие тарифных барьеров, а также, в последние годы, включают обязательства в области торговли услугами и сотрудничества в области инвестиций, государственных закупок, защиты интеллектуальной собственности и т.д. Непреференциальные торговые соглашения не содержат обязательств по отмене пошлин и, как правило, предполагают сотрудничество в устранении нетарифных барьеров, в таможенном регулировании и в осуществлении инфраструктурных проектов. Меморандумы о сотрудничестве и взаимопонимании определяют

основные направления взаимодействия ЕАЭС с третьими странами и международными организациями. К настоящему времени подписано 18 таких меморандумов, в том числе и со странами-наблюдателями. Подписание меморандума, в первую очередь, предполагает взаимный обмен информацией о таможенно-тарифном регулировании, нетарифных ограничениях и т.д. Из этого следует, что страна-наблюдатель в рамках ЕАЭС может непосредственно наблюдать за процессами в объединении и иметь доступ к документам.

Нельзя не отметить знаковых достижений стран-наблюдателей в рамках сотрудничества с ЕАЭС, приобретенных за годы существования интеграционного объединения.

Создание ЕАЭС в 2015 г. пришлось на сложный период в мировой экономике: падение мировых цен на сырье, введение антироссийских санкций западными странами и принятие ответных мер со стороны России [10]. Несмотря на сложную внешнюю ситуацию, в 2015-2019 гг. рост взаимного товарооборота между государствами составил 35%, достигнув максимального значения в 61.6 млрд. долл. США. Однако в 2020 г. из-за влияния пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) произошло его снижение на 10.7% (до 55 млрд. долл. США) (рис. 1).

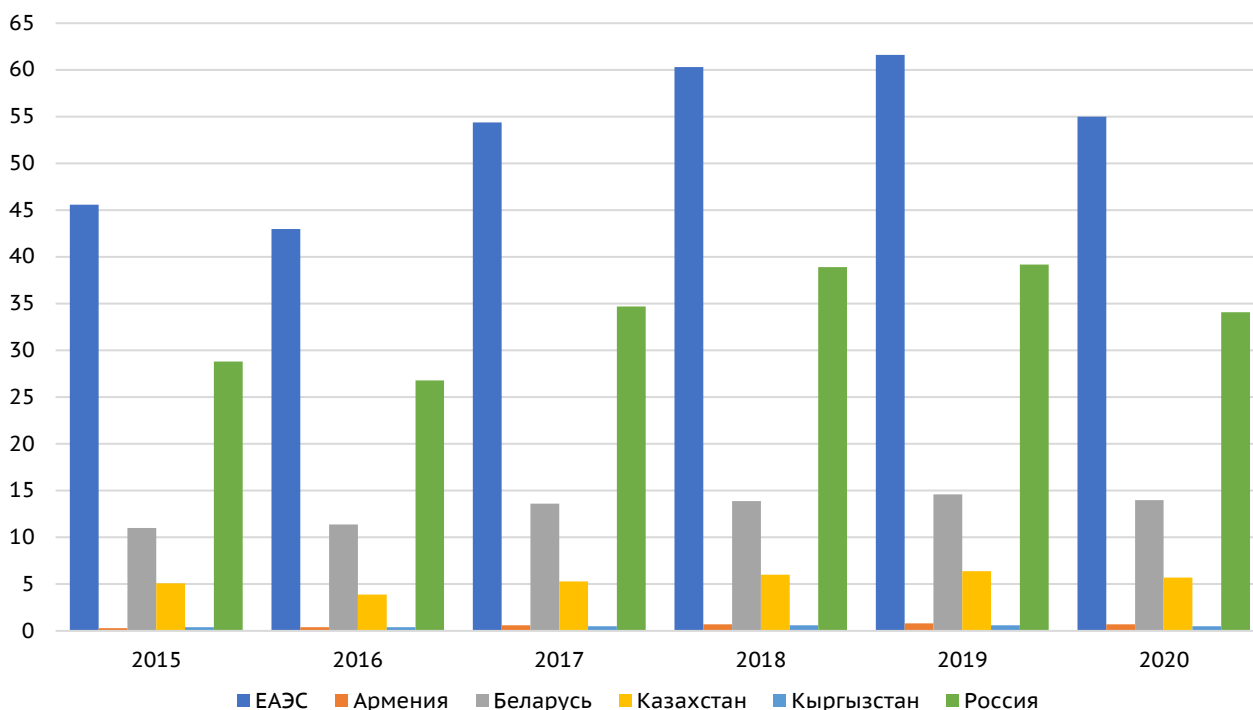

Рис. 1. Динамика взаимной торговли стран-членов ЕАЭС, млн. долл. США / Fig. 1. Dynamics of Mutual Trade of the EAEU Member States, USD mln

Источник: составлено авторами на основе данных [11] / Source: compiled by the authors based on data from [11]

Внешняя торговля ЕАЭС, в целом, также развивается устойчивыми темпами (рис. 2), во многом благодаря согласованности мер стран-участниц, направленных на либерализацию торговли и дифференциацию трудовых ресурсов внутри ЕАЭС.

Прогресс евразийской интеграции определя-

ется ростом объемов взаимной торговли, взаимных инвестиций и масштабов трудовой миграции [12].

Масштабные цели ЕАЭС ставит в своем документе, определяющем стратегические направления развития интеграции до 2025 г., – «Стратегия 2025», в частности [13]:

- 1) выработка гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию;
- 2) объединение и стимулирование усилий в сфере научно-технического сотрудничества;
- 3) развитие цифровых инфраструктур и экосистем цифрового пространства;
- 4) повышение эффективности функционирования товарных рынков;
- 5) полное устранение барьеров, максимальное сокращение изъятий и ограничений;
- 6) техническое регулирование, обеспечение надлежащей защиты и гарантий качества, безопасности обрабатываемых товаров;
- 7) эффективная система управления и

финансирования совместных кооперационных проектов, создание и развитие высокопроизводительных, экспортоориентированных секторов экономики;

8) обеспечение максимально действенного функционирования институциональной системы ЕАЭС, выполнение принятых договоренностей;

9) расширение экономического сотрудничества в сфере образования, здравоохранения, туризма, спорта;

10) совершенствование таможенного регулирования;

11) формирование ЕАЭС как значимого центра развития современного мира.

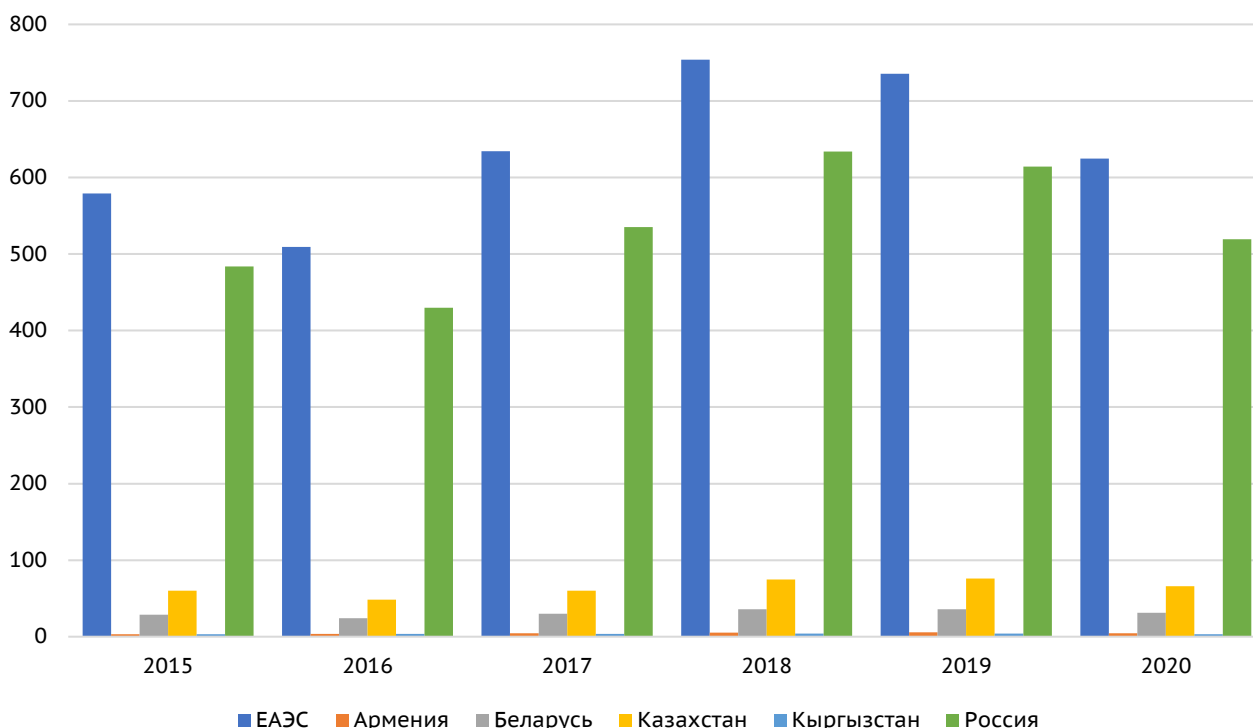

Рис. 2. Динамика внешней торговли стран-членов ЕАЭС с третьими странами, млн. долл. США / Fig. 2. Dynamics of Foreign Trade of the EAEU Member States with Third Countries, USD mln

Источник: составлено автором на основе данных [11] / Source: compiled by the author based on data from [11]

Кроме того, стоит задача создания и контроля глобальных международных транспортных коридоров и хабов, обеспечивающих гарантированное развитие инфраструктуры и дивергенцию от внешних шоков волатильности глобальных рынков, а также более углубленную интеграцию в плане создания единого энергетического рынка и более взвешенных торговых балансов стран в товарообмене между собой.

Данные вопросы тесно обсуждаются в рамках формирования технологических регламентов ЕАЭС в специальном исполнительном органе – Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), где разрабатываются профессиональные стандарты, обеспечивается равномерная занятость трудовых ресурсов по профилю каждой страны-участницы и формируются различные инициативы в части адресной поддержки экономики каждой страны-

участницы ЕАЭС с максимально эффективным полезным действием ее национальных компетенций и предпочтений.

Сама же стратегия ЕАЭС направлена на более глубокую интеграцию, совершенствование законодательства и дальнейшее развитие единого рынка. Особое значение придается формированию совместных финансового, биржевого, товарного рынков и общих рынка энергетических ресурсов, рынка лекарственных средств; переводу ЕАЭС на инновационный путь развития; внедрению крупных высокотехнологичных проектов; развитию сотрудничества в области «зеленых» и экологических технологий, а также внедрению циркулярной экономики; совершенствованию общих подходов к организации системы здравоохранения; повышению эффективности институциональных органов ЕАЭС; дальнейшему взаимодействию ЕАЭС с

третьими странами, региональными и международными экономическими интеграциями, развитию диалога со странами-наблюдателями ЕАЭС, популяризации членства в ЕАЭС [14].

С момента подписания Договора о ЕАЭС в 2015 г. около 50 стран выразили заинтересованность в заключении Соглашения о ЗСТ с организацией. Документ Высшего Евразийского экономического Совета «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2021 год» определяет потенциальных партнеров, углубление связей с которыми является приоритетом. Так, Куба и Узбекистан выразили желание получить статус страны-наблюдателя в ЕАЭС; Египет, Израиль и Индия ведут переговоры о подписании Соглашений о ЗСТ с ЕАЭС; Филиппины и Лаос заинтересованы в подписании меморандумов о сотрудничестве с ЕАЭС [15].

Стоит отметить, что страны-члены ЕАЭС по-разному подходят к формату и скорости выстраива-

ния связей ЕАЭС с другими государствами. Некоторые из них пытаются сохранить лидирующие позиции в определенных областях, к примеру, в торговле услугами и инвестициями, что зачастую затрудняет переговоры по прогрессивным Соглашениям о ЗСТ (только Российская Федерация взяла на себя обязательства в рамках ЗСТ с Вьетнамом). Также существуют различия в географических приоритетах: в частности, Казахстан уделяет приоритетное внимание сотрудничеству с Китаем и Европейским Союзом (ЕС) (своими основными торговыми партнерами – 23.5% и 35.9% товарооборота в 2020 г. соответственно). Для Армении большие выгоды от предоставления транспортных и логистических услуг обещает сотрудничество с Ираном, от торговли – партнерство с ЕС (26.5% товарооборота в 2020 г.) [8].

Тем не менее, определенную взаимосвязь имеют товарооборот ЕАЭС со страной и ее текущий / потенциальный статус в ЕАЭС (рис. 3).

Рис. 3. Средний уровень товарооборота ЕАЭС со странами, в зависимости от их статуса¹, 2020 г., млрд. долл. США / Fig. 3. Average Level of EAEU Trade with Countries, Depending on Their Status¹, 2020, USD bln

Источник: составлено авторами на основе данных [11] / Source: compiled by the authors based on data from [11]

Основываясь на детализированной статистике ЕЭК, большинство стран, которые подписали / планируют подписать одно из вышеупомянутых соглашений, находятся в верхней части списка торговых партнеров ЕАЭС, их годовой товарооборот превышает 1 млрд. долл. (табл. 1).

Так, с 2018 г., когда Республика Молдова получила статус страны-наблюдателя в ЕАЭС, результаты взаимного сотрудничества дают о себе знать: за период 2016-2019 гг. товарооборот страны с ЕАЭС увеличился на 34.4%, достигнув 1.9 млрд. долл. США. Отметим, что еще в 2013 г. Россия занимала лидирующие позиции по объему импортно-экспортных операций с Молдовой, но в течение последующих шести лет список основных торговых партнеров страны изменился: Румыния заняла первое место, а Россия опустилась на второе место по импорту и третье место по экспорту (после

Италии). Такие изменения стали следствием решения Молдовы переориентироваться на европейский рынок: в 2008 г. в рамках Восточного партнерства (проект ЕС) были введены автономные торговые преференции, а в 2014 г. подписано соглашение об ассоциации между Молдовой и ЕС, включающее создание Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (УВЗСТ). Однако 80% экспорта Молдавии вообще не коснулось УВЗСТ. Участие Молдовы в ЕАЭС – возможность диверсифицировать свои экономические связи и рынки сбыта, и страна-наблюдатель будет использовать все возможности для углубления сотрудничества, которые предоставляет ей данный статус. Потому так важно уйти от воинствующей политически ангажированной риторики и вспомнить о многолетнем историческом опыте партнерства и дружбы двух стран в рамках бывшего СССР.

¹ Статус страны указан на момент публикации [15].

Таблица 1 / Table 1

Товарооборот ЕАЭС и России со странами, в зависимости от их статуса¹, 2020 г. / Trade Turnover of the EAEU and Russia with Countries, Depending on Their Status¹, 2020

Статус / Status	Страна / Country	Оборот, млрд. долл. США / Trade Turnover, USD bln	Доля в общем обороте, % / Share in Total Turnover, %	Оборот с Россией, млрд. долл. США / Turnover with Russia, USD bln	Доля торговли с Россией в обороте с ЕАЭС, % / Share of Trade with Russia in Turnover with the EAEU, %
Страны, подписавшие Меморандум о сотрудничестве / взаимопонимании с ЕАЭС	Греция	4.180	0.671	2.688	64.31
	Индонезия	2.646	0.425	2.351	88.85
	Бангладеш	2.580	0.414	2.421	93.84
	Таиланд	1.980	0.318	1.774	89.60
	Сингапур	1.832	0.294	1.675	91.43
	Молдова	1.591	0.255	1.307	82.15
	Монголия	1.500	0.241	1.421	94.73
	Марокко	1.320	0.212	1.158	87.73
	Чили	0.955	0.153	0.918	96.13
	Перу	0.421	0.068	0.409	97.15
	Иордания	0.313	0.050	0.301	96.17
	Фарерские острова	0.305	0.049	0.295	96.72
Страны, подписавшие Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с ЕАЭС	Камбоджа	0.212	0.034	0.197	92.92
	Куба	0.156	0.025	0.148	94.87
Страны, подписавшие Соглашение о ЗСТ с ЕАЭС	Китай	125.508	20.152	103.956	82.83
	Вьетнам	6.248	1.003	5.667	90.70
	Иран	2.902	0.466	2.220	76.50
	Сербия	2.276	0.366	2.133	93.72
Страны, ведущие переговоры о получении статуса страны-наблюдателя в ЕАЭС	Сингапур	1.832	0.294	1.675	91.43
	Узбекистан	9.422	1.513	5.879	62.40
Страны, ведущие переговоры о подписании Меморандума о сотрудничестве / взаимопонимании с ЕАЭС	Куба	0.156	0.025	0.148	94.87
	Филиппины	0.972	0.156	0.931	95.78
Страны, ведущие переговоры о подписании Соглашения о ЗСТ с ЕАЭС	Лаос	0.030	0.005	0.023	76.67
	Индия	12.416	1.994	9.256	74.55
	Египет	4.707	0.756	4.534	96.32
	Израиль	2.710	0.435	2.161	79.74

Источник: составлено авторами на основе данных [11] / Source: compiled by the authors based on data from [11]

Для Кубы, получившей статус страны-наблюдателя в ЕАЭС в 2020 г., важнейшей задачей также является возобновление торгово-экономических отношений с традиционными партнерами на евразийском пространстве. В 2018 г. Куба подписала Меморандум о взаимопонимании с ЕАЭС, который позволил координировать усилия по увеличению товарооборота и инвестиций, устранению барьеров на пути развития торговли, а также открыл возможности для систематической совместной деятельности в экономике. В том же году товарооборот между Кубой и ЕАЭС достиг самого высокого уровня за 10 лет и составил 417.5 млн. долл. США. По итогам 2019 г. товарооборот стран ЕАЭС с Кубой составил 214.7 млн. долл. США, в том числе экспорт – 197.1 млн. долл. США и импорт – 17.6 млн. долл. США. Россия является ключевым торговым партнером Кубы: около 93% торговли ЕАЭС с Кубой приходится на Россию (около 4% – на Белоруссию, 3% – на Казахстан, менее 0.1% – на

Армению и Киргизию). В 2020 г. на фоне пандемии COVID-19 произошло снижение товарооборота ЕАЭС с Кубой до 155.8 млн. долл. США. Помимо взаимовыгодной торговли, Куба способствует укреплению торговых отношений между ЕАЭС и регионами Латинской Америки и Карибского бассейна, а именно, продвижению товаров ЕАЭС на выгодных условиях.

Узбекистан получил статус страны-наблюдателя в ЕАЭС в 2020 г. Страны ЕАЭС уже создали развитую систему промышленного сотрудничества с Узбекистаном и в рамках интеграционного объединения ожидается дальнейшее сотрудничество по таким основным направлениям как взаимное снятие ограничений, выход на новые рынки, транспортная интеграция, совместное использование транспортных коридоров, мобильность рабочей силы. Кроме того, особое внимание уделяется вопросу совместного развития транзитного и логистического потенциала, с акцентом на созда-

¹ Статус страны указан на момент публикации [15].

ние современных транспортных узлов. В целом товарооборот Узбекистана со странами ЕАЭС начал расти с 2017 г. в среднем на 26% в год и к 2019 г. составил в абсолютном выражении 9.07 млрд. долл. США. В 2020 г. товарооборот вырос еще на 3.6%, до 9.4 млрд. долл. США (в том числе экспорт ЕАЭС в Узбекистан – до 7.2 млрд. долл. США, импорт – до 2.2 млрд. долл. США). Более 60% торговли ЕАЭС с Узбекистаном приходится на Россию, около 30% – на Казахстан, 4% – на Киргизию, 3% – на Белоруссию и 0.1% – на Армению. По данным Мюнхенского института изучения интеграции рынков и экономической политики, если Узбекистан, в конечном итоге, станет полноправным членом ЕАЭС, экономика страны получит прирост до 4% ВВП.

В 2018 г. было подписано временное соглашение, которое привело к созданию ЗСТ между ЕАЭС и Ираном (с 27 октября 2019 г.). В настоящее время осуществляется работа в направлении заключения постоянного соглашения взамен временного.

Важно отметить, что, в целом, взаимодействие стран-наблюдателей ЕАЭС с организацией проходит успешно, идет работа над реализацией многих проектов, в частности, в рамках «Стратегии 2025». Однако, важным недостатком статуса страны-наблюдателя остается отсутствие доступа к процессу принятия решений. Тем не менее, все три страны (Молдова, Узбекистан и Куба) используют все возможности, которые предоставляет им их статус, для развития экономических отношений.

Библиография

- [1] Костюнина Г.М., Ливенцев Н.Н. Интеграционные объединения мира. В кн.: Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник. Москва: Магистр, 2008. С. 164-187.
- [2] Договор о Евразийском экономическом союзе (2014). КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения 13.08.2021).
- [3] Дурдыева А.А. Проблемы дипломатии в процессе евразийской интеграции // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3(36). С. 37-42.
- [4] О Порядке принятия в Евразийский экономический союз новых членов и прекращения членства в Евразийском экономическом союзе (2015). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420309448> (дата обращения 13.08.2021).
- [5] Schermers H.G. International Organizations, Membership. R. Bernhardt ed., 1995. (На англ.).
- [6] Устав Содружества Независимых Государств 1993). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1903017> (дата обращения 10.08.2021).
- [7] Жуковский И. «В это непростое время»: Лукашенко предложил реформировать СНГ // «Газета.ру». 2021. 28 мая. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/05/-28_a_13611326.shtml (дата обращения 10.08.2021).
- [8] Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году (2017). РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/perspektivy-razvitiya-proekta-eaes-k-2025-godu/> (дата обращения 14.08.2021).

- [9] Евразийская экономическая комиссия (2021). URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru> (дата обращения 10.08.2021).
- [10] Поливач А.П. Взаимная торговля стран-участниц ЕАЭС и курсы их валют // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4(41). Рр. 81-95. DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-4-81-95>
- [11] Статистика ЕАЭС (2021). Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_mak-roec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx (дата обращения 14.08.2021).
- [12] Vinokurov E. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results, Russian Journal of Economics // Russian Journal of Economics. 2017. Vol. 3(1). Pp. 54-70. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.02.004>
- [13] Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (Стратегия-2025) (2021). Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/fin-pol/dobd/strategy-2025/Pages/default.aspx> (дата обращения 08.08.2021).
- [14] Доклад Евразийской экономической комиссии «Цифры и факты» (2020). Евразийская экономическая комиссия. URL: file:///C:/Users/HP/AppData/Local/Temp/3264_%D0%95%D0%AD%D0%9A_%D0%A6%D0%98%D0%A4%20-%D0%20%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3.%D0%B8%20%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%8D%D0%BA-%D0%BA%D0%B0.pdf (дата обращения: 13.08.2021)
- [15] Решение Высшего Совета ЕАЭС №15 «Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2021 год» (2020). Альфа-Софт. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20vr0015/> (дата обращения 13.08.2021).

References

- [1] Kostyunina G.M., and Liventsev N.N. Integratsionnyye ob'yedineniya mira [Integration associations of the world]. In book: Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye ekonomicheskiye otnosheniya [World economy and international economic relations]: textbook. Moscow: Magistr, 2008. Pp. 164-187. (In Russ.).
- [2] Dogovor o Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze [Treaty on the Eurasian Economic Union] (2014). Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed on 13.08.2021). (In Russ.).
- [3] Durdyeva A.A. Problems of diplomacy in the process of Eurasian integration // MGIMO Review of International Relations. 2014. Vol. 3(36). Pp. 37-42. (In Russ.).
- [4] O Poryadke prinyatiya v Yevraziyskiy ekonomicheskiy soyuz novykh chlenov i prekrashcheniya chlenstva v Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze [On the Procedure for accepting new members into the Eurasian Economic Union and terminating membership in the Eurasian Economic Union] (2015). Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420309448> (accessed on 13.08.2021). (In Russ.).
- [5] Schermers H.G. International Organizations, Membership. R. Bernhardt ed., 1995.
- [6] Ustav Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv [The Charter of the Commonwealth of Independent States] (1993). Electronic fund of legal and normative-

- technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1903017> (accessed on 10.08.2021). (In Russ.).
- [7] Zhukovsky I. «V eto neprostoye vremya»: Lukashenko predlozhl reformirovat' SNG ["In this difficult time": Lukashenko proposed to reform the CIS] // "Gazeta.ru". May 28, 2021. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/05/28_a_13611326.shtml (accessed on 10.08.2021). (In Russ.).
- [8] Perspektivy razvitiya proyekta YEAES k 2025 godu [Prospects for the development of the EAEU project by 2025] (2017). RIAC. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/perspektivy-razvitiya-proekta-eaes-k-2025-godu/> (accessed on 14.08.2021). (In Russ.).
- [9] Eurasian Economic Commission (2021). URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru> (accessed on 10.08.2021). (In Russ.).
- [10] Polivach A.P. Vzaimnaya trgovlya stran-uchastnits YEAES i kursy ikh valyut [Mutual trade of the EAEU member states and their exchange rates] // Russia and the New States of Eurasia. 2018. Vol. 4(41). Pp. 81-95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-4-81-95>
- [11] EAEU statistics (2021). Eurasian Economic Commission. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx (accessed on 14.08.2021). (In Russ.).
- [12] Vinokurov E. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results, Russian Journal of Economics // Russian Journal of Economics. 2017. Vol. 3(1). Pp. 54-70. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.02.004>
- [13] Strategicheskiye napravleniya razvitiya yevraziyskoy ekonomicheskoy integratsii do 2025 goda (Strategiya-2025) [Strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025 (Strategy-2025)] (2021). Eurasian Economic Commission. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/fin-pol/dobd/strategy-2025/Pages/default.aspx> (accessed on 08.08.2021). (In Russ.).
- [14] Doklad Yevraziyskoy ekonomicheskoy komissii «Tsifry i fakty» [Report of the Eurasian Economic Commission "Figures and Facts"] (2020). Eurasian Economic Commission. URL: file:///C:/Users/HP/AppData/Local/Temp/3264_%D0%95%D0%AD%D0%9A_%D0%A6%D0%98%D0%A4%20-%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3.%20%D0%B8%20%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%8D%D0%BA-%D0%BA%D0%B0.pdf (accessed on 13.08.2021). (In Russ.).
- [15] Resheniye Vysshego Soveta YEAES No. 15 «Ob osnovnykh napravleniyakh mezhdunarodnoy deyatelnosti Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza na 2021 god» [Decision of the Supreme Council of the EAEU No. 15 "On the main directions of international activities of the Eurasian Economic Union for 2021"] (2020). Alpha Soft. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20vr0015/> (accessed on 13.08.2021). (In Russ.).

Информация об авторах / About the Authors

Антонина Александровна Серегина – канд. полит. наук; доцент, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия / **Antonina A. Seregina** – PhD in Political Science; Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

E-mail: durdyeva@mail.ru

SPIN РИНЦ 7933-0662

Виктория Евгеньевна Богомолова – магистрант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия / **Victoria E. Bogomolova** – Student in the Master's programme, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

E-mail: viktory.ev@gmail.com

Алексей Сергеевич Харланов – канд. техн. наук, д-р экон. наук, доцент; профессор, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия / **Aleksey S. Kharlanov** – PhD in Technical Science, Doctor of Economics, Docent; Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

E-mail: kharlanov2009@mail.ru

SPIN РИНЦ 8504-2758

ORCID 0000-0002-6427-8808

Дата поступления статьи: 29 августа 2021

Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: August 29, 2021

Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).35-42

УДК 332.14:332.72:69.003

JEL L52, L74

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

СТРОИТЕЛЬНАЯ ОТРАСЛЬ И ПАНДЕМИЯ COVID-19: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Е.В. Соловьева, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

В.Н. Бердникова, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Аннотация. В статье исследуется комплекс проблем, которые накопились в строительной отрасли России до 2020 г., и дается оценка причинам их формирования. Также устанавливаются новые вызовы, с которыми столкнулись девелоперы в период распространения коронавирусной инфекции (COVID-19). Рассмотрены внешние и внутренние факторы, оказывающие давление на отрасль, среди которых – колоссальный рост стоимости строительных материалов, дефицит трудовых ресурсов, технологическое отставание отрасли, административные барьеры, введение института проектного финансирования, неконтролируемый рост стоимости на первичном рынке жилья. Для восстановления и развития строительной отрасли предложены наиболее перспективные механизмы и направления. При текущем положении снижение себестоимости строительной продукции по отдельным девелоперским проектам возможно реализовать через оптимизацию логистических схем, снижая транспортную составляющую в цене строительных материалов, а также сокращение зависимости от трудовых мигрантов, развивая взаимодействие с образовательными учреждениями внутри страны и подготавливая молодые кадры для собственного бизнеса. Отдельно рассматриваются вопросы повышения производительности труда и эффективности строительного производства, поддерживается инициатива Правительства Российской Федерации по разработке и внедрению сервиса «Цифровое строительство», который должен позволить максимально упростить взаимодействие между различными участниками инвестиционно-строительного процесса, а также широко использовать BIM – технологии при проектировании и строительстве объектов недвижимости. Для снижения долговой нагрузки на строительный бизнес предлагается использовать альтернативный источник фондирования – облигационное заимствование на финансовом рынке, которое обеспечит более гибкое планирование денежных потоков компании еще на этапе эмиссии ценных бумаг.

Ключевые слова: облигационное заимствование, пандемия COVID-19, проектное финансирование, себестоимость строительства, строительная отрасль, технологичность строительства

Для цитирования: Соловьева Е.В., Бердникова В.Н. Строительная отрасль и пандемия COVID-19: новые вызовы и возможности // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 35-42. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).35-42

ORIGINAL PAPER

THE CONSTRUCTION INDUSTRY AND THE COVID-19 PANDEMIC: NEW CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

E.V. Solovyova, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

V.N. Berdnikova, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Abstract. The article investigated the problems of the construction industry until 2020 and assessed the reasons for their formation. New challenges for developers during the spread of coronavirus infection (COVID-19) are also described. External and internal factors that put pressure on the industry were considered. This is a huge increase in the cost of building materials, a shortage of labor resources, the technological lag of the industry, administrative barriers, the introduction of the institute of project financing, uncontrolled cost growth in the primary housing market. The most promising mechanisms and directions are proposed for the restoration and development of the construction industry. In order to reduce the cost of construction products for individual development projects, logistics schemes should be optimized, transport costs in the price of materials should be reduced. It is necessary to reduce dependence on migrant workers, develop cooperation with educational institutions and train young people for their own business. The article discusses the issues of increasing labor productivity and efficiency of construction production, supports the initiative of the Government of the Russian Federation to develop and implement the Digital Construction service. This service will simplify the interaction between various participants in the investment and construction process and use BIM technologies in the design and construction of real estate. To reduce the debt burden on the construction business, it is proposed to use an alternative source of

funding. Bond borrowing in the financial market will provide a more flexible planning of the company's cash flows even at the stage of issuing securities.

Keywords: bond borrowing, COVID-19 pandemic, project financing, cost of construction, construction industry, construction manufacturability

For citation: Solovyova E.V., and Berdnikova V.N. The Construction Industry and the COVID-19 Pandemic: New Challenges and Opportunities // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 35-42. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).35-42

Строительная отрасль в России является системообразующей, дающей мультипликативный результат для экономики, т.к. замыкает на себя большое количество предприятий разного масштаба из смежных секторов, таких как производство строительных материалов, машиностроение, металлургия, деревообработка, химическая промышленность и др. Формирующийся синергетический эффект всегда представлял научный интерес для российских и зарубежных исследователей [1-5], [6-10]. Начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19 оказала серьезное давление на экономические модели строительных кампаний, которым пришлось практически «на ходу» перестраивать свои бизнес-процессы для обеспечения выполнения принятых на себя обязательств и сохранения финансовой устойчивости. Состоявшиеся риски и их последствия для строительной отрасли в целом уже стали предме-

том внимания ученых [11-13]. Однако сегодня имеется возможность только оценивать состоящие отрасли, в котором она вошла в пандемийный период, и анализировать тактические решения, которые принимаются со стороны государства и непосредственно субъектами строительной деятельности. При этом проблема разработки стратегически взвешенных и объективно адекватных экономических и управленческих решений в затянувшейся пандемийной «новой реальности» является как никогда актуальной, требующей дальнейшего изучения и научного подхода.

Отметим, что строительная отрасль в силу длительности своего технологического цикла значительно подвержена рискам, связанным с изменением внешнего окружения. Проанализируем уровень развития российской экономики и строительной отрасли за последние шесть лет с помощью показателей, представленных в *табл. 1*.

Таблица 1 / Table 1

Показатели экономического развития Российской Федерации / Indicators of Economic Development of the Russian Federation

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП в текущих ценах, млрд. руб.	83087	85616	91843	103862	109242	106968
Темп роста ВВП, % к предыдущему году	100.0	103.0	107.3	113.1	105.2	97.9
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	20.0	21.3	21.4	20.0	20.6	21.8
Уровень безработицы, %	5.6	5.5	5.2	4.8	4.6	5.8
Количество введенных зданий, тыс. ед.	306.4	278.3	272.6	261.1	305.5	326.7
Общая площадь введенных зданий, млн. кв. м	139.4	135.8	137.3	132.7	146.7	143.4
Количество зданий, сооружений, находящихся в незавершенном строительстве, ед.	97965	90342	86847	81274	77826	80760

Источник: построено авторами по данным [14] / Source: compiled by the authors based on data from [14]

Несмотря на номинальный рост ВВП, темпы его прироста с 2018 г. стали ослабевать, в частности, в 2020 г. объем главного макроэкономического показателя страны составил 106968 млрд. руб., что на 2.1% ниже, чем годом ранее. Неудивительно, что проседание ВВП сопровождалось ростом безработицы до уровня 5.8%. В это же время строительная отрасль (несмотря на карантин во II квартале 2020 г.) побила рекорды активности – было введено в эксплуатацию 326.7 тыс. зданий, что составляет 143.4 млн. кв. м. Подобный объем был отмечен лишь в 2015 г., когда было запущено 306.4 тыс. зданий (*рис. 1*).

По *рис. 1* просматривается следующая тенденция: пиковые точки роста объемов ввода объектов в эксплуатацию приходятся на кризисный или посткризисный годы (2009 г., 2015 г., 2020 г.). В этот период девелоперы нацеливаются на максимально быстрое выведение начатых проектов

на финишную прямую, т.к. опасаются роста себестоимости строительства, которая отразится на рентабельности девелоперского бизнеса. Например, по данным Федеральной службы государственной статистики, уже в 2020 г. доля убыточных предприятий в строительстве увеличилась с 25.8% до 27.0% [14].

На *рис. 2* показана динамика индексов ВВП и объема ввода объектов недвижимости, из которой прослеживается следующая закономерность: проседание объемов производства строительной продукции наступает с лагом в один год от года начала падения объемов ВВП.

Как правило, при появлении кризисных процессов девелоперы «замораживают» проекты нулевого цикла; так в 2020 г. было зафиксировано наличие 80760 зданий и сооружений, находящихся в незавершенном строительстве, против 77826 годом ранее.

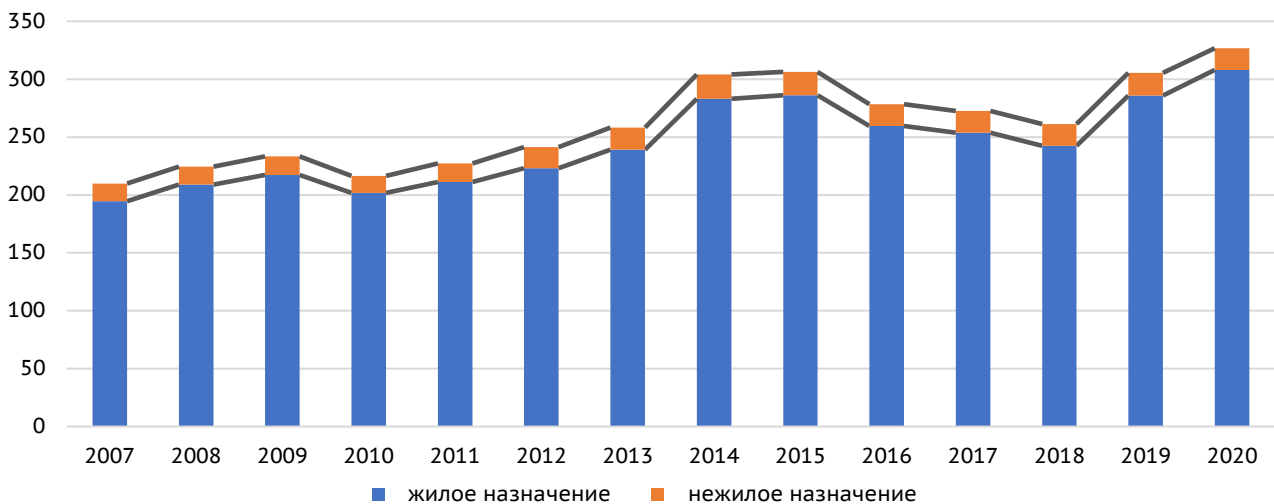

Рис. 1. Динамика введенных в эксплуатацию зданий в Российской Федерации, тыс. ед. / Fig. 1. Dynamics of Commissioned Buildings in the Russian Federation, thousand units

Источник: построено авторами по данным [14] / Source: compiled by the authors based on data from [14]

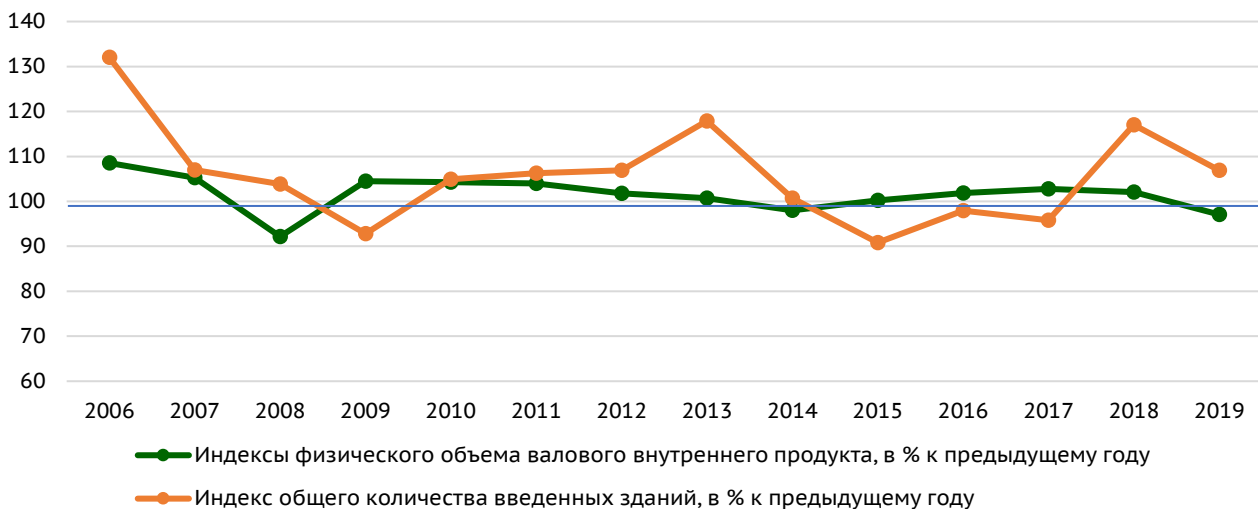

Рис. 2. Индексы ВВП и объема ввода зданий в Российской Федерации / Fig. 2. Indices of GDP and Building Commissioning Volume in the Russian Federation

Источник: построено авторами по данным [14] / Source: compiled by the authors based on data from [14]

Общая выручка отечественных строительных компаний имеет незначительный, но стабильный прирост: по данным Международной информационной группы СПАРК, максимум в размере 19 трлн. руб. был достигнут ими в 2019 г. (против 15 трлн. руб. в 2018 г.) [15]. В то же время крупные строительные компании наращивали долговые займы, их финансовое положение накануне пандемии COVID-19 оказалось крайне неустойчивым.

Отметим также тот факт, что в 2019 г. на рынке первичного строительства жилья была проведена знаковая реформа, заложившая новые механизмы финансирования долевого строительства, которые минимизировали риски физических лиц. Депонирование средств участников долевого строительства на счетах эскроу в банках до завершения строительства привело к удорожанию строительства, т.к. финансирование строительства

в этом случае осуществляется за счет предоставленного коммерческим банком кредита или же собственных средств застройщика. В результате по состоянию на 1 июля 2021 г. в целом по России на эскроу счетах находилось 2400.7 млрд. руб. (рис. 3). Реализованные нововведения потребовали от девелоперов новых подходов к построению своей финансовой модели, привели к укрупнению строительного бизнеса и поиску альтернативных источников фондирования своих проектов.

Проведенный анализ показал, что к 2020 г. в целом для отечественной строительной отрасли было характерно неустойчивое положение, прогнозируемый медленный рост, при этом у многих строительных компаний имели место накопившиеся внутренние проблемы (финансовая зависимость, низкая технологичность строительства, неэффективные механизмы управления и др.).

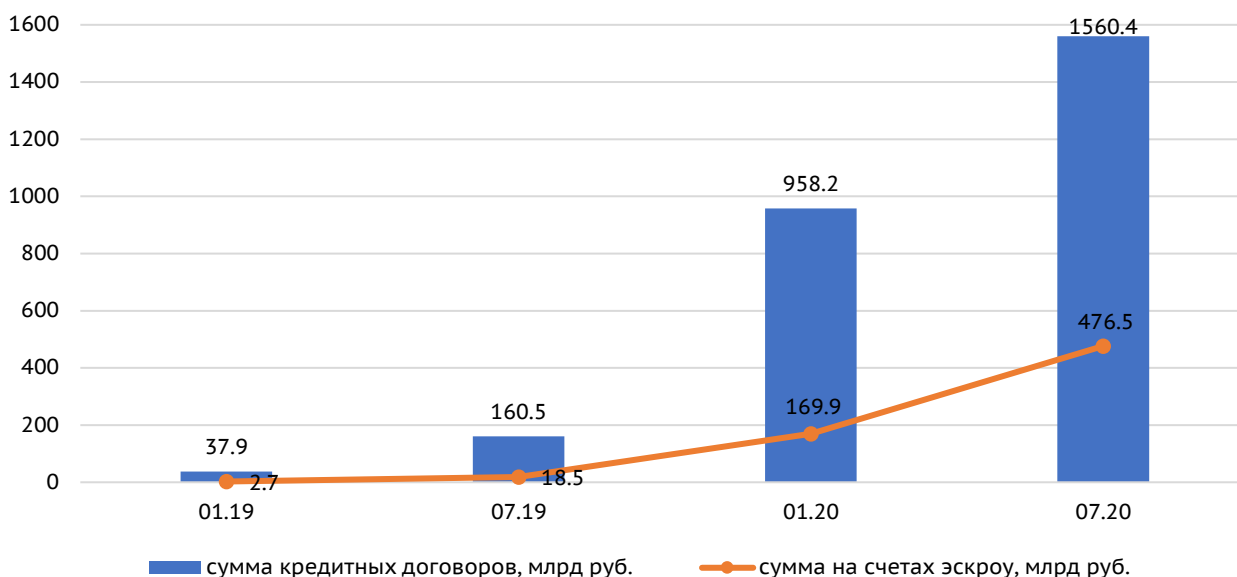

Рис. 3. Динамика показателей проектного финансирования в Российской Федерации / Fig. 3. Dynamics of Project Financing Indicators in the Russian Federation

Источник: построено авторами по данным [16] / Source: compiled by the authors based on data from [16]

Остановимся подробнее на конъюнктурных изменениях в строительной отрасли, которые стали остро проявляться в период пандемии COVID-19.

1) *Рост себестоимости строительной продукции.*

Строительство является материалозатратным и трудоемким процессом: по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2019 г. структуре себестоимости на материальные затраты приходилось 54.1%, на оплату труда – 22.2% [14]. Девелоперы ощутили влияние коронавирусных ограничений уже в середине 2020 г., когда на рынке строительных материалов начался повсеместный ценовой рост. По данным Национального объединения производителей строительных материалов, изделий и конструкций, рост цен наблюдается во всех сегментах строительных материалов: металл и пиломатериал – в 2-2.5 раза, кирпич – на 85-90%, гидроизоляционные материалы – на 70%, сухие строительные смеси – на 20% и т.д. [17]. Главная причина подорожания скрыта в инертном росте строительства, поэтому производители строительных материалов не видели инвестиционной привлекательности в запуске новых производственных мощностей, и, как следствие, когда для оживления экономики в США и Китая потребовался металл, то его биржевые цены выросли и «потянули» цены на внутреннем рынке. Дефицит отдельных материалов, связь между смежными товарами, открытость российской экономики – все это в совокупности дало ощутимый рост стоимости материалов на внутреннем рынке.

В России в строительство привлекается значительное количество иностранной рабочей силы, а закрытие границ привело к дефициту целого ряда

специальностей. Девелоперы конкурировали между собой за мигрантов, что привело к росту затрат на оплату труда и к срывам сроков строительства. После снятия жестких ограничений дефицит рабочей силы, менее сильный, но сохранился. По данным Национального объединения застройщиков жилья наибольший спрос сформирован в отношении следующих рабочих профессий: штукатур, каменщик, бетонщик, арматурщик [18]. В настоящее время основными сдерживающими факторами для использования труда мигрантов являются финансовые ограничения, среди них – неоплаченные или частично оплаченные до пандемии контракты, необходимость оформления патента на работу, чрезмерно высокая стоимость перелета из стран Ближнего Зарубежья.

2) *Неконтролируемый рост стоимости недвижимости на первичном рынке, вызванный государственной поддержкой.*

С 2000 г. по текущий момент цены на жилье на первичном рынке активно росли в подавляющем большинстве регионов России, но темпы их прироста различались ввиду объективных причин, связанных с уровнем доходов населения, спецификой региональных рынков жилья и ипотеки, требованиями к жилищному строительству в регионах. Основными причинами подъема цен являются резкое удешевление ипотеки, обеспеченное Центральным Банком Российской Федерации после понижения ключевой ставки, и падение доходности банковских вкладов [19]. В результате инвесторы стали защищать свои активы и «переводить средства в квадратные метры». К ним присоединился большой объем отложенного спроса, приведший к значительному приросту цен на рынке [20] (рис. 4).

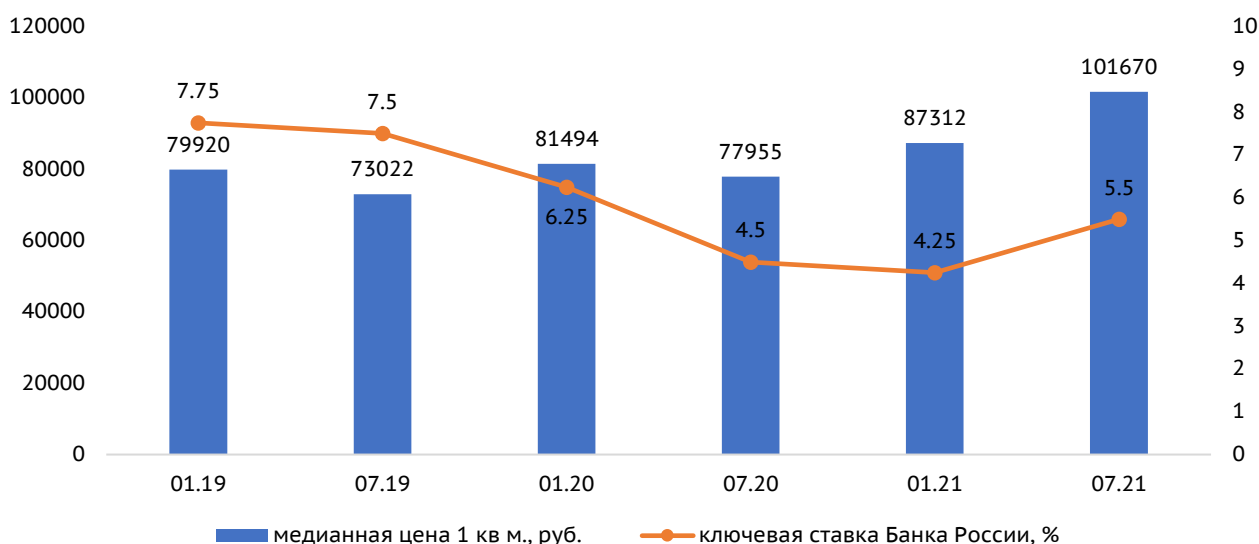

Рис. 4. Динамика цены предложения на первичном рынке жилья в Российской Федерации / Fig. 4. Dynamics of Supply Price in the Primary Housing Market in the Russian Federation

Источник: построено авторами по данным [20] / Source: compiled by the authors based on data from [20]

3) Усугубление проблемы низкой эффективности строительства.

В России строительная отрасль считается одной из самых низкоэффективных, имеющей системный характер целого ряда проблем. Прежде всего, можно отметить качество организации и формирования структуры предприятия (специализация, мобильность, количество и качество привлекаемых подрядчиков), а также факторы технологичности строительной компании (низкий технический уровень строительства и стройиндустрии, низкая оцифровка данных, низкая качественная фондовооруженность труда) и др. Введенные после незапланированного карантина коронавирусные ограничения предполагали разграничения человеческих потоков на строительной площадке, что негативно отразилось на сроках строительства и количестве трудовых ресурсов в рабочей зоне. Стоит отметить, что на этот случай Правительство Российской Федерации издало Постановление, в соответствии с которым до 1 января 2021 г. застройщиков не штрафовали за ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве.

Накопившиеся десятилетиями проблемы не имеют простого решения, девелоперы отождествляют их с высоким риском. Строительные нововведения, как правило, капиталоемки, продолжительны во времени на этапе внедрения и окупаемости. Тезисно отразим наиболее перспективные механизмы развития строительной отрасли.

1) Доля логистических затрат в цене строительных материалов довольно высока, поэтому крайне важна длина транспортного плеча. Для повышения эффективности девелоперам следует активнее сотрудничать с региональными производителями материалов для стройиндустрии и, по

возможности, отказываться от удаленных поставщиков. Государство должно принять на себя часть рисков и запустить механизм частичной выплаты компенсаций застройщикам, обусловленный возросшей стоимостью строительных материалов. Такую форму поддержки можно реализовать в отношении государственных контрактов на строительство, реконструкцию или ремонт объектов недвижимости.

2) Проблему дефицита рабочих кадров в строительной отрасли необходимо решать комплексно. Очевидно, что самым действенным механизмом является высокая заработная плата и привлекательность условий труда. При его реализации можно добиться снижения зависимости от трудовых мигрантов, но, несомненно, это приведет к росту себестоимости строительной продукции. Перспективным можно считать развитие института наставничества, когда за студентом закрепляется опытный сотрудник застройщика, который помогает молодым кадрам «войти в профессию» не только при прохождении практики, но и позже после трудоустройства в эту компанию.

3) Решение задач повышения эффективности предполагает переход предприятий строительной отрасли на новый технологический уровень. В результате технического перевооружения должна быть обновлена не только материальная база строительства, но также существенных изменений потребуют и методы управления, определяющие рациональные способы организации, адаптации к условиям рыночной среды, принятия стратегических и тактических решений. Важным условием повышения технологичности строительного бизнеса станет повсеместное использование в отрасли BIM-моделей, которые будут содержать сведения, документы и материалы об объекте в электронном виде, начиная от этапа

проектирования, продолжая строительством, эксплуатацией, капитальным ремонтом и реконструкцией, вплоть до сноса объекта, а также позволят обмениваться данными между разными участниками проекта.

4) Ускоренное снятие административных барьеров и унификация нормативных документов. В Правительстве Российской Федерации активно обсуждаются инициативы, которые будут затрагивать все отрасли экономики, в том числе и строительство. Предполагается, что будет запущен сервис «Цифровое строительство», появится единая IT-архитектура по созданию объектов капитального строительства от этапов проектирования, экспертизы и строительства до государственной регистрации прав на недвижимость. Комплексная автоматизация по принципу «одного окна» позволит сократить сроки прохождения всех необходимых процедур, облегчит взаимодействие участников строительной отрасли с государственными органами и приведет к принципиально новому развитию всего рынка жилья в стране – появлению «умной» экосистемы отрасли. Также планируется разработка цифрового реестра трудовых ресурсов и самозанятых, в котором будет аккумулироваться подробная информация о рабочих и инженерных кадрах. Это даст возможность работодателям оперативно находить специалистов, обладающих необходимым опытом и квалификацией. А наличие в реестре наряду с кадровым составом данных о самих строительных компаниях позволит заказчикам получать реальную картину о квалификационном уровне потенциальных девелоперов.

5) Использование новых источников фондирования девелоперского бизнеса. Сегодня для строительства девелоперы широко используют проектное финансирование, а приобретение земельного участка осуществляется за счет иных ресурсов, например, за счет средств на финансовых рынках. Облигационный заем является недешевым инструментом, но имеет очевидные преимущества для компании по сравнению с банковским кредитованием – это отсутствие обеспечения и ковенантов. Такая ценная бумага привлекательна для инвестора, т.к. довольно консервативна и безопасна, она обеспечивает предсказуемый поток дохода в определенные периоды экономического цикла компании. Накануне пандемии COVID-19 строители уже стали работать на финансовых рынках и заняли через облигации 154.5 млрд. руб., что составляет 11.9% от привлеченных в этот же период банковских кредитов (1.3 трлн. руб.). Сроки выпуска бондов и объемы эмиссий сейчас возросли. Полагаем, что интерес отраслевых компаний к облигациям в ближайшие годы будет увеличиваться. Заметим, что такие заимствования имеют свои трудности, в частности, выпуск бондов требует от эмитента достаточно высокой прозрачности ведения бизнеса.

По результатам проведенного исследования можно сделать заключение о том, что сегодня отечественная строительная отрасль испытывает серьезные системные проблемы, которые требуют принятия решений как со стороны государства, так и со стороны самих строительных компаний. Во многом их результаты будут зависеть от умения девелопера использовать внутренние резервы, оптимизировать производство, внедрять цифровые технологии и инновационные методы строительства, повышать производительность труда и применять новые финансовые инструменты.

Библиография

- [1] Абакумов Р.Г., Скрыпник О.Г. Строительство как основополагающая отрасль развития экономики страны / Научное мышление молодых ученых: настоящее и будущее: сборник статей. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2015. С. 184-188.
- [2] Саямова Р.Р. Роль строительства в развитии инвестиционных процессов национальных экономик // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 1(20). С. 32.
- [3] Шохруз М. Роль инвестиционно-строительной сферы в экономике страны // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2018. № 11. С. 81-86.
- [4] Осипова Г.М., Мункуева И.С., Дугарова А.А. Рыночное экономическое мышление и развитие отраслей экономики (на примере финансово-экономических отношений в строительном комплексе Монголии. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2018. 116 с. DOI: <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1270-5-2018>
- [5] Бердникова В.Н. О влиянии строительства на экономику региона / Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития: Сборник трудов конференции, Братск, 12 апреля, 2019. Братск: Братский государственный университет, 2019. С. 93-100.
- [6] Salami B.A., Ajay, S.O., and Oyegoke A.S. Coping with the COVID-19 pandemic: an exploration of the strategies adopted by construction firms // Journal of Engineering Design and Technology. 2021. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1108/JEDT-01-2021-0054>
- [7] Sierra F. COVID-19: main challenges during construction stage // Engineering, Construction and Architectural Management. 2021. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1108/ECAM-09-2020-0719>
- [8] Kartal M.T., Kiliç Depren S., and Depren Ö. Housing prices in emerging countries during COVID-19: evidence from Turkey // International Journal of Housing Markets and Analysis. 2021. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1108/IJHMA-07-2021-0083>
- [9] Naoum S.G. Factors influencing labor productivity on construction sites: A state-of-the-art literature review and a survey // International Journal of Productivity and Performance Management. 2016. Vol. 65(3). Pp. 401-421. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1108/IJPPM-03-2015-0045>
- [10] Lundberg M., Engström S., and Lidelöw H. Diffusion of innovation in a contractor company: The impact of the social system structure on the implementation

- process // *Construction Innovation*. 2019. Vol. 19(4). Pp. 629-652. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1108/CI-08-2018-0061>
- [11] Глущенко А.Ю. Проблемы строительной отрасли, связанные с пандемией // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 8-2. С. 163-168. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.1271>
- [12] Болотов И.И. Перспективы строительной отрасли в постпандемической экономике / *Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: Сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции, Курск, 25 июня, 2020. Курск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Курский филиал, 2020. С. 58-63.*
- [13] Стерник С.Г., Гареев И.Ф. Структурные изменения на рынке жилой недвижимости в 2020 году: экспансия государственной поддержки и системный рост индивидуального жилищного строительства // *Жилищные стратегии*. 2021. Том 8. № 2. С. 85-130. DOI: <https://doi.org/10.18334/zhs.8.2.112369>
- [14] Федеральная служба государственной статистики (2021). URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.08.2021).
- [15] Статистика (2021). Международная информационная группа СПАРК. URL: <https://sparkinterfax.ru/ru/statistics> (дата обращения: 15.08.2021).
- [16] Финансирование долевого строительства (2021). Центральный Банк Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 15.08.2021).
- [17] Аналитика Национального объединения производителей строительных материалов, изделий и конструкций (2021). URL: <http://natamac.ru/> (дата обращения: 20.08.2021).
- [18] Аналитика Национального объединения строителей (2021). URL: <https://nostroy.ru/index.php> (дата обращения: 15.08.2021).
- [19] Постановление Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2020 г. №566 «Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020 году» (2020). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240007> (дата обращения: 20.08.2021).
- [20] Сбериндекс (2021). URL: <https://sberindex.ru/ru/dashboards?partition=7> (дата обращения: 20.08.2021).
- the Tajik National University. Series of economic and social sciences. 2018. Vol. 11. Pp. 81-86. (In Russ).
- [4] Osipova G.M., Munkueva I.S., and Dugarova A.A. Market economic thinking and development of economic sectors (on the example of financial and economic relations in the construction complex of Mongolia). Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University, 2018. 116 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1270-5-2018>
- [5] Berdnikova V.N. O vliyaniy stroitel'stva na ekonomiku regiona [On the impact of construction on the economy of the region] / *Problemy ekonomiki i upravleniya stroitel'stvom v usloviyakh ekologicheskii orientirovannogo razvitiya* [Problems of economics and construction management in the conditions of environmentally oriented development]: A Collection of Conference, Bratsk, April 12, 2019. Bratsk: Bratsk State University, 2019. Pp. 93-100. (In Russ).
- [6] Salami B.A., Ajay, S.O., and Oyegoke A.S. Coping with the COVID-19 pandemic: an exploration of the strategies adopted by construction firms // *Journal of Engineering Design and Technology*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1108/JEDT-01-2021-0054>
- [7] Sierra F. COVID-19: main challenges during construction stage // *Engineering, Construction and Architectural Management*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1108/ECAM-09-2020-0719>
- [8] Kartal M.T., Kiliç Depren S., and Depren Ö. Housing prices in emerging countries during COVID-19: evidence from Turkey // *International Journal of Housing Markets and Analysis*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJHMA-07-2021-0083>
- [9] Naoum S.G. Factors influencing labor productivity on construction sites: A state-of-the-art literature review and a survey // *International Journal of Productivity and Performance Management*. 2016. Vol. 65(3). Pp. 401-421. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJPPM-03-2015-0045>
- [10] Lundberg M., Engström S., and Lidelöw H. Diffusion of innovation in a contractor company: The impact of the social system structure on the implementation process // *Construction Innovation*. 2019. Vol. 19(4). Pp. 629-652. DOI: <https://doi.org/10.1108/CI-08-2018-0061>
- [11] Glushchenko A.Yu. Pandemic construction industry problems // *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. 2020. Vol. 8-2. Pp. 163-168. (In Russ). DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.1271>
- [12] Bolotov I.I. Perspektivy stroitel'noy otrasli v postpandemicheskoy ekonomike [Prospects of the construction industry in the post-pandemic economy] / *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Rossii: problemy, tendentsii, perspektivy* [Socio-economic development of Russia: problems, trends, prospects]: A Collection of scientific articles of the 19th ISPC, Kursk, June 25, 2020. Kursk: Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk branch, 2020. Pp. 58-63. (In Russ).
- [13] Sternik S.G., and Gareev I.F. Structural changes in the residential real estate market in 2020: expansion of state support and systemic growth of individual housing construction // *Russian Journal of Housing Research*. 2021. Vol. 8(2). Pp. 85-130. (In Russ). DOI: <https://doi.org/10.18334/zhs.8.2.112369>
- [14] Federal State Statistics Service (2021). URL: <http://www.gks.ru/> (accessed on 12.08.2021). (In Russ).

Reference

- [1] Abakumov R.G., and Skrypnik O.G. Stroitel'stvo kak osnovopolagayushchaya otrasl' razvitiya ekonomiki strany [Construction as a fundamental branch of the development of the country's economy] / *Nauchnoye myshleniye molodykh uchenykh: nastoyashcheye i budushcheye* [Scientific thinking of young scientists: present and future]: A collection of articles. Belgorod: Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 2015. Pp. 184-188. (In Russ).
- [2] Salyamova R.R. Role of the construction industry in the development of investment processes in the national economy // *Online Journal Naukovedenie*. 2014. Vol. 1(20). P. 32. (In Russ).
- [3] Shokhruz M. The role of investment and construction sphere in the economy of the country // *Bulletin of*

- [15] Statistics (2021). SPARK International Information Group. URL: <https://spark-interfax.ru/ru/statistics> (accessed on 15.08.2021). (In Russ).
- [16] Finansirovanie dolevogo stroitel'stva [Financing of shared-equity construction] (2021). The Central Bank of the Russian Federation. URL: <https://cbr.ru/> (accessed on 15.08.2021). (In Russ).
- [17] Analitika Nacional'nogo ob"edineniya proizvoditelej stroitel'nyh materialov, izdelij i konstrukcij [Analytics of the National Association of Manufacturers of Building Materials, Products and Structures] (2021). URL: <http://natamac.ru/> (accessed on 20.08.2021). (In Russ).
- [18] Analitika Natsional'nogo ob'yedineniya stroiteley [Analytics of the National Association of Builders] (2021). URL: <https://nostroy.ru/index.php> (accessed on 15.08.2021). (In Russ).
- [19] Resolution of the Government of the Russian Federation No. 566 of April 23, 2020 «Ob utverzhenii Pravil vozmeshcheniya kreditnym i inym organizacijam nedopoluchennyh dohodov po zhilishchnym (ipotecnym) kreditam (zajmam), vydannym grazhdanam Rossijskoj Federacii v 2020 godu» [On Approval of the Rules for Reimbursement to Credit and Other Organizations of Lost Income on Housing (Mortgage) Loans (loans) issued to Citizens of the Russian Federation in 2020]. Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240007> (accessed on 20.08.2021). (In Russ).
- [20] Sberindex (2021). URL: <https://sberindex.ru/ru/dashboards?partition=7> (accessed on 20.08.2021). (In Russ).

Информация об авторах / About the Authors

Екатерина Владимировна Соловьева – д-р экон. наук, доцент; заведующий кафедрой, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия / **Ekaterina V. Solovyova** – Doctor of Economics, Docent; Head of Department, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

E-mail: soloveisolovei008@yandex.ru

SPIN РИНЦ 1015-1724

ORCID 0000-0002-8354-5887

Валентина Николаевна Бердникова – канд. экон. наук, доцент; доцент, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия / **Valentina N. Berdnikova** – PhD in Economics, Docent; Associate Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

E-mail: wkoshman@rambler.ru

SPIN РИНЦ 5854-6298

ORCID 0000-0002-9842-8368

Дата поступления статьи: 28 августа 2021

Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: August 28, 2021

Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).43-54

УДК 338.242.006.1

JEL D78, L15, L51, M21

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ИМПЕРАТИВЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА ОРГАНОВ ПО СЕРТИФИКАЦИИ

Бобрышев А.Д., Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр», Москва, Россия

Бубенок Е.А., Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Тумин В.М., Московский политехнический университет, Москва, Россия

Савельев А.В., Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр», Москва, Россия

Аннотация. По мере адаптации отечественной промышленности к рыночным условиям хозяйствования контрольная функция, касающаяся оценки соответствия качественных параметров продукции требованиям безопасности и техническим регламентам, преимущественно была передана частным компаниям. Сегодня в сфере оценки соответствия работает более 1220 предприятий и организаций, во многом демонстрируя неудовлетворительные финансовые результаты, что ставит под сомнение экономическую целесообразность подобного бизнеса, впрочем, как и целесообразность самой коммерческой деятельности в сфере технического контроля параметров продукции, связанных с безопасностью людей. На этом фоне продолжаются дискуссии о том, почему государство сложило с себя обязанность обеспечения безопасности потребителей, может ли такая щепетильная сфера представлять собой бизнес и как предотвратить воздействие коммерциализации контроля на добросовестность оценки соответствия, которая фактически превратилась в предмет купли-продажи. На эту же мысль наводит тот факт, что, например, более чем у 50% органов оценки соответствия в сфере железнодорожного транспорта государственная аккредитация отозвана или приостановлена. Между тем практика работы части органов по сертификации, выступающих лидерами этого рынка, не вызывает нареканий и основывается на решениях, обеспечивающих высокое качество их результатов. Задача настоящей статьи заключается в поиске ответов на вопросы: является ли оценка соответствия собственно бизнесом?; какие его основные черты?; что необходимо сделать для того, чтобы обеспечить поступательное развитие и устойчивость данной сферы деятельности, от результатов которой зависит насыщение экономики новой востребованной промышленной продукцией, соответствующей требованиям, принятым в развитых странах?

Ключевые слова: аккредитация, бизнес, лучшая практика, оценка соответствия, сертификация, техническое регулирование

Для цитирования: Бобрышев А.Д., Бубенок Е.А., Тумин В.М., Савельев А.В. Императивы решения проблем поступательного развития бизнеса органов по сертификации // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 43-54. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).43-54

ORIGINAL PAPER

IMPERATIVES OF SOLVING PROBLEMS OF CERTIFICATION AUTHORITIES' BUSINESS PROGRESSIVE DEVELOPMENT

Bobryshev A.D., All-Russia Scientific and Research Institute "Center", Moscow, Russia

Bubenok E.A., North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Tumin V.M., Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia

Savelyev A.V., All-Russia Scientific and Research Institute "Center", Moscow, Russia

Abstract. As domestic industry adapts to market conditions, the control function regarding the conformity assessment of products quality parameters with safety requirements and technical regulations was mainly transferred to private companies. Today, more than 1220 enterprises and organizations work in the field of conformity assessment, largely demonstrating unsatisfactory financial results, which calls into question the economic efficiency of such a business, however, as well as the feasibility of commercial activities in the field of product parameters technical control related to human safety. Against this background, discussions continue on why the state has resigned its responsibility to ensure consumer safety, whether such a sensitive area can be a business, and how to

prevent the control commercialization impact on the integrity of conformity assessment, which has actually become a subject of sale. The same idea is suggested by the fact that, for example, more than 50% of conformity assessment bodies in the field of railway transport have state accreditation revoked or suspended. Meanwhile, the practice of some certification authorities acting as leaders of this market is not controversial and is based on decisions that ensure the high quality of their results. The purpose of this article is to find answers to questions: Is conformity assessment a business itself? What are its main features? What needs to be done to ensure the progressive development and sustainability of this sphere of activity, on the results of which the economy saturation with new sought-after industrial products, that meet the requirements adopted in developed countries, depends?

Keywords: accreditation, business, best practice, conformity assessment, certification, technical regulation

For citation: Bobryshev A.D., Bubenok E.A., Tumin V.M., and Savelyev A.V. Imperatives of Solving Problems of Certification Authorities' Business Progressive Development // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 43-54. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).43-54

По мере формирования национальной инновационной системы России, начинает складываться оптимальный баланс между ее основными элементами на макроуровне: средой, производящей знания, предпринимательским сообществом и рынком, а также механизмами передачи знаний, основанными на инновационной инфраструктуре [1].¹ Высокими темпами продолжает расти число технопарков и бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий и коллективного пользования научным оборудованием, инновационных кластеров и особых экономических зон технико-внедренческого типа, консалтинговых компаний и кадровых агентств [3]. Сегодня специалистам, намеренным организовать собственный наукоемкий бизнес, оказывается широкий спектр услуг, связанных с его размещением, технико-эксплуатационным и информационным обслуживанием, а также продвижением продукции на внутренний и внешний рынок. Освоению инновационной продукции и новых технологий промышленными предприятиями способствует сеть инжиниринговых компаний, центров прототипирования и дизайна, испытательных полигонов и лабораторий, органов сертификации [4].

Между тем негативные тенденции интегральных показателей инновационной деятельности² демонстрируют наличие существенных резервов в организации процесса создания и освоения новой техники, технологий, организационных и маркетинговых решений [6]. В части инновационной инфраструктуры – это: чрезмерно расширительное толкование данной категории, неравномерное размещение ее элементов по территории страны [7], монополизм отдельных инфраструктурных компаний, недостаточный уровень квали-

фикации специалистов и спектр оказываемых услуг, несоответствие специализации компаний инновационной инфраструктуры ожиданиям их клиентов. В частности, в Российской Федерации аккредитовано более 1.2 тыс. органов по сертификации и более 2.7 тыс. испытательных лабораторий и центров [8], специализированных по всем позициям товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности таможенного союза (ТН ВЭД ТС).³ При этом, несмотря на кажущуюся многочисленность участников данного рынка, в силу высокой степени специализации и территориальной разобщенности компаний, занятых сертификацией, в каждом отдельном регионе рынок таких услуг можно считать практически монополизированным. Ограничению количества новых органов по сертификации способствуют жесткие требования, предъявляемые Федеральной службой по аккредитации (Росаккредитация) к новым участникам данного бизнеса, а в отраслях, являющихся естественными монополиями, – высокая степень аффилированности органов по сертификации с аппаратом управления профильных ведомств.

В этих условиях с особой остротой встает вопрос обеспечения поступательного развития компаний,⁴ специализированных на оказании услуг инновационной инфраструктуры, но не обладающих дополнительными административными рычагами для эффективной работы.

В ходе проведения исследования использованы методы финансового анализа, бизнес-моделирования, визуализации экономических процессов. Его фактографическую базу составила информация, представленная в Едином реестре органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров) Таможенного союза.

¹ Согласно официальному определению, инновационная инфраструктура представляет собой «совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг» [2].

² По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг по Российской Федерации за 2017-

2019 гг. снизился на 1.9 п.п. и составил 5.3%; удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг за тот же период снизился на 0.3 п.п. и составил 2.1% [5].

³ В ТН ВЭД ТС содержится 1221 товарная позиция, 5052 субпозиции и 11171 10-разрядная подсубпозиция [9].

⁴ Под поступательным развитием компании в настоящей статье понимается ее устойчивая безубыточная деятельность, имеющая своим результатом расширение масштабов бизнеса и повышение качественных параметров продукции (услуг).

Учитывая опыт исследования проблем развития инновационной инфраструктуры и лучшую практику работы компаний на рынке услуг сертификации, становится возможным сформировать императивы решения проблем поступательного развития органов по сертификации. Минимальные требования нормативных документов к органам сертификации включают в себя: организацию в компании системы менеджмента качества (СМК), создание интернет-сайта и библиотеки нормативных актов, содержание квалифицированного персонала, допускаемого к выполнению работ по оценке соответствия, а также регламентацию ценнообразования на услуги. Кроме этого, Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 30.05.2014 № 326 установлено требование о «наличии у работников, участвующих в выполнении работ по подтверждению

соответствия, навыков и профессиональных знаний, необходимых для выполнения этих работ в области аккредитации, указанной в заявлении об аккредитации или в реестре аккредитованных лиц» [10]. Еще один императив касается наличия у органа сертификации имущества, необходимого для выполнения работ по подтверждению соответствия, учитывающего требования нормативных правовых актов, документов по стандартизации и иных документов, указанных в области аккредитации компании.

Наиболее трудоемкой работой в части удовлетворения требованиям нормативных документов является организация собственной СМК. Она требует от компании безусловной разработки комплекса документов и реально подтверждаемых процедур менеджмента качества, общий состав которых представлен на *рис. 1*.

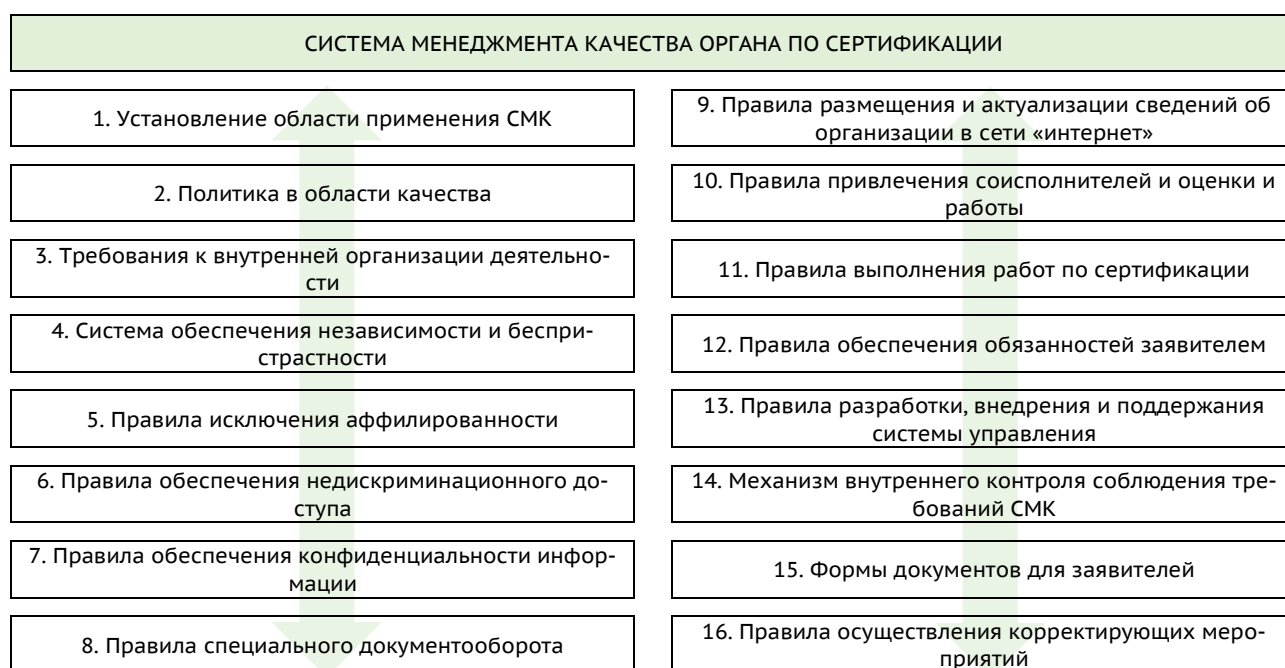

Рис. 1. Состав СМК органа по сертификации в соответствии с требованиями нормативных документов / Fig 1. The Composition of the Certification Authority QMS in Accordance with the Regulatory Documents Requirements

Источник: составлен авторами в соответствии с [10] / Source: compiled by the authors in accordance with [10]

В целом, бизнес органов по сертификации можно охарактеризовать общими и специфическими признаками. Исходя из определения бизнеса, как «инициативной экономической деятельности, осуществляемой за счет собственных или заемных средств на свой риск и под свою ответственность, направленной на производство и реализацию товаров, услуг, ценных бумаг или других видов разрешенной законом деятельности, которая ставит главными целями получение прибыли и развитие собственного дела» [11, 12], данная активность характеризуется рядом общих свойств.

Во-первых, это новаторство, в широком смысле понимаемое как поиск новых комбинаций

факторов производства.¹ Бизнес органа по сертификации предполагает объединение в себе: специально обученных кадров, соответствующих требованиям нормативных документов; материально-технической базы, позволяющей проводить испытания и выполнять оценку соответствия в области аккредитации; финансовых ресурсов, дающих возможность оплачивать расходы компании; специально создаваемой системы управления, которая также должна отвечать нормативным требованиям и позволять обеспечить качественное управление компанией. Подобная комбинация факторов производства является новой в современной истории технического регулирования.

¹ Формулировки общих признаков бизнеса компании приведены в [13].

Во-вторых, это хозяйственная самостоятельность и обладание полнотой власти. Учитывая, что чаще всего органы по сертификации являются юридическими лицами и создаются в форме учреждений, хозяйственных обществ или имеют статус индивидуальных предпринимателей, они естественным образом этими признаками обладают. Вопрос лишь в том, что пределы хозяйственной самостоятельности и полноты власти могут быть определенным образом ограничены в зависимости от организационно-правовой формы той или иной организации. Если же орган по сертификации создан в качестве структурного подразделения юридического лица, основным видом деятельности которого является деятельность, не связанная с оценкой соответствия, пределы хозяйственной самостоятельности и полноты власти устанавливаются этим юридическим лицом, которое, в свою очередь, гарантирует правоспособность созданного им органа.

Третья характерная черта любого бизнеса заключается в материальной и юридической ответственности за принимаемые хозяйственные решения. Органы по сертификации обладают ею в полной мере, о чем свидетельствует диаграмма, приведенная на рис. 2.

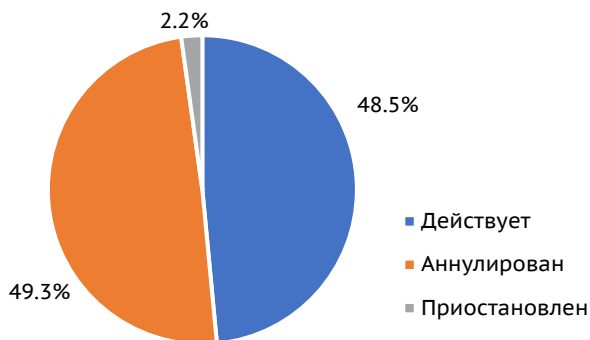

Рис. 2. Статус аттестатов аккредитации органов сертификации на железнодорожном транспорте (апрель, 2018 г.) / Fig 2. Status of Accreditation Certificates of Certification Authorities for Railway Transport (April, 2018)

Источник: составлено авторами по данным [14] / Source: compiled by the authors based on [14]

Любое отклонение от регламента, установленного органами государственного надзора в сфере технического регулирования, влечет за собой лишение аккредитации и невозможность дальнейшего ведения данного бизнеса.

Допущение обоснованного риска – четвертое свойство бизнеса – проявляется в деятельности органов по сертификации при построении ими своей маркетинговой, кадровой и финансовой политики. При этом требование выполнения официальных процедур оценки соответствия соблюдается неукоснительно. Например, из анализа динамики финансовых показателей (рис. 3-4), можно сделать вывод о принятии обоснованного риска – приоритете сохранения высокого уровня оплаты труда квалифицированного персонала – Феде-

ральным бюджетным учреждением «Регистр сертификации на федеральном железнодорожном транспорте» (ФБУ «РС ФЖТ»), несмотря на ухудшение финансового положения компании в 2014 г., а также о рациональном решении, направленном на уменьшение риска несостоятельности – снижении доли средств, направляемой на оплату труда, вслед за падением рентабельности деятельности.

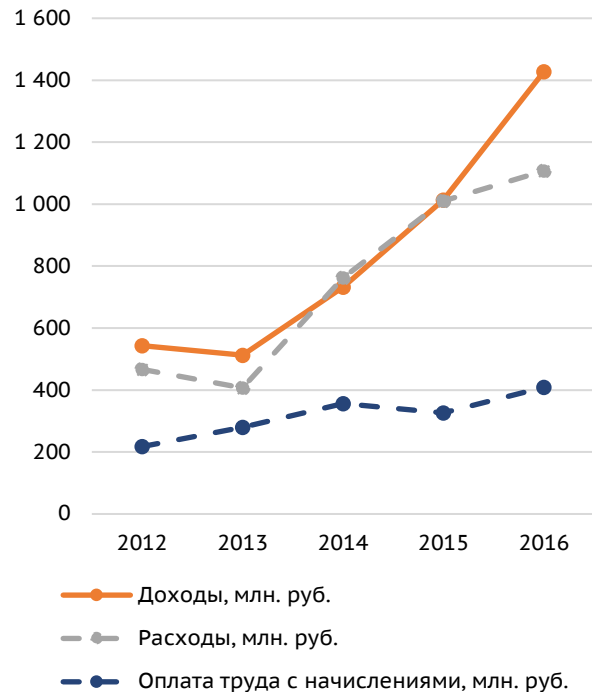

Рис. 3. Финансовая иллюстрация приоритета органа по оценке соответствия / Fig 3. Financial Illustration of the Conformity Assessment Authority Priority

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors

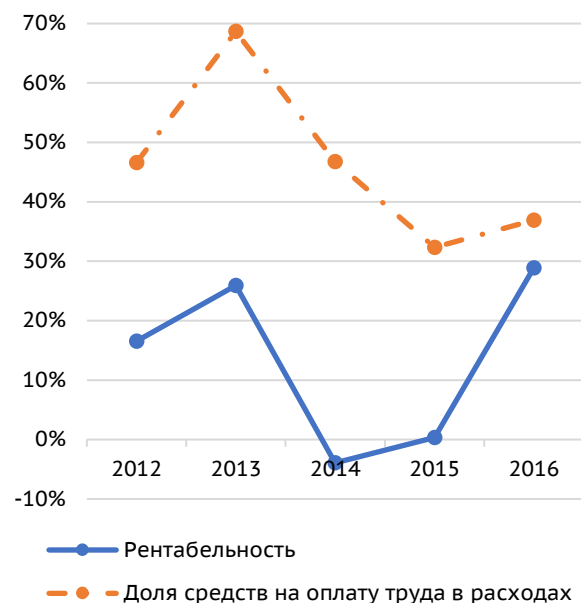

Рис. 4. Иллюстрация снижения финансового риска органа по оценке соответствия / Fig 4. Illustration of the Financial Risk of the Conformity Assessment Authority

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors

Следующей, пятой, особенностью бизнеса является его нацеленность на получение прибыли, как интегрального результата деятельности. Сегодня, когда вопросы технического регулирования во многом выведены из-под контроля органов государственного хозяйственного управления, наличие и приоритет коммерческой составляющей в деятельности органов по сертификации не вызывает сомнений. При этом, как и всякий иной вид бизнеса, оценка соответствия обрастает посредниками, не имеющими никакого отношения к этому высоко сложному виду профессиональной деятельности, но успешно «перепродающими» производителям продукции органам по сертификации в качестве клиентов и наоборот, за немалый процент (по нашим сведениям, от 20 до 50%) подбирающих для предприятий надежных (по их представлениям) исполнителей данной процедуры. Отдельные «продвинутые» компании даже приступили к созданию органов по сертификации на условиях франшизы. Например, Калининградская компания «Союз Тест» предлагает пакеты услуг, варианты которых представлены на рис. 5.

	АГЕНТСКИЙ пакет	БАЗОВЫЙ пакет	VIP* пакет
Закключаем агентский договор	☑	—	—
Пакет юридической документации	☑	—	—
Закрепление адреса корпоративной почты	☑	☑	☑
Обучение стандартам сертификации	☑	☑	☑
Помощь в сертификации	☑	☑	☑
Аттестация в качестве органа по сертификации СМК (ISO)	—	☑	☑
(Создание сайта по сертификации) Landing Page	—	☑	☑
Ваш личный бизнес-консультант	—	☑	☑
Клиентская база	—	☑	☑
Помощь в создании группы в соц.сетях	—	☑	☑
Статус представительства, как пожарного органа	—	☑	☑
Представительство Союз Тест	—	☑	☑
Официальное представительство Союз Тест	—	☑	☑
Уникальная система проверки посетителей	—	☑	☑
Настройка Яндекс Direct	—	☑	☑
Настройка Яндекс Direct и Google Adwords	—	☑	☑
Экзамменуем специалистов в компетентности эксперта в области по сертификации	—	☑	☑
ТРЕНИНГИ	—	—	—
2 дня обучения в Центральном офисе компании	—	☑	☑
Перелет Москва (Санкт-Петербург)-Калининград и обратно	—	☑	☑
Трансфер Аэропорт	—	☑	☑
Гостиница	—	☑	☑
Помощь в открытии фирмы	—	☑	☑
Помощь в подборе персонала и открытии офиса	—	☑	☑
Уникальная система проверки посетителей	—	☑	☑
Ведение первых трех клиентов	—	☑	☑
Регистрируем Орган в Системе добровольной сертификации систем менеджмента, персонала, производства, продукции, работ и услуг ТКС СОЮЗ	—	☑	☑

* (VIP пакет) За 2 дня обучения Вы узнаете больше, чем за месяц работы дома. Вы пройдёте путь от менеджера по продажам до руководителя офиса под руководством опытных специалистов Центрального Офиса.

80 000 p 200 000 p 850 000 p

Рис. 5. Варианты создания органа по сертификации на условиях франшизы / Fig 5. Options for Establishing a Franchise Certification Authority

Источник: [15] / Source: [15]

При этом сведения об аккредитации самого органа по сертификации «Союз Тест» в Реестре аккредитованных лиц, включая Национальную часть Единого реестра органов по сертификации и испытательных лабораторий Таможенного союза [14], отсутствуют. Это ли не лучшая иллюстрация нацеленности данного вида бизнеса на извлечение прибыли любыми дозволенными и недозволенными способами?

Шестая отличительная черта бизнеса состоит в гибкости принятия решений в отличие от практи-

ки, как правило, принятой в государственном секторе. В руках предпринимателя сосредоточены все ресурсы, необходимые ему для осуществления намеченной деятельности, у него есть все полномочия для этого. Выбор – лишь за направлениями применения этих полномочий и ресурсов. Собственно, «гибкость» означает вариативность определения видов деятельности в области специализации компании, прямое и опосредованное инвестирование в их развитие; отказ от направленной деятельности, которые не приносят ожидаемого дохода без каких-либо санкций к исполнителям, и открытие новых перспективных, осознанных экспериментов с построением организационной структуры управления компанией, составом и расстановкой персонала, применением методов стимулирования работников, автоматизацией бизнес-процессов, нормированием и корректировкой финансовых пропорций экономики компании и др.

Завершает краткий обзор общих свойств бизнеса органов по сертификации седьмой признак – наличия у компаний ресурсной базы (капитала). Выше отмечалось, что данное требование уже входит в число обязательных при аккредитации органов по сертификации. Тем самым, законодатель ставит еще один барьер на пути недобросовестного посреднического бизнеса в данной области. Последовательную работу в этом отношении демонстрирует, например, ФБУ «РС ФЖТ», которое, даже несмотря на убытки, поддерживает развитие собственной материально-технической базы. Особую значимость данному аспекту бизнеса органов по сертификации отводится в сфере ГО и ЧС, а также в иных системах сертификации, действующих в сферах с особо опасными условиями деятельности. Например, Требования к органам по сертификации в области пожарной безопасности содержат указание на то, что «для проведения работ по обязательной сертификации (в законодательно регулируемой сфере) в качестве органа по сертификации могут быть аккредитованы некоммерческие организации, имущество которых в соответствии с законодательством является надежным и не может быть распределено по вкладам (долям, паям), в том числе между работниками предприятий» [16].

Специфические особенности бизнеса органов по сертификации немного и связаны они, в основном, с нормативными требованиями к участникам данного рынка, раскрытыми нами выше. Общая же специфика бизнеса услуг промышленного характера имеет несколько характерных отличий. Во-первых, как правило, не касаясь специальных областей, данный бизнес не требует существенных капитальных затрат для своего функционирования. Основным ресурсом здесь выступают знания и опыт персонала компаний, который, в условиях общего падения уровня подготовки квалифицированных кадров промышленности становится все

труднее мобилизовать. Во-вторых, этот бизнес отличается крайне высокий уровень ответственности. От добросовестности выполнения функций персоналом компаний, оказывающих услуги промышленного характера, напрямую зависит жизнь и здоровье людей. Причем в случае нарушения установленных регламентов возмездие следует незамедлительно в виде аварий, утраты имущества и гибели людей. Третьей специфической чертой данного бизнеса является кажущаяся простота его организации и ведения, которая имеет следствием возникновение недобросовестной конкуренции, утрату доверия к многочисленным участникам

этого рынка и необходимость профессионально работающим компаниям расходовать дополнительные ресурсы для подтверждения своей компетенции.

Обращаясь к анализу лучшей практики в сфере оценки соответствия, используем известную структуру признаков устойчивости (или поступательного развития) компании [17] и сопоставим ей разделяемые нами успешные и при этом легитимные (в пределах правового поля и в рамках правил добросовестной конкуренции) решения по организации деятельности органов по сертификации в части мер обеспечения своего развития (*табл. 1*).

Таблица 1 / Table 1

Лучшая практика обеспечения поступательного развития компаний в области оценки соответствия / Best Practices in Ensuring Progressive Development of the Companies in the Field of Conformity Assessment

Наименование признака и меры обеспечения поступательного развития / Feature name and Measures to Ensure Progressive Development	
1. Наличие рыночной перспективы и сохранение основного профиля своей специализации на протяжении длительного периода	
1.1.	Диверсификация направлений деятельности по отраслям, регионам и объектам оценки (см., например, <i>рис. 6</i>)
1.2.	Аккредитация в различных системах сертификации
1.3.	Использование дополнительных источников финансирования своей деятельности, формирующих базовый доход вне зависимости от интенсивности работы по основному профилю (издательская деятельность, профессиональное образование, разработка программных продуктов...)
1.4.	Создание сети собственных испытательных центров (лабораторий)
1.5.	Выход на рынки сертификации зарубежных стран (в первую очередь, – ЕАЭС) – открытие филиалов
2. Непрерывное развитие, наращивание объемов и качественных параметров оказываемых услуг	
2.1.	Жесткое регулирование доли средств, направляемых на потребление
2.2.	Построение собственной системы продвижения услуг (привлечение посредников, вступление в профессиональные отраслевые ассоциации, открытие представительств в промышленных кластерах, особых экономических зонах, инновационных научно-технологических центрах, наукоградах, в инновационно-территориальных кластерах и на территориях опережающего социально-экономического развития ...)
2.3.	Автоматизация выполнения рутинных операций, внедрение CRM-систем, ¹ создание и актуализация базы шаблонов документов
2.4.	Формализация контроля за оказанием услуг с использованием современных методов управления качеством
3. Совершенствование производственного и научно-технического потенциала	
3.1.	Постоянное расширение комплекса технических средств для проведения испытаний в собственном испытательном центре
3.2.	Перманентное техническое перевооружение основной деятельности компании
3.3.	Применение современных методов оценки соответствия продукции, производства, услуг
3.4.	Кооперация со специализированными предприятиями по совместному использованию уникальной испытательной и лабораторной базы
4. Обеспечение повышения квалификации и социальной защищенности персонала	
4.1.	Привлечение студентов профильных ВУЗов к работе стажерами с целью накопления ими опыта и контролируемого стажа для последующей постоянной работы в компании
4.2.	Периодическая переподготовка и повышение квалификации сотрудников в системе дополнительного профессионального образования
4.3.	Обеспечение комфортных условий труда и отдыха персонала
4.4.	Оказание дополнительных социальных преференций работникам, успешно справляющимся со своими производственными обязанностями (мед. страховка, оплата проезда, служебной связи...)
5. Применение современных, адекватных изменяющимся рыночным условиям и накопленному опыту, методов организации и управления	
5.1.	Построение системы управления компанией, адекватной ее производственной структуре, стадии жизненного цикла и особенностям персонального состава сотрудников

¹ CRM система (англ. – «Customer Relationship Management») – система управления взаимоотношения с клиентами) – специализированное программное обеспечение для автоматизации

бизнес-процессов (оформление заказов, выставление и оплата счетов, согласование договоров и различных документов, ведении истории взаимоотношений...).

5.2.	Воспитание организационной культуры в компании на принципах клиентоориентированности, взаимного уважения и взаимопомощи сотрудников, приверженности солидарно выдвигаемым целям, прозрачности финансово-экономической деятельности
5.3.	Понимание персоналом организации внутреннего устройства компании, отсутствие «секретов» в отношении вопросов меры труда и потребления
5.4.	Оценка деятельности по ее результатам, но не по «процессу»
6. Финансовая состоятельность и рациональное расходование заработанных средств	
6.1.	Проведение финансовой политики, не допускающей привлечения заемных средств без крайней необходимости, грозящей банкротством компании
6.2.	Организация принципиальной работы с дебиторами, вне зависимости от их статуса и потенциальной привлекательности дальнейшего сотрудничества с клиентом
6.3.	Установление строгих нормативов финансовых показателей, характерных для данного вида бизнеса, их регулярный контроль и неукоснительное соблюдение
6.4.	Концентрация ресурсов на профильном виде бизнеса, создание резервного фонда компенсации непредвиденных обстоятельств

Источник: составлено авторами на основе анализа опыта 62 компаний, специализированных на оценке соответствия / Source: compiled by the authors based on an analysis of the experience of 62 companies specialized in conformity assessment

Рис. 6. Виды сертифицируемой продукции компании «ЕвроЭкспертСтандарт» / Fig 6. Types of Certified Products of «EuroExpertStandard»

Источник: [18] / Source: [18]

При этом под добросовестной конкуренцией нами понимается антоним законодательно определенной категории «недобросовестная конкуренция», представляющей собой «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» [19].

Естественно, перечисленный комплекс мер, отражающий лучшую практику обеспечения поступательного развития органов по сертификации, не исчерпывает всего многообразия решений,

примяемых компаниями, работающими на рынке оценки соответствия. Между тем, он может быть принят за основу авторской позиции по данному вопросу.

Формирование позиции в отношении оптимальной конфигурации комплекса мер по обеспечению поступательного развития компаний помимо своей теоретической значимости должно иметь и практическое применение. Поэтому, в завершение наших рекомендаций относительно целесообразных способов обеспечения поступательного развития органов по сертификации охарактеризуем два удачных, на наш взгляд, инструмента визуализации и оценки состояния данного вопроса в организации. Первый представляет собой таблицу с диаграммой, отражающей, так называемый, «профиль успеха» компании в достижении установленных в стратегии или программе ее

развития уровня показателей. При этом каждый из показателей должен быть определен количественно – методом прямого счета (если это возможно) или в условных единицах для последующей экспертной оценки.

Схематически профиль успеха компании можно отобразить в виде, представленном в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Профиль успеха компании в достижении запланированного уровня развития по состоянию на «__» _____ 202_ г. – условный пример / The Company's Success Profile in Achieving the Planned Level of Development as of " __ " _____ 202_ – a Tentative Example

№	- 80-100%	- 60-80%	- 40-60%	- 20-40%	- 0-20%	0	+ 0-20%	+ 20-40%	+ 40-60%	+ 60-80%	+ 80-100%	Целевое значение показателя из стратегии (программы) развития
1.1.												7 регионов
1.2.												3 системы сертификации (ГОСТ Р, ФЖТ, СИ)
1.3.												2 источника (образовательный центр, издание журнала)
1.4.												3 лаборатории (Подольск, Воронеж, Омск)
1.5.												1 филиал (Темиртау, Казахстан)
2.1.												Ноль отступлений от принятой концепции
2.2.												3 представительства в ОЭЗ (Фрязино, Зеленоград, СПб)
2.3.												Установка CRM-системы на 5 АРМ
2.4.												Внедрение метода «Диаграммы Исикавы» для контроля 2 изделий
3.1.												Освоение 2 установок неразрушающего контроля
3.2.												Замена копировально-множительной техники (3 ед.)
3.3.												Внедрение оценки персонала на основе 2 проф. стандартов
3.4.												Заключение соглашения в 2 предприятиях
4.1.												Привлечение 4 стажеров
4.2.												Профессиональная переподготовка 3 специалистов
4.3.												Оборудование комнаты отдыха и тренажерного зала
4.4.												Проведение аттестации персонала и поощрение 2 лидеров
5.1.												Перемещение 2 сотрудников из кадрового резерва на руководящие посты
5.2.												Ежеквартальное обновление стенда финансовых показателей
5.3.												Проведение 3 семинаров по стратегии и финансам компании
5.4.												Разработка и утверждение системы KPI сотрудников
6.1.												Ноль заемных средств
6.2.												10% текущей дебиторской задолженности в структуре баланса
6.3.												Рентабельность – 20-25%, срочная ликвидность – 0.7-1
6.4.												Размер резервного фонда – 12% от активов

- - целевое значение показателя
- - % недостижения значения целевого показателя
- - % превышения значения целевого показателя

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors

Логика использования данного инструмента выглядит следующим образом.

1) При разработке стратегии (или долгосрочной программы) развития компании по основным существенным аспектам ее работы, о которых пойдет речь далее, формируются, так называемые, стратегические инициативы – целевые программы организации по вопросам обеспечения достижения ее главной стратегической цели – поступательного развития. Состав этих целевых программ можно представить, исходя из результатов проведенного исследования, в виде дерева целей – рис. 7, – которое строится в терминах и категориях, аналогичных предложенным нами в табл. 1.

2) В свою очередь, каждая из этих целевых программ (1.1, 2.3, 4.3... на рис. 7) помимо содержательной части включает в себя количественные оценки тех результатов, достижение которых она намерена обеспечить.

3) Указанные количественные оценки отражаются в колонке «Целевые значения показателя» табл. 2, которым присваивается значение «0» в шкале оценок профиля успеха.

По мере наступления контрольных точек выполнения стратегии или долгосрочной программы организации, реальные результаты достижения, превосходства или не достижения целевых

значений показателей заносятся в поля таблицы. Тем самым, становится понятной ситуация с реализацией стратегии на конкретный момент времени и определяются первоочередные меры по компенсации допущенного отставания или излишнего (нецелесообразного) перевыполнения целевых показателей стратегии обеспечения поступательного развития компании.

Второй инструмент визуализации и оценки уровня поступательного развития по направлениям его обеспечения – лепестковая диаграмма, которая строится аналогично профилю успеха, но имеет несколько иной вид (рис. 8).

Мы специально уделили достаточно много внимания задаче визуализации и оценки достижения целей организации в силу ее ключевой значимости для формирования внутреннего климата и организационной культуры компании, которые, в свою очередь, могут при правильно выбранном курсе руководителя значительно облегчить достижение поставленных им целей. Или, наоборот, в случае пренебрежения анализом, а также информированием персонала о целях организации и способах их достижения, превратить любую из поставленных задач в неразрешимую, полностью подорвав поступательное развитие компании (см., например, [20]).

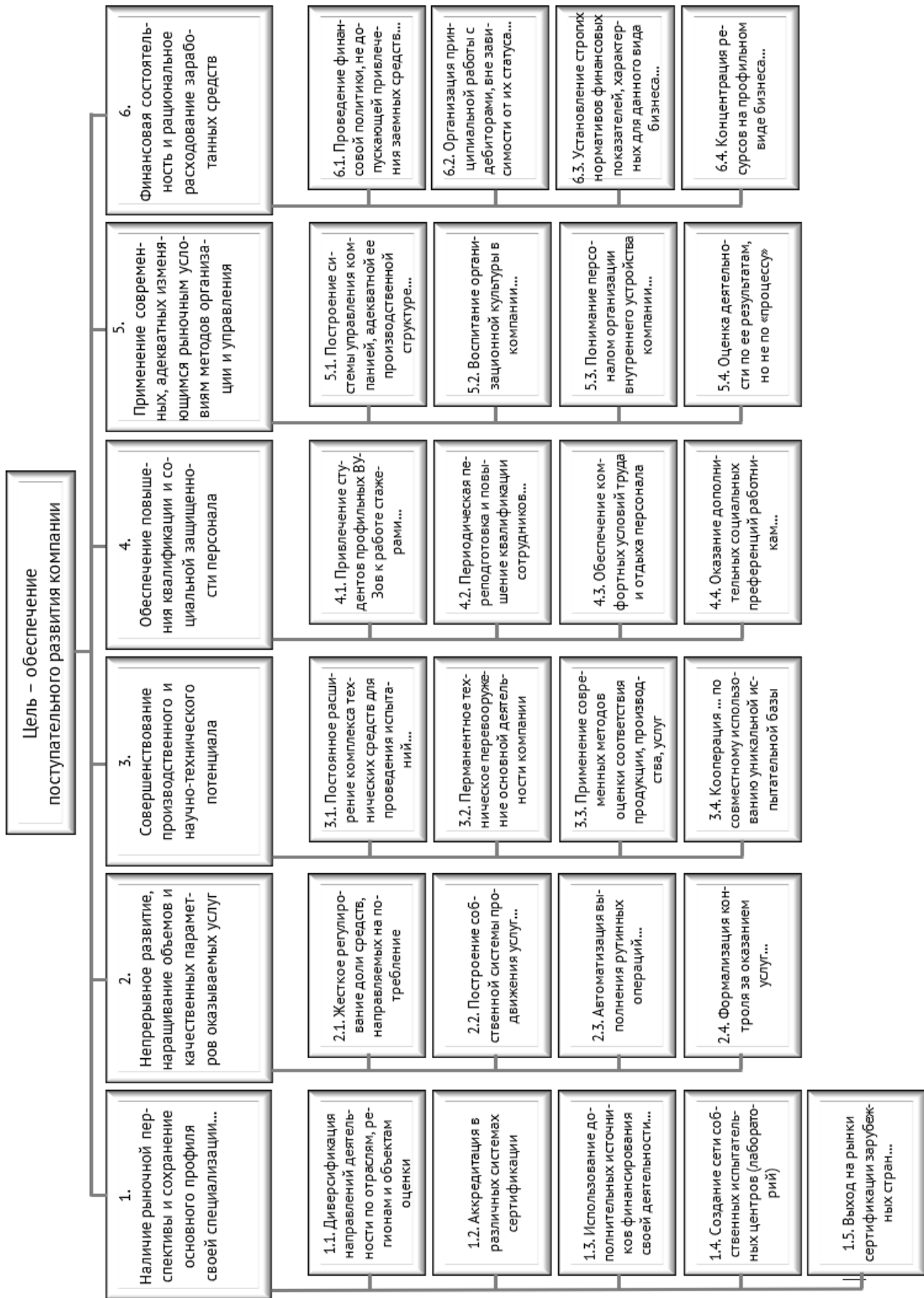

Рис. 7. Дерево целей по обеспечению поступательного развития органа по сертификации – условный пример / Fig. 7. The Tree of Goals for Ensuring the Progressive Development of the Certification Authority – a Tentative Example

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors

Исходные данные		
Меры обеспечения устойчивости (№)	Целевое значение показателя	Фактическое значение показателя
1.1.	0%	-30%
1.2.	0%	30%
1.3.	0%	0%
1.4.	0%	-30%
1.5.	0%	0%
2.1.	0%	0%
2.2.	0%	-30%
2.3.	0%	0%
2.4.	0%	0%
3.1.	0%	-50%
3.2.	0%	-100%
3.3.	0%	0%
3.4.	0%	50%
4.1.	0%	-50%
4.2.	0%	0%
4.3.	0%	0%
4.4.	0%	0%
5.1.	0%	-30%
5.2.	0%	0%
5.3.	0%	-50%
5.4.	0%	0%
6.1.	0%	0%
6.2.	0%	30%
6.3.	0%	30%
6.4.	0%	10%

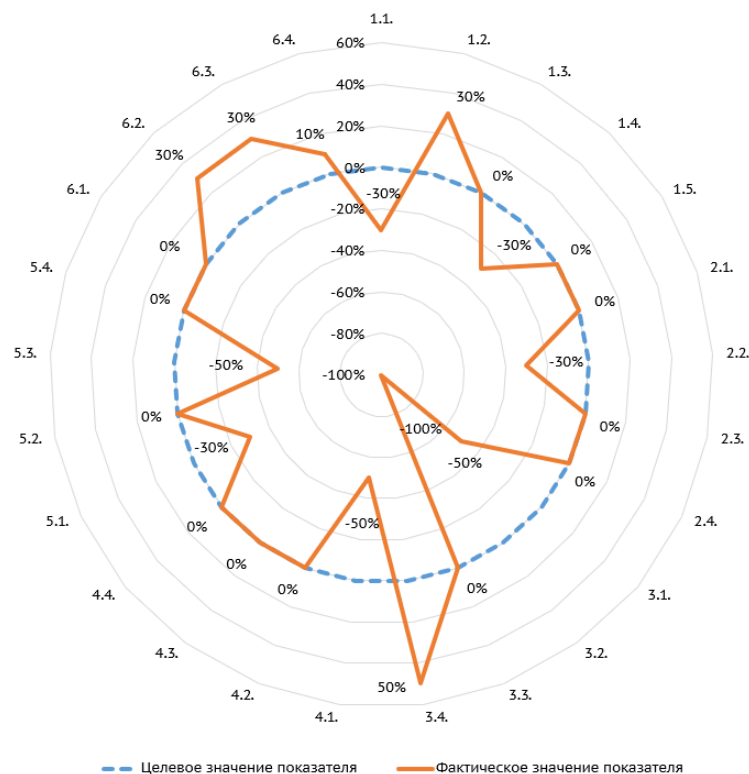

Рис. 8. Оценка уровня поступательного развития компании / Fig. 8. Assessment of the Company Progressive Development Level

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors

Исследование особенностей деятельности органов по сертификации – специфических субъектов инновационной инфраструктуры – позволило сформулировать императивы решения задач обеспечения их поступательного развития, в числе которых раскрыты особенности, свойственные современным компаниям данной группы инновационной инфраструктуры как самостоятельного (не государственного, как было ранее) бизнеса, так и особые признаки, характерные для этого рода лицензируемой деятельности. Однако для их реализации необходима соответствующая «оболочка» для их выстраивания в целостный комплекс организационно-управленческих решений, имеющих однозначным итогом достижение поставленной цели – обеспечения поступательного развития компаний инновационной инфраструктуры. В этом вопросе наилучшим образом может оказаться полезным методический аппарат концепции бизнес-моделирования.

Библиография

[1] Russell M.G., and Smorodinskaya N.V. Leveraging complexity for ecosystemic innovation // Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 136. Pp. 114-131. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.11.024>

[2] Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ (1996). Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения 06.08.2021).

[3] Smorodinskaya N.V., and Katukov D.D. When and why regional clusters become basic building blocks of modern economy // Baltic Region. 2019. Vol. 11(3). Pp. 61-91. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-4>

[4] Kuzmina M., Avdeyuk O., Kuzmina C., Tarasova I., and Rayushkina A. Strategy of development of regional infrastructure for creating innovative production complexes in the digital economy // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 111. Pp. 31-37. (На англ.). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_4

[5] Наука и инновации (2021). Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения 07.08.2021).

[6] Bobryshev A.D., Usmanova T.K., and Chekadanova M.V. Management of the innovation stage of the production cycle in electronics // Studies on Russian Economic Development. 2020. Vol. 31(3). Pp. 284-293. (На англ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S1075700720030041>

[7] Doroshenko Y.A., Malykhina I.O., and Somina I.V. Methodology of the formation of a comprehensive mechanism of innovation and investment development in the region // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 128 LNNS. Pp. 916-923. (На англ.). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-46817-0_103

[8] Единый реестр органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров) Таможенного союза (2021). ЕЭК. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/pages/il_os.aspx (дата обращения 13.08.2021).

[9] Шмелева Е. Обменялись кодами. В Таможенном союзе установлена единая товарная номенклатура

- ВЭД // Российская бизнес-газета. 10 июня 2010 г. № 754.
- [10] Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 30 мая 2014 г. № 326 «Об утверждении Критериев аккредитации, перечня документов, подтверждающих соответствие заявителя, аккредитованного лица критериям аккредитации, и перечня документов в области стандартизации, соблюдение требований которых заявителями, аккредитованными лицами обеспечивает их соответствие критериям аккредитации» (2014). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420203443> (дата обращения 10.08.2021).
- [11] Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003. 895 с.
- [12] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2007. 495 с.
- [13] Чекаданова М.В. Развитие теоретических подходов к построению бизнес-моделей секторально-территориальных инновационных кластеров // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3(44). С. 193-203. DOI: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2018.44.320>
- [14] Реестр аккредитованных лиц (2021). Национальная система аккредитации. URL: <https://fsa.gov.ru/use-of-technology/elektronnye-reestry/> (дата обращения 16.08.2021).
- [15] Пакеты франшизы компании «Союз Тест» (2021). Союз Тест. Орган по сертификации. URL: <http://franch-souz.ru> (дата обращения 16.08.2021).
- [16] Требования к органам по сертификации и порядок их аккредитации РД ССПБ-1 (2006). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902066384> (дата обращения 10.08.2021).
- [17] Витушкина М.Г. Трансформация критериев устойчивости деятельности промышленных предприятий // Сегодня и завтра российской экономики. 2018. № 91-92. С. 57-74. DOI: <https://doi.org/10.26653/1993-4947-2018-91-92-04>
- [18] Компания «ЕвроЭкспертСтандарт» (2021). URL: <http://eeks.ru/vidy-produkcii/> (дата обращения 16.08.2021).
- [19] Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (2006). Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения 16.08.2021).
- [20] Семлер Р. Маверик. М.: Издательство «Добрая книга», 2011. 384 с.
- РР. 61-91. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-4>
- [4] Kuzmina M., Avdeyuk O., Kuzmina C., Tarasova I., and Rayushkina A. Strategy of development of regional infrastructure for creating innovative production complexes in the digital economy // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 111. Pp. 31-37. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_4
- [5] Science and Innovation (2021). Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (accessed on 07.08.2021). (In Russ.).
- [6] Bobryshev A.D., Usmanova T.K., and Chekadanova M.V. Management of the innovation stage of the production cycle in electronics // Studies on Russian Economic Development. 2020. Vol. 31(3). Pp. 284-293. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S1075700720030041>
- [7] Doroshenko Y.A., Malykhina I.O., and Somina I.V. Methodology of the formation of a comprehensive mechanism of innovation and investment development in the region // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 128 LNNS. Pp. 916-923. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-46817-0_103
- [8] Unified register of certification bodies and testing laboratories (centers) of the Customs Union (2021). EEC. Eurasian Economic Commission. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/pages/il_os.aspx (accessed 13.08.2021). (In Russ.).
- [9] Shmeleva E. Exchanged codes. The Customs Union has established a single commodity nomenclature FEA // Russian Business Newspaper. June 10, 2010. No 754. (In Russ.).
- [10] Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated May 30, 2014 No. 326 "Ob utverzhdenii Kriteriyev akkreditatsii, perechnya dokumentov, podtverzhdayushchikh sootvetstviye zayavitelya, akkreditovannogo litsa kriteriyam akkreditatsii, i perechnya dokumentov v oblasti standartizatsii, soblyudeniye trebovaniy kotorykh zayavitelyami, akkreditovannymi litsami obespechivayet ikh sootvetstviye kriteriyam akkreditatsii" ["On approval of the accreditation criteria, the list of documents confirming the compliance of the applicant, the accredited person with the accreditation criteria, and the list of documents in the field of standardization, compliance with the requirements which by applicants, accredited persons ensures their compliance with the accreditation criteria"] (2014). Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420203443> (accessed on 10.08.2021). (In Russ.).
- [11] Borisov A.B. Bol'shoy ekonomicheskiy slovar' [Big Dictionary of Economics]. M.: Knizhnyi mir, 2003. 895 p. (In Russ.).
- [12] Raizberg B.A., Lozovskiy L.Sh., and Starodubtseva E.B. Sovremennyy ekonomicheskiy slovar' [Modern economic dictionary]. M.: INFRA-M, 2007. 495 p. (In Russ.).
- [13] Chekadanova M.V. Development of theoretical approaches to creation of business models of the sectoral and territorial innovative clusters // Business. Education. Law. 2018. Vol. 3(44). Pp. 193-203. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2018.44.320>
- [14] Register of accredited persons (2021). National accreditation system. URL: <https://fsa.gov.ru/use-of-technology/elektronnye-reestry/> (accessed on 16.08.2021). (In Russ.).
- [15] Packages of the Soyuz Test franchise (2021). Soyuz Test. Certification body. URL: <http://franch-souz.ru> (accessed on 16.08.2021). (In Russ.).

References

- [1] Russell M.G., and Smorodinskaya N.V. Leveraging complexity for ecosystemic innovation // Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 136. Pp. 114-131. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.11.024>
- [2] Federal Law "O nauche i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike" ["On Science and State Scientific and Technical Policy"] dated 23.08.1996 No. 127-FZ (1996). Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (accessed on 06.08.2021). (In Russ.).
- [3] Smorodinskaya N.V., and Katukov D.D. When and why regional clusters become basic building blocks of modern economy // Baltic Region. 2019. Vol. 11(3).

- [16] Trebovaniya k organam po sertifikatsii i poryadok ikh akkreditatsii RD SSPB-1 [Requirements for certification bodies and the procedure for their accreditation] (2006). Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902066384> (accessed on 10.08.2021). (In Russ.).
- [17] Vitushkina M.G. Transformation of criteria for sustainable activities industrial enterprise // Segodnya i zavtra rossiyskoy ekonomiki [Today and Tomorrow of the Russian economy]. 2018. Vol. 91-92. Pp. 57-74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26653/1993-4947-2018-91-92-04>
- [18] EuroExpertStandard Company (2021). URL: <http://eeks.ru/vidy-produkcii/> (accessed on 16.08.2021). (In Russ.).
- [19] Federal Law "O zashchite konkurentzii" ["On Protection of Competition"] dated July 26, 2006 No. 135-FZ (2006). Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (accessed on 16.08.2021). (In Russ.).
- [20] Semler R. Maverick. Warner Books, 1993. 360 p.

Информация об авторах / About the Authors

Артур Дмитриевич Бобрышев – д-р экон. наук, профессор; профессор, Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр», Москва, Россия / **Arthur D. Bobryshev** – Doctor of Economics, Professor; Professor, All-Russia Scientific and Research Institute "Center", Moscow, Russia

E-mail: 3646410@mail.ru

SPIN РИНЦ 7097-5172

ORCID 0000-0003-1575-5361

Елена Александровна Бубенок – д-р экон. наук, доцент; директор образовательной программы, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия / **Elena A. Bubenok** – Doctor of Economics, Docent; Director of Educational Program, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

E-mail: bubenok_elena@mail.ru

SPIN РИНЦ 9627-0657

ORCID 0000-0002-8719-1529

Валерий Максимович Тумин – д-р экон. наук, профессор; профессор, Московский политехнический университет, Москва, Россия / **Valeriy M. Tumin** – Doctor of Economics, Professor; Professor, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia

E-mail: vm@tumin.net

SPIN РИНЦ 7812-0407

ORCID 0000-0003-4651-0359

Андрей Викторович Савельев – аспирант, Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр», Москва, Россия / **Andrei V. Savelyev** – Graduate Student, All-Russia Scientific and Research Institute "Center", Moscow, Russia

E-mail: and6259@yandex.ru

SPIN РИНЦ 7918-3984

ORCID 0000-0002-7438-4698

Дата поступления статьи: 28 августа 2021
Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: August 28, 2021
Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).55-60

УДК 338.24:004

JEL L2, L53, M15, O3

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

М.К. Измайлов, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу использования современных информационных технологий на российских предприятиях. Во вступительной части статьи обозначена важность информационных технологий и их место в управлении предприятием. Определено, что применение современных информационных технологий непосредственно связано с повышением эффективности деятельности не только отдельных менеджеров, но и всех бизнес-процессов. Проведен подробный обзор информационных технологий, представленных на отечественном рынке и используемых в сфере управления персоналом, управления проектами, управления финансами, а также информационных технологий, необходимых для саморазвития менеджера. В заключительной части статьи представлены основные препятствия на пути внедрения информационных систем на предприятиях в России, а также предложено несколько концептуальных подходов по их устранению и решению проблем в сфере использования современных информационных технологий. Применение в практике отечественных предприятий информационных систем, программного обеспечения, мобильных приложений, описанных в статье, позволит существенно облегчить работу менеджеров, включая работающих удаленно, и повысить ее эффективность. Обосновано, что внедрение современных информационных технологий является ключевым фактором управления инновационным развитием предприятий и альтернативы ему нет. Сделан вывод, что российской экономике необходимы серьезные инвестиции в развитие сетевой инфраструктуры, которая бы отвечала современным условиям бизнеса и учитывала новейшие информационные технологии. Глобализация мирового бизнеса на базе современных информационных технологий происходит настолько динамично, что несвоевременное их внедрение может навсегда оставить предприятие позади.

Ключевые слова: автоматизация, интернет, информационные технологии, менеджмент, программное обеспечение, система управления

Для цитирования: Измайлов М.К. Информационные технологии в управлении российскими предприятиями: современное состояние // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 55-60. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).55-60

ORIGINAL PAPER

INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE MANAGEMENT OF RUSSIAN ENTERPRISES: CURRENT STATE

М.К. Izmaylov, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. This article is devoted to the analysis of using the modern information technologies at Russian enterprises. In the introduction of the article, the importance of information technologies and their place in enterprise management are indicated. It has been determined that the use of modern information technologies is directly related to an increase in the efficiency of not only individual managers, but also of all business processes. A detailed review of information technologies presented on the domestic market and used in the field of personnel management, project management, financial management, as well as information technologies necessary for a manager's self-development has been carried out. In the conclusion of the article, the main obstacles to the implementation of information systems at enterprises in Russia are presented, as well as several conceptual approaches to their elimination and solution of problems in the use of modern information technologies are proposed. The use of information systems, software, mobile applications described in the article in the practice of domestic enterprises will significantly facilitate the work of managers, including those working remotely, and increase its efficiency. It has been substantiated that the introduction of modern information technologies is a key factor in managing the innovative development of enterprises and there is no alternative to it. It is concluded that the Russian economy needs serious investments in the development of network infrastructure that would meet modern business conditions and take the latest information technologies into account. The globalization of world business on the basis of

modern information technologies is happening so dynamically that their untimely implementation can leave the company behind forever.

Keywords: automation, Internet, information technologies, management, software, management system

For citation: Izmaylov M.K. Information Technologies in the Management of Russian Enterprises: Current State // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 55-60. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).55-60

Мировые тенденции научно-технического развития, а также современный этап экономических сдвигов в России диктуют отечественным предприятиям рыночные условия инновационного функционирования и развития, среди которых одна из основных задач – формирование эффективной системы управления на предприятии.

В свою очередь, в достижении эффективного управленческого процесса важная роль отводится его автоматизации. На сегодняшний день происходит активное развитие и внедрение информационных технологий (ИТ) – различного рода прикладных программ и мобильных приложений, – которые непосредственно связаны с автоматизацией отдельных операционных, управляющих и поддерживающих бизнес-процессов и управления предприятием в целом. В частности, применение в практике предприятий инновационных ИТ совершенствует процессы принятия управленческих решений, обеспечивает более эффективное использование всех видов ресурсов, облегчает обмен информацией и ускоряет документооборот, сокращает многие виды издержек, повышает качество обслуживания клиентов и др., т.е. оптимизирует организационные, управленческие, логистические, производственные и коммерческие процессы предприятия.

В интересах выживания и адаптации к динамичным и деформирующим условиям внешней среды менеджмент современного предприятия вынужден постоянно модернизировать технологии и модели управления с учетом внедрения и практического использования современных ИТ. Очевидно, что акцент преобразований переносится с количественного материального внедрения современных ИТ на информационные нематериальные преобразования системы управления. Это приводит к тому, что основным конкурентным преимуществом предприятия, и, следовательно, эталоном трансформации управления, становится обработка информации на самом высоком интеллектуальном уровне.

Быстрое технологическое развитие и возрастающее использование ИТ в бизнес-организациях оказались в центре внимания исследователей в последние несколько лет. Было опубликовано большое количество литературы по использованию ИТ в различных отраслях экономики, типах бизнес-организаций, сферах управления бизнесом [1]. В исследованиях значительное внимание уделяется анализу структуры рынка ИТ, изучению

специфики формирования отрасли ИТ. Стоит отметить, что в отечественной научной литературе особенности развития ИТ исследованы недостаточно.

Настоящая статья носит исследовательский характер и имеет своей целью изучение особенностей современного состояния и места ИТ в управлении предприятием. В этой связи при написании статьи, в основном, были использованы общенаучные методы исследования, такие как методы синтеза и анализа, дедукции и индукции, научного обобщения, а также логического анализа и моделирования при выявлении проблем использования ИТ в деятельности современных российских предприятий и разработке мероприятий по их решению.

Одной из важнейших областей применения ИТ в системе корпоративного управления является автоматизация управления людскими ресурсами. На сегодняшний день в указанной сфере разработано много различного рода информационных систем, применение которых направлено на интегрирование команды сотрудников для работы над общими целями и задачами без учета физического расстояния между ними, ускорение поиска и подбора персонала и повышение эффективности его отбора в соответствии с необходимыми требованиями.

Так, к примеру, современные ИТ предлагают различного рода программное обеспечение для осуществления автоматизации подбора персонала. К этой группе информационных систем можно отнести, например, продукты Mirapolis Recruit (автоматизация подбора персонала), FriendWork Recruiter (автоматизация рекрутинга), Хантфлоу (автоматизация подбора персонала), Кеертеам (онлайн-сервис для управления и подбора персонала). Эти (и аналогичные) службы могут не только осуществлять поиск необходимых на вакансию кандидатов на основе выбранных критериев, но и передавать информацию о выбранных специалистах в различные ресурсы. Использование этих программ позволяет менеджерам осуществить быстрый поиск необходимых кандидатов по заранее установленным критериям, высвобождая при этом время на выполнение других функций.

Другой категорией автоматизированного программного обеспечения, необходимого для осуществления управления персоналом, выступают программы автоматизации процесса отбора персонала. К примеру, онлайн-сервис Finassessment представляет собой платформу, которую можно использовать в целях оценки профессиональных

качеств специалистов финансовой сферы. Сервис осуществляет проверку *hard skills* и *soft skills* специалистов с использованием онлайн-тестов, благодаря чему менеджер по персоналу может наглядно увидеть уровень знаний отдельных специалистов и подсказки по дальнейшим действиям в их отношении. В сервисе также реализована возможность сравнивать результаты тестирования по группе.

Похожие услуги предоставляет сервис *Qandidate*, в котором, помимо стандартных функций рекрутеров, предусмотрена возможность задавать «отсеивающие» вопросы, на которые необходимо ответить всем кандидатам. Также в сервисе предусмотрена интеграция с «LinkedIn» [2].

Перечисленные рекрутинговые программы и онлайн-инструменты имеют бесплатные ограниченные версии, а стоимость полного доступа является вполне доступной для предприятий малого и среднего бизнеса.

Кроме того, для осуществления отбора персонала и, в частности, проведения тестирования кандидатов на профессиональную пригодность или соответствие необходимым критериям в онлайн-сети существует множество бесплатных сервисов – конструкторов тестов, к примеру *Google-формы*, *SurveyMonkey*, *Online Test Pad*, *ISPRING*, *Let's test* и др.

Кроме того, тесты *Google Forms* позволяют осуществить экспорт результатов тестирования в *Excel*, где имеются инструменты визуализации данных, что упрощает проведение сравнения кандидатов на вакансию. Существуют также и программы, и онлайн-сервисы, предоставляющие уже готовые тесты для подбора кандидатов, к примеру *Mental Floss* (различные отрасли профессиональной деятельности), *Quizful* и *Skilltech* (тесты для ИТ-специалистов), *ТестПрофи* (психологические и когнитивные тесты) и т.д.

Существенные возможности предоставляют ИТ для организации обучения персонала. В последние годы активно развиваются системы электронного обучения, к примеру, *Canvas*, *Adobe Captivate Prime*, *iSpring Suite*, *Moodle*, *myQuiz* и др. Многие подобного рода ресурсы имеют бесплатный доступ, что может существенно сократить расходы предприятия на организацию обучения сотрудников и повышение их квалификации.

Отдельно необходимо отметить усиление акцента на игровых формах обучающих программ. Такая возможность реализована в таких сервисах как *Code Combat*, *Code studio*, *Code Avengers* и т.п. Эти ресурсы являются бесплатными и организуют обучение языкам программирования в игровой форме.

Для того, чтобы облегчить обсуждение любой профессиональной темы, например, путем закрепления материала из *YouTube*, *Dropbox*, *Google-диска*, появились такие сервисы как виртуальные доски – *CanvasDrop*, *Mural.ly* и др. В них предусмотрена возможность изменения масштаба приложений и их расположения на панели, разме-

щения комментариев и обсуждений в чате, а также отслеживания внесенных изменений.

Еще одна важная сфера управления, в которой активно применяются информационные технологии, – сфера управления проектами. На сегодняшний день список программного обеспечения и онлайн-сервисов, предоставляющих возможности автоматизации управления проектами достаточно широк. Условно программы делят на три группы – настольные (*Microsoft Project*, *CalligraPlan*, *GanttProject*, *ConceptDraw Project* и т.п.), клиент-серверные (*TrackStudio Enterprise*, *Globus Professional*, *Bugzilla*, *Team Foundation Server* и т.п.) и веб-сервисы (*SourceForge*, *CodePlex*, *Trello*, *GoogleCode* и т.п.)

Одним из популярных и бесплатных сервисов по управлению проектами является *Redmine* – серверный веб-сервис с открытым кодом, необходимый для автоматизации управления проектами и задачами и позволяющий эффективно отслеживать отдельные проекты внутри компании. *Redmine* дает возможность пользователям создавать *wiki* и форумы для каждого проекта. Это значит, что у менеджеров появляется возможность генерировать широкий спектр информации для каждого отдельного проекта, позволяя другим вносить вклад в базу данных. Благодаря интеграции с диаграммами Гантта и системами календаря в *Redmine* имеется возможность создавать отчеты на основе различных переменных, чтобы обеспечивать графическое представление данных.

Очень большую группу информационных технологий представляют программы и веб-сервисы, автоматизирующие процессы бухгалтерского учета и финансового анализа. Системы *ERP* (*Enterprise Resource Planning*) позволяют найти полное решение этой проблемы. На внутреннем рынке самыми популярными системами являются *1С*, *Галактика*, *SAP*, *Парус* и др. Однако, наибольшее распространение на российском рынке получила *ERP-система 1С*, т.к. она является более гибкой и адаптивной. Кроме того, она имеет умеренную стоимость, позволяет полностью учитывать национальные особенности учета, обладает широким функционалом и развитой системой франчайзинга, которая приводит к наличию большого количества специалистов (*1С-программистов*) в любом регионе [3].

Следует отметить, что решение о выборе системы *ERP* должно основываться на результатах тщательного анализа всех аспектов деятельности, текущих и перспективных состояний предприятия, поскольку существует широкий спектр конфигураций программы, позволяющих автоматизировать отрасль, деятельность, масштабы, приоритеты и технологии, а также оценить основные стратегические требования предприятия и определить, какая из систем является наилучшим применением [4].

Осуществляется активное развитие различного рода мобильных приложений, позволяющих

автоматизировать процессы бухгалтерского учета и управления финансами. Мобильные приложения уже входят в состав таких программных комплексов, как EKAM.Бизнес, Trini POS, Мобильная касса и склад, Sales System, Мой бизнес и т.п. Интересными для оптимизации финансового управления являются бесплатные мобильные приложения BillMinder и DebtControl, позволяющие осуществлять контроль кредиторской задолженности с помощью системы напоминания и приоритета платежей [5].

Перевод рутинных административных операций, в частности, документации и правовой основы управленческого решения в цифровое пространство имеет важное значение для оптимизации процесса управления. Приложения SignEasy и Adobe Fill & Sign были созданы таким образом, чтобы уполномоченное лицо могло подписывать документацию, даже если его нет на рабочем месте. Они не только позволяют осуществлять подписи документов с использованием стилуса или пальца руки, но и предоставляют возможность сохранения изображения подписи или печати в памяти приложения в целях их дальнейшего использования на документах при необходимости. А такие мобильные приложения как Office Lens и CamScanner позволяют осуществлять сканирование документов непосредственно с использованием смартфона.

Процессы автоматизации процесса сбора отчетности по работникам реализованы в приложении Weekdone – сервисе, позволяющем менеджерам быстро узнать, что происходит в их командах и получить обратную связь сотрудников. Доступны еженедельные отчеты о прогрессе работников, дэшборд и система обратной связи системы. При этом один пользователь Weekdone может относиться к нескольким командам как полноправный участник [6].

Введенные весной 2020 г. ограничения по работе бизнеса в связи с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) обострили еще одну важную управленческую проблему – проблему удаленного доступа к рабочей сети и общим базам предприятия. В этой связи активное развитие получили различного рода облачные хранилища – Dgorbox, Google Drive и т.п. Наряду с десктопной версией эти программы предлагают удобные мобильные приложения, что позволяет иметь доступ к рабочим документам даже без компьютера.

Отдельную группу ИТ представляют программы автоматизации обработки внешней информации, генерируемой политическими, культурными, государственными и международными событиями. Существует целая линия применения ИТ, которая помогает менеджеру сосредоточиться на мировых событиях и на рынке; например, таких как приложение Zite, представляющее собой интегрированную платформу, помогающую командам и организациям управлять проектами или программами с

несколькими распределенными рабочими сайтами и контролировать их. Через мобильное приложение и веб-платформу Zite объединяются данные обо всех аспектах проекта или программы – от ранней оценки до реализации, эксплуатации и обслуживания. Zite помогает командам лучше сотрудничать, интегрируя информацию и коммуникации для повышения качества, управления ресурсами, а также улучшения планирования и принятия решений.

Относительно использования информационных технологий в саморазвитии менеджеров, стоит отметить Blinklist – интересное приложение, которое экономят время менеджера и позволит развиваться на постоянной основе. Эта компьютерная программа содержит несколько сотен книг, обобщенных по различным темам – от бизнеса до развития коренных народов и искусства. Услуга платная, но есть бесплатный ограниченный период ее использования. Пример еще одной программы для саморазвития менеджеров – Lumosity – программа, которая включает комплекс заданий и упражнений для улучшения памяти и внимания, тренировки скорости мышления и других функций. Интересно также приложение Hurry2Live, которое позволяет мотивировать и вдохновлять менеджеров примерами достижений известных людей.

В целом, подытоживая проведенный выше обзор доступных предприятиям инновационных ИТ, можно сделать вывод, что на сегодняшний день разработана огромная масса различного рода программного и прикладного обеспечения в сфере профессиональной деятельности менеджеров и их саморазвития. При этом большинство из них имеют бесплатные версии либо умеренную стоимость.

Одним из важнейших направлений развития ИТ в управлении предприятием для принятия обоснованных бизнес-решений является развитие инструментов бизнес-аналитики (BI). Особую актуальность использование данных инструментов приобретает в эпоху больших данных (Big Data), когда у пользователя возникают вопросы, как быстро и точно найти требуемую информацию, проанализировать взаимосвязь данных в памяти, выяснить внутренний бизнес-закон, скрытый за массивом информации, и на основе этого предоставить важную справочную информацию для принятия эффективных бизнес-решений и поиска рыночных возможностей [7]. Инструменты BI позволяют проводить анализ критически важных бизнес-данных с целью помочь предприятиям лучше понять свой бизнес и рынок, на котором они работают. Фокус расширяется с ответов «что произошло», «как часто» и «где», чтобы включить объяснения «почему», «что, если эта тенденция сохранится», «что произойдет в будущем» и «каков идеальный сценарий». Идеи, полученные в результате внедрения этих инструментов, сосредоточены вокруг методов и методологий ведения бизнеса и

используются для принятия своевременных бизнес-решений [8]. Отметим, что использование цифровых технологий Big Data приводит к необходимости поддержания должного уровня информационной безопасности на предприятии [9].

Существенную роль в повышении эффективности управления предприятием играет возможность роботизации процессов внутреннего контроля (RPA), которая направлена на его совершенствование путем усиления подотчетности, сокращения профессиональных ошибок, снижения административных затрат, повышения скорости работы, снижения рисков для бизнеса, смещения фокуса сотрудников с рутинных операций на выполнение интеллектуальных задач и др. [10].

Результаты анализа современного состояния и тенденций развития информационной среды, уровня проникновения ИТ в тактику и стратегию развития предприятий позволяют определить основные препятствия на пути развития отечественного рынка ИТ и внедрения его продуктов на отечественных предприятиях:

- недостаточное финансирование первичных отечественных разработок ИТ;
- неадекватное развитие сетевой инфраструктуры бизнеса;
- дефицит свободных финансовых средств на приобретение, внедрение ИТ (особенно у предприятий малого бизнеса);
- неподготовленность менеджеров высшего и среднего звена, специалистов на местах к приобретению, внедрению и использованию ИТ в практике предприятий; др.

Концептуальными подходами к решению проблем в сфере использования современных ИТ в России следует считать:

- 1) всестороннюю поддержку национальных разработчиков и производителей ИТ;
- 2) поддержку внутреннего спроса на продукты рынка ИТ (развитие сетевой инфраструктуры, обеспечение доступа к сети Интернет, др.);
- 3) модернизацию предприятий (в первую очередь, систем управления), повышение автоматизации бизнес-процессов на предприятии;
- 4) популяризацию знаний об инновациях и их роли в повышении эффективности деятельности предприятий.

Очевидно, что решение этих вопросов требует от государства, общества, национального бизнеса, операторов ИТ соответствующих финансовых, административных и временных затрат. Но необходимо понимать, что глобализация мирового бизнеса на базе современных ИТ происходит настолько динамично, что несвоевременное внедрение ИТ может навсегда оставить предприятие позади.

Внедрение современных ИТ в сферу управления предприятием может обеспечить:

- экономию материальных, финансовых, трудовых, временных ресурсов;

- ускорение процессов оформления документации и документооборота;
- высвобождение времени для решения стратегических вопросов, непосредственно связанных с достижением цели деятельности предприятия;
- содействие обмену информацией и разработке проектов;
- лучшее планирование и применение общей стратегии компании, а также стратегий маркетинга, финансов, HR;
- продвижение бренда предприятия, улучшение процесса взаимоотношений с ключевыми стейкхолдерами;
- контроль над расходами, уровнем и сроками погашения дебиторской и кредиторской задолженностей;
- использование обширного количества аналитических инструментов, не требующих существенных усилий для составления отчетов и аналитики;
- возможность интеграции большого количества компьютерных программ;
- повышение эффективности удаленной работы; др.

Обоснованно можно утверждать, что внедрение современных ИТ является ключевым фактором управления инновационным развитием предприятий и альтернативы ему нет.

Библиография

- [1] Gërguri-Rashiti S., Ramadani V., Abazi H., Dana L.-P., and Ratten V. ICT, Innovation and Firm Performance: The Transition Economies Context // *Thunderbird International Business Review*. 2017. Vol. 59(1). Pp. 93-102. (На англ.). DOI: 10.1002/tie.21772
- [2] Зорин В.А., Калашникова С.В. Автоматизация рекрутинга. Что это и кому подойдет? // ВУЗ и реальный бизнес. 2020. Том. 1. С. 107-112.
- [3] Konareva P.A., and Kruglyak Z.I. The fixed assets management in the system 1C: ERP enterprise management // *Modern Science*. 2017. Vol. 10. Pp. 63-66.
- [4] Измайлов М.К. Сравнительный анализ современных EAM-систем, используемых в российской и зарубежной практике // *BENEFICIUM*. 2020. Vol. 2(35). Pp. 35-42. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).35-42](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).35-42)
- [5] Бойко Е.Е., Степаненко А.О. Возможность эффективного управления финансами как результат развития цифровой экономики / Современный специалист-профессионал: теория и практика: материалы XI Международной научной конференции студентов и магистрантов в рамках X Международного научного студенческого конгресса «Образ будущего глазами студентов», Барнаул, 25-26 апреля 2019. Барнаул: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации – Алтайский филиал, 2019. С. 116-119.
- [6] Weekdone (2021). URL: <https://weekdone.com/ru> (дата обращения: 10.06.2021).
- [7] Tao Z., Si Jun B., and Xi Bai R. Research on marketing management system based on independent ERP and business BI using fuzzy TOPSIS // *Journal of Intelligent and Fuzzy Systems*. 2021. Vol. 40(4). Pp. 8247-8255. (На англ.). DOI: 10.3233/JIFS-189647

- [8] Omar Y., Minoufekar M., and Plapper P. Business Analytics in Manufacturing: Current Trends, Challenges and Pathway to Market Leadership // *Operations Research Perspectives*. 2019. Vol. 6. Pp. 100-127. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.orp.2019.100127>
- [9] Liang W., Li W., and Feng L. Information Security Monitoring and Management Method Based on Big Data in the Internet of Things Environment // *IEEE Access*. 2021. Vol. 9. Pp. 39798-39812. (На англ.). DOI: 10.1109/ACCESS.2021.3064350
- [10] Klius Yu., Ivchenko Ye., Izhboldina A., and Ivchenko Yu. International approaches to organizing an internal control system at an enterprise in the digital era // *Economic Annals-XXI*. 2020. Vol. 185(9-10). Pp. 133-143. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V185-13>
- [5] Boyko Ye.Ye., and Stepanenko A.O. Vozmozhnost' effektivnogo upravleniya finansami kak rezul'tat razvitiya tsifrovoy ekonomiki [The possibility of effective financial management as a result of the digital economy development] / *Sovremennyy spetsialist-professional: teoriya i praktika* [Modern specialist-professional: theory and practice]: materials of the XI International scientific conference of students and undergraduates in the framework of the X International scientific student congress "Image of the future through the eyes of students", Barnaul, April 25-26, 2019. Barnaul: Financial University under the Government of the Russian Federation – Altai branch, 2019. Pp. 116-119. (In Russ.).
- [6] Weekdone (2021). (In Russ.). URL: <https://weekdone.com/ru> (accessed on 10.06.2021).
- [7] Tao Z., Si Jun B., and Xi Bai R. Research on marketing management system based on independent ERP and business BI using fuzzy TOPSIS // *Journal of Intelligent and Fuzzy Systems*. 2021. Vol. 40(4). Pp. 8247-8255. DOI: 10.3233/JIFS-189647
- [8] Omar Y., Minoufekar M., and Plapper P. Business Analytics in Manufacturing: Current Trends, Challenges and Pathway to Market Leadership // *Operations Research Perspectives*. 2019. Vol. 6. Pp. 100-127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.orp.2019.100127>
- [9] Liang W., Li W., and Feng L. Information Security Monitoring and Management Method Based on Big Data in the Internet of Things Environment // *IEEE Access*. 2021. Vol. 9. Pp. 39798-39812. DOI: 10.1109/ACCESS.2021.3064350
- [10] Klius Yu., Ivchenko Ye., Izhboldina A., and Ivchenko Yu. International approaches to organizing an internal control system at an enterprise in the digital era // *Economic Annals-XXI*. 2020. Vol. 185(9-10). Pp. 133-143. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V185-13>

References

- [1] Gërguri-Rashiti S., Ramadani V., Abazi H., Dana L.-P., and Ratten V. ICT, Innovation and Firm Performance: The Transition Economies Context // *Thunderbird International Business Review*. 2017. Vol. 59(1). Pp. 93-102. DOI: 10.1002/tie.21772
- [2] Zorin V.A., and Kalashnikova S.V. Avtomatizatsiya rekrutinga. Chto eto i komu podoydet? [Recruiting automation. What is it and who is it for?] // *VUZ i real'nyy biznes* [University and real business]. 2020. Vol. 1. Pp. 107-112. (In Russ.).
- [3] Konareva P.A., and Kruglyak Z.I. The fixed assets management in the system 1C: ERP enterprise management // *Modern Science*. 2017. Vol. 10. Pp. 63-66. (In Russ.).
- [4] Izmaylov M.K. Comparative Analysis of Modern EAM-Systems Used in Russian and Foreign Practice // *BENEFICIUM*. 2020. Vol. 2(35). Pp. 35-42. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).35-42](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).35-42)

Информация об авторе / About the Author

Максим Кириллович Измайлов – ассистент, Высшая школа управления и бизнеса, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия / **Maxim K. Izmaylov** – Assistant Lecturer, Graduate School of Business and Management, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
E-mail: Max78rus@ya.ru
SPIN РИНЦ 7654-8818
ORCID 0000-0002-3147-9603

Дата поступления статьи: 13 июня 2021
Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: June 13, 2021
Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).61-68

УДК 332.05:303(470+571)

JEL L26, M2, N60, N70

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 2020 ГОДУ

Ю.С. Пиньковецкая, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Аннотация. Одним из актуальных вопросов развития современного предпринимательства является изучение причин, вынуждающих людей выходить из созданных ими ранее бизнесов. В 2020 г. основной особенностью рассматриваемого явления стало значительное влияние последствий пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на принятие предпринимателями решений о прекращении своей деятельности; поэтому наряду с традиционными причинами выхода возникла необходимость оценки последствий пандемии COVID-19 для предпринимательства (по различным странам). Цель исследования – оценка сложившегося в 2020 г. уровня выхода предпринимателей из своих бизнесов в национальных экономиках. Исходными данными исследования явились результаты опроса экономически активного населения по 39 странам мира, проведенного в ходе выполнения работ по проекту «Глобальный мониторинг предпринимательства» (Великобритания). При этом рассматривались мнения бывших предпринимателей о причинах их выхода из своих бизнесов. В статье приведена оценка пяти показателей, характеризующих уровень прекращения предпринимательской деятельности в связи с положительными и негативными причинами. В процессе исследования было определено, что по негативным причинам прекратили свою предпринимательскую деятельность немногим менее 5% общей численности экономически активного населения, почти 1.8% вышли из созданных ранее бизнесов в связи с последствиями пандемии COVID-19 и только 0.7% – по положительным причинам. Проведенная работа позволила сделать вывод о том, что значения каждого из пяти показателей имели существенные различия по странам; были определены страны с максимальными и минимальными значениями показателей. Поскольку рассматривались данные, характеризующие выход предпринимателей из своих бизнесов в 39 странах, имели место ограничения, связанные с отсутствием информации по остальным странам. Дальнейшие исследования могут быть связаны с оценкой последствий пандемии COVID-19 на планы предпринимателей в 2021 г.

Ключевые слова: Глобальный мониторинг предпринимательства, пандемия COVID-19, предприниматели, прекращение предпринимательской деятельности, функции нормального распределения

Для цитирования: Пиньковецкая Ю.С. Компаративный анализ причин прекращения предпринимателями своей деятельности в 2020 году // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 61-68. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).61-68

ORIGINAL PAPER

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE REASONS FOR THE ENTREPRENEURS TO TERMINATE THEIR ACTIVITIES IN 2020

Iu.S. Pinkovetskaia, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Abstract. One of the relevant problems of the modern entrepreneurship development is studying the reasons that force people to leave businesses previously created by them. In 2020, the main feature of the phenomenon under consideration was the significant impact of the COVID-19 pandemic consequences on the entrepreneurs' decisions to terminate their activities; therefore, along with the traditional reasons, there was a need to assess the COVID-19 pandemic consequences for entrepreneurship (for different countries). The purpose of the study is to assess the current level of the entrepreneurs going out of their businesses in national economies in 2020. The results of a survey of the economically active population in 39 countries during the work on the project "Entrepreneurship Global Monitoring" (Great Britain) were the initial data. At the same time, the former entrepreneurs' opinions about the reasons for them to go out of their businesses were considered. The article provides an assessment of five indicators that characterize the level of terminating the entrepreneurial activity due to positive and negative reasons. In the course of the study, it has been proved that slightly less than 5% of the total economically active population have stopped their business activities for negative reasons, almost 1.8% have gone out of the previously created businesses due to the COVID-19 pandemic consequences, and only 0.7% – for positive reasons. The work carried out has made it possible to conclude that the values of each of the five indicators had significant differences

across countries; the countries with maximum and minimum indicators values have been identified. Since the data describing the entrepreneurs going out of their businesses have been considered, there were limitations in 39 countries due to the lack of information for the rest of the countries. Further research may be related to the assessment of the COVID-19 pandemic consequences on entrepreneurs' plans in 2021.

Keywords: Entrepreneurship Global Monitoring, COVID-19 pandemic, entrepreneurs, termination of entrepreneurial activity, normal distribution functions

For citation: Pinkovetskaia Iu.S. Comparative Analysis of the Reasons for the Entrepreneurs to Terminate Their Activities in 2020 // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 61-68. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).61-68

В конце XX – начале XXI веков большое внимание уделялось изучению теоретических и практических основ предпринимательской деятельности. Необходимо отметить, что, разрабатывая принципы и концепции роли предпринимательства в современных национальных экономиках, большинство исследователей не обращалось к такой проблеме как прекращение предпринимателями своей деятельности, о чем писали, например [1, 2]. Учитывая это, в статье рассматривается проблема выхода предпринимателей из своих бизнесов, в частности, оценивается удельный вес количества предпринимателей, прекративших деятельность, в общей численности экономически активного населения страны.

Рано или поздно каждый предприниматель вынужден прекратить свою деятельность по объективным или субъективным причинам. В последние годы в ряде публикаций были рассмотрены отдельные аспекты этой проблемы. В частности, в [3] изучался выход предпринимателей из своих бизнесов путем продажи, т.е. получения денежных средств. Зачастую указанный метод используется предпринимателями, работающими на нишевых рынках, у которых конкурирующие с ними фирмы стараются приобрести бизнес даже со значительной премией. Особенно актуальной является продажа бизнеса для предпринимателей, желающих минимизировать свой риск в будущем. Безусловно, продажа бизнеса позволяет предпринимателю превратить затраты своего труда и интеллекта в конкретные доходы [4]. В [5] исследуется такой вариант выхода предпринимателей из своих бизнесов как передача их членам семьи (зачастую детям). Как продажа своего бизнеса, так и передача членам семьи связаны с, так называемыми, положительными причинами прекращения предпринимательской деятельности. К этому же варианту может быть отнесен выход предпринимателей на пенсию.

Вместе с тем, существует значительное количество предпринимателей, которые выходят из своего бизнеса по негативным причинам. Эти причины подразделяются на внешние и внутренние. Внешние причины обусловлены глобальными и локальными кризисными явлениями в экономиках, изменениями в институциональной сфере, а также проблемами на рынках сбыта товаров и услуг, производимых предпринимателями [4, 6].

Основными внутренними причинами выхода предпринимателей из своих бизнесов являются трудности реализации поставленных целей, сложности управления производственными процессами, нехватка финансовых средств, а также низкая эффективность производства [7].

Отличительной особенностью предпринимательской деятельности в 2020 г. явились кризисные явления, возникшие в этом секторе экономики в абсолютном большинстве стран в связи с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), объявленной Всемирной организацией здравоохранения глобальной пандемией [8]. Пандемия COVID-19 оказала существенное влияние не только на здоровье людей, но и вызвала многогранный шок в их социальной и экономической жизни. Негативные последствия пандемии COVID-19 связаны с резким снижением внутреннего потребления в большинстве экономически развитых и развивающихся государств в связи с ограничением мобильности населения. Кроме того, наблюдается существенное уменьшение инвестиций, т.к. пандемия COVID-19 вызвала снижение оптимистических взглядов на деловую активность предпринимателей в будущем. Соответственно, снизился совокупный спрос, что уменьшило потребности в производимых предпринимателями товарах и оказываемых ими услугах. Все это предопределило нарушение производственных и экономических связей [9, 10].

Как показывают научные исследования, от последствий пандемии COVID-19 наиболее сильно пострадали предприниматели, работающие в отраслях, связанных с личными контактами, а также со сложной логистикой [11, 12]. К ним относятся розничная торговля промышленными товарами, транспорт, туризм, общественное питание, личные услуги, сфера отдыха. Предприниматели, специализирующиеся на этих видах деятельности, обнаружили резкое падение доходов при сохранении большинства расходов, что привело к существенному ухудшению их финансового положения [13]. Необходимо отметить, что негативные последствия оказали влияние также на поставщиков и клиентов наиболее пострадавших предпринимателей. Т.е. появились серьезные сбои в производственных и распределительных цепочках. Особенно наглядно это проявилось в глобализированных секторах экономики, поскольку наряду с

указанными причинами определенное влияние на эти секторы оказало снижение уровня доступности ряда стран и регионов в связи с введенными ограничениями.

Цель исследования – оценка сложившегося в 2020 г. уровня выхода предпринимателей из своих бизнесов в национальных экономиках. В статье приводится оценка распределения по странам трех основных групп причин прекращения предпринимателями своей деятельности. При этом в общей численности экономически активного населения оцениваются доли численности предпринимателей, прекративших свою деятельность, а также соответствующие показатели по положительным и негативным причинам, как связанным, так и несвязанным с пандемией COVID-19. Таким образом, наряду с изучением традиционных причин прекращения предпринимателями деятельности, в статье приводится принципиально новая информация о влиянии пандемии COVID-19 на выход предпринимателей из своих бизнесов по 39 странам, которые территориально находятся в Европе, Азии, Африке, Латинской и Северной Америке.

Исследование основывалось на оценке следующих показателей:

- доля людей, прекративших в 2020 г. предпринимательскую деятельность, в общей численности экономически активного населения;
- доля людей, вышедших из своих бизнесов по положительным причинам, в общей численности экономически активного населения;
- доля людей, вышедших из своих бизнесов по негативным причинам, не связанным с пандемией COVID-19, в общей численности экономически активного населения;
- доля людей, вышедших из своих бизнесов по негативным причинам, обусловленным пандемией COVID-19, в общей численности экономически активного населения;
- соотношение долей предпринимателей, прекративших деятельность в связи с негативными причинами, обусловленными пандемией COVID-19 и не связанными с этой пандемией.

Исходными данными явились результаты опросов экономически активного населения по 39 странам. В том числе, опрашивались люди, которые прекратили свою предпринимательскую деятельность в 2020 г. Результаты опросов были приведены в отчете по проекту Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor 2020-2021) [14]. Каждый из бывших предпринимателей высказал свое мнение о том, что явилось причиной его выхода из бизнеса.

Исследование состояло из шести этапов. Первый этап был связан с формированием эмпирических данных, описывающих мнение бывших предпринимателей о причинах выхода из своих бизнесов. На втором этапе производилась оценка значений пяти указанных выше показателей. Третий этап был направлен на определение средних

значений по рассматриваемым странам каждого из показателей и установление диапазонов, в которых находились значения показателей, характерные для большинства стран. Четвертый этап был связан с компаративным анализом, позволившем выявить страны с минимальными и максимальными значениями показателей. Пятый этап позволил провести сравнение значений показателей по России и другим странам.

Проведенное исследование включало проверку четырех гипотез:

- первая гипотеза – последствия пандемии, обусловленной широким распространением COVID-19, явились одной из основных причин выхода предпринимателей из своих бизнесов;
- вторая гипотеза – имеются значительные различия в значениях каждого из пяти рассматриваемых показателей по разным странам;
- третья гипотеза – географическое расположение государств не оказывает существенного влияния на максимальные и минимальные значения показателей;
- четвертая гипотеза – доходы населения в государствах не оказывают существенного влияния на максимальные и минимальные значения показателей.

В процессе исследования проводилось экономико-математическое моделирование исходной эмпирической информации. В качестве таких моделей использованы функции плотности нормального распределения [15, 16]. Полученные функции дают возможность оценить не только средние значения показателей в рассматриваемых государствах, но и величины стандартных отклонений. Отметим, что для расчета границ диапазонов, в которых находятся значения показателей, характерные для большинства (68%) государств, используются указанные величины. При этом характеристики нижних границ диапазонов по показателям равны разнице между их средними значениями и стандартными отклонениями, а их сумма соответствует верхней границе диапазона.

В процессе экономико-математического моделирования на основе эмпирических данных были построены функции (y), описывающие плотности нормального распределения каждого из пяти рассматриваемых показателей (x):

- доля людей, прекративших в 2020 г. предпринимательскую деятельность, в общей численности экономически активного населения (1):

$$y_1(x_1) = \frac{129,05}{3,94 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 6,03)^2}{2 \times 3,94 \times 3,94}} \quad (1)$$

- доля людей, вышедших из своих бизнесов по положительным причинам, в общей численности экономически активного населения (2):

$$y_2(x_2) = \frac{10,03}{0,35 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 0,70)^2}{2 \times 0,35 \times 0,35}} \quad (2)$$

• доля людей, вышедших из своих бизнесов по негативным причинам, не связанным с пандемией COVID-19, в общей численности экономически активного населения (3):

$$y_3(x_3) = \frac{50,14}{1,86 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3-3,08)^2}{2 \times 1,86 \times 1,86}} \quad (3)$$

• доля людей, вышедших из своих бизнесов по негативным причинам, обусловленным пандемией COVID-19, в общей численности экономически активного населения (4):

$$y_4(x_4) = \frac{45,52}{1,56 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4-1,77)^2}{2 \times 1,56 \times 1,56}} \quad (4)$$

• соотношение долей предпринимателей, прекративших деятельность в связи с негативными

причинами, обусловленными пандемией COVID-19 и не связанными с этой пандемией (5):

$$y_5(x_5) = \frac{13,65}{0,41 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_5-0,51)^2}{2 \times 0,41 \times 0,41}} \quad (5)$$

Проверка качества функций (1)-(5) на основе критериев Шапиро-Вилка, Пирсона и Колмогорова-Смирнова показала, что все эти функции хорошо аппроксимируют эмпирические данные.

Построенные функции позволили определить значения показателей, описывающие различные варианты выхода предпринимателей из своих бизнесов по 39 странам. Эти показатели сведены в первый столбик *табл. 1*; в ее втором столбце представлены средние по странам значения, а в третьем – диапазоны, в которых находятся значения показателей по большинству стран.

Таблица 1 / Table 1

Значения показателей, характеризующих причины прекращения предпринимателями своей деятельности / Values of Indicators Characterizing the Reasons for Entrepreneurs to Stop their Activities

Наименование показателя / Indicator Name	Средние величины / Average Values	Значения по большинству регионов / Values for Most Regions
Доля людей, прекративших в 2020 г. предпринимательскую деятельность, в общей численности экономически активного населения, %	6.03	2.09-9.97
Доля людей, вышедших из своих бизнесов по положительным причинам, в общей численности экономически активного населения, %	0.70	0.35-1.05
Доля людей, вышедших из своих бизнесов по негативным причинам, не связанным с пандемией COVID-19, в общей численности экономически активного населения, %	3.08	1.22-4.94
Доля людей, вышедших из своих бизнесов по негативным причинам, обусловленным пандемией COVID-19, в общей численности экономически активного населения, %	1.77	0.21-3.33
Соотношение долей предпринимателей, прекративших деятельность в связи с негативными причинами, обусловленными пандемией COVID-19 и не связанными с этой пандемией	0.51	0.10-0.92

Источник: рассчитано автором на основе функций (1)-(5) / Source: calculated by the author based on functions (1)-(5)

Приведенные в *табл. 1* данные демонстрируют, что значительное количество экономически активного населения, в среднем по рассматриваемым государствам порядка 6%, прекратило в 2020 г. свою предпринимательскую деятельность. Т.е. почти каждый шестнадцатый взрослый житель, являвшийся ранее предпринимателем, вышел из своего бизнеса. При этом только 0.7% численности экономически активного населения, сделали это по положительным причинам: соответственно, каждый восьмой предприниматель прекратил свою деятельность в связи с продажей бизнеса, передачей его членам семьи или выходом на пенсию. По негативным причинам вышло из своих бизнесов в среднем 4.85% экономически активного населения. Отметим, что из предпринимателей, прекративших деятельность по негативным причинам, относительное большинство (64%) сделало это без прямой связи с последствиями пандемии COVID-19. Однако значительное количество (36%) бывших предпринимателей указало при опросе в качестве негативных причин прекращения своей деятельности последствия пандемии

COVID-19, вызвавшей глобальный экономический кризис. Среднее по рассматриваемым государствам соотношение долей предпринимателей, прекративших деятельность в связи с негативными причинами, обусловленными пандемией COVID-19 и не связанными с этой пандемией, составило 0.51. Таким образом, указанная выше первая гипотеза о том, что последствия пандемии COVID-19 явились одной из основных причин выхода предпринимателей из своих бизнесов, нашла свое подтверждение.

Для проверки второй гипотезы о дифференциации показателей по государствам был проведен анализ размаха вариации каждого из показателей, представленных в *табл. 1*. Индексы вариации по каждому из показателей приведены далее:

- доля людей, прекративших в 2020 г. предпринимательскую деятельность, в общей численности экономически активного населения – 65%;
- доля людей, вышедших из своих бизнесов по положительным причинам, в общей численности экономически активного населения – 50%;
- доля людей, вышедших из своих бизнесов

по негативным причинам, не связанным с пандемией COVID-19, в общей численности экономически активного населения – 60%;

- доля людей, вышедших из своих бизнесов по негативным причинам, обусловленным пандемией COVID-19, в общей численности экономически активного населения – 88%;

- соотношение долей предпринимателей, прекративших деятельность в связи с негативными причинами, обусловленными пандемией COVID-19 и не связанными с этой пандемией, – 80%.

Значения индексов вариации показали наличие значительной дифференциации по странам всех пяти показателей. Следовательно, вторая

гипотеза получила подтверждение.

Четвертый этап исследования был связан с выделением групп стран, для которых характерны минимальные и максимальные значения каждого из показателей. При этом, к максимальным и минимальным относятся значения, соответственно, превышающие верхние границы диапазонов, продемонстрированных в третьем столбце *табл. 1* и меньшие нижних границ диапазонов.

Итоги этого анализа приведены в *табл. 2*. Наряду с перечнями стран в *табл. 2* представлено также подразделение выявленных стран по их географическому положению и уровню доходов населения.

Таблица 2 / Table 2

Характеристика стран, в которых отмечались максимальные и минимальные показатели, характеризующие причины прекращения предпринимателями своей деятельности / Characteristics of Countries with Maximum and Minimum Indicators Characterizing the Reasons for Entrepreneurs to Stop their Activities

Показатели / Indicators	Страны / Countries	Географическое положение / Geographical Location	Доходы населения / Population Income
Доля людей, прекративших в 2020 г. предпринимательскую деятельность, в общей численности экономически активного населения	С максимальными значениями показателей		
	Оман	Азия	Высокие
	Египет	Африка	Низкие
	Бразилия	Латинская Америка	Средние
	Кувейт	Азия	Высокие
	Панама	Латинская Америка	Высокие
	Казахстан	Азия	Средние
	Ангола	Африка	Низкие
	С минимальными значениями показателей		
	Италия	Европа	Высокие
	Испания	Европа	Высокие
	Швейцария	Европа	Высокие
	Словения	Европа	Высокие
	Германия	Европа	Высокие
Норвегия	Европа	Высокие	
Доля людей, вышедших из своих бизнесов по положительным причинам, в общей численности экономически активного населения	С максимальными значениями показателей		
	Швеция	Европа	Высокие
	Объединенные Арабские Эмираты	Азия	Высокие
	Саудовская Аравия	Азия	Высокие
	Люксембург	Европа	Высокие
	Оман	Азия	Высокие
	Колумбия	Латинская Америка	Средние
	Нидерланды	Европа	Высокие
	Канада	Северная Америка	Высокие
	Ангола	Африка	Низкие
	С минимальными значениями показателей		
	Италия	Европа	Высокие
	Индия	Азия	Низкие
	Испания	Европа	Высокие
Буркина-Фасо	Африка	Низкие	
Марокко	Африка	Низкие	
Республика Корея	Азия	Высокие	
Швейцария	Европа	Высокие	
Доля людей, вышедших из своих бизнесов по негативным причинам, не связанным с пандемией COVID-19, в общей численности экономически активного населения	С максимальными значениями показателей		
	Объединенные Арабские Эмираты	Азия	Высокие
	Бразилия	Латинская Америка	Средние
	Оман	Азия	Высокие
	Казахстан	Азия	Средние
	Ангола	Африка	Низкие
	С минимальными значениями показателей		
	Италия	Европа	Высокие
	Словения	Европа	Высокие
	Испания	Европа	Высокие
Швейцария	Европа	Высокие	

	Люксембург	Европа	Высокие
	Польша	Европа	Высокие
Доля людей, вышедших из своих бизнесов по негативным причинам, обусловленным пандемией COVID-19, в общей численности экономически активного населения	С максимальными значениями показателей		
	Колумбия	Латинская Америка	Средние
	Бразилия	Латинская Америка	Средние
	Того	Африка	Низкие
	Чили	Латинская Америка	Высокие
	Саудовская Аравия	Азия	Высокие
	Кувейт	Азия	Высокие
	Панама	Латинская Америка	Высокие
	Ангола	Африка	Низкие
	С минимальными значениями показателей		
	Иран	Азия	Низкие
	Италия	Европа	Высокие
	Норвегия	Европа	Высокие
	Германия	Европа	Высокие
	Израиль	Азия	Высокие
Словения	Европа	Высокие	
Соотношение долей предпринимателей, прекративших деятельность в связи с негативными причинами, обусловленными пандемией COVID-19 и не связанными с этой пандемией	С максимальными значениями показателей		
	Того	Африка	Низкие
	Кипр	Европа	Высокие
	Колумбия	Латинская Америка	Средние
	Чили	Латинская Америка	Высокие
	Польша	Европа	Высокие
	Индия	Азия	Низкие
	Кувейт	Азия	Высокие
	Панама	Латинская Америка	Высокие
	Саудовская Аравия	Азия	Высокие
	С минимальными значениями показателей		
	Иран	Азия	Низкие
	Израиль	Азия	Высокие
	Норвегия	Европа	Высокие
	Тайвань	Азия	Высокие
Республика Корея	Азия	Высокие	

Источник: составлено автором с использованием данных Табл. 1 / Source: compiled by the author based on data from Table 1

В табл. 2 приведена информация по территориальному расположению стран с максимальными (столбец 2) и минимальными (столбец 3) значениями каждого из пяти оцениваемых в исследовании показателей. Анализ этой информации показал, что по большинству показателей страны с максимальными и минимальными значениями показателей расположены в различных частях света и характеризуются разными значениями доходов населения. Это положение не выполняется для стран, в которых доли количества людей, вышедших из своих бизнесов по негативным причинам, не связанным с пандемией COVID-19, имеют минимальные значения: все эти государства расположены в Европе и характеризуются высокими доходами населения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что третья и четвертая гипотезы получили свое частичное подтверждение.

Сравнение значений показателей по зарубежным странам и России показало следующее:

- доля предпринимателей, прекративших деятельность по позитивным причинам, в России составила 21.21%, что существенно (в 1.3 раза) выше по сравнению со средним значением по другим странам;
- доля предпринимателей, прекративших деятельность по негативным причинам, не связанным с пандемией COVID-19, в России составила

51.52%, что значительно (в 1.1 раза) меньше среднего значения по другим странам;

- доля предпринимателей, прекративших деятельность по негативным причинам, обусловленным пандемией COVID-19, в России составила 27.27%, что почти совпадает со средним значением по другим странам;
- соотношение долей предпринимателей, прекративших деятельность в связи с причинами, обусловленными пандемией COVID-19 и не связанными с этой пандемией, составило 0.53, что существенно не отличается от среднего значения по другим странам.

Приведенные данные показывают, что в сопоставлении с другими странами в России большинство показателей имеют схожие значения. Единственное отличие связано с положительными причинами выхода предпринимателей из своих бизнесов: соответствующее значение показателя по России примерно на треть выше, чем в зарубежных странах.

В статье приведены итоги исследования причин выхода предпринимателей из своих бизнесов в 39 странах в 2020 г. Цель исследования, заключающаяся в оценке удельного веса количества взрослых людей, прекративших свою предпринимательскую деятельность по различным причинам, в общей численности экономически

активного населения в современных национальных экономиках, была достигнута. Авторский вклад, обладающий научной новизной и оригинальностью, заключается в следующем:

- предложен и реализован методический подход к оценке распределения по странам значений пяти показателей, характеризующих уровень и различные причины выхода предпринимателей из своих бизнесов с использованием функций плотности нормального распределения;

- доказано, что удельный вес количества людей, прекративших предпринимательскую деятельность, составил в 2020 г. около 6% от общей численности экономически активного населения в среднем по рассматриваемым странам;

- доказано, что по негативным причинам прекратили свою предпринимательскую деятельность немногим менее 5% общей численности экономически активного населения;

- показано, что почти 1.8% от общей численности экономически активного населения вышли из созданных ранее бизнесов в связи с последствиями пандемии COVID-19;

- показано, что только 0.7% от общей численности экономически активного населения вышли из созданных ранее бизнесов по положительным причинам;

- показано, что значения каждого из пяти показателей имели существенные различия по странам;

- по каждому из показателей определены страны с максимальными и минимальными значениями показателей;

- показано, что большинство стран с максимальными и минимальными значениями показателей расположены в разных частях света и характеризуются различными величинами доходов населения.

Итоги проведенного исследования обладают определенным теоретическим и практическим значением для правительств, предпринимателей и экономически активного населения. Представленный в статье методический подход может быть использован для оценки влияния пандемии COVID-19 на показатели прекращения предпринимателями своей деятельности в 2021 г.

Поскольку рассматривались данные, характеризующие выход предпринимателей из своих бизнесов в 39 странах, имели место ограничения, связанные с отсутствием информации по остальным странам.

Дальнейшие исследования могут быть связаны с оценкой последствий пандемии COVID-19 в 2021 г.

References

- [1] Peters B. Early Exits: Exit Strategies for Entrepreneurs and Angel Investors (But Maybe Not Venture Capitalists). Meteor Bytes Data Management Corp. Vancouver, Canada. 2009. 195 p.
- [2] De Tienne D.R. Entrepreneurial exit as a critical component of the entrepreneurial process: Theoretical development // *Journal of Business Venturing*. 2010. Vol. 25(2). Pp. 203-215. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusvent.2008.05.004>
- [3] Cefis E., and Marsili O. Born to flip. Exit decisions of entrepreneurial firms in high-tech and low-tech industries // *Journal of Evolutionary Economics*. 2011. Vol. 21(3). Pp. 473-498. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00191-010-0210-4>
- [4] Wennberg K., and De Tienne D.R. What do we really mean when we talk about 'exit'? A critical review of research on entrepreneurial exit // *International Small Business Journal*. 2014. Vol. 32(1). Pp. 4-16. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0266242613517126>
- [5] Marjanski A., and Sulkowski L. The Evolution of Family Entrepreneurship in Poland: Main Findings Based on Surveys and Interviews from 2009-2018 // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2019. Vol. 7(1). Pp. 95-116. DOI: <http://dx.doi.org/10.15678/EBER.2019.070106>
- [6] Aldrich H.E. Perpetually on the Eve of Destruction? Understanding Exits in Capitalist Societies at Multiple Levels of Analysis. In D.R. DeTienne and K. Wennberg (Editors), *Research Handbook of Entrepreneurial Exit*. Vol. 1. Pp. 11-41. Northampton: Edward Elgar Publishing. 2015.
- [7] Parastuty Z., Breitenecker R.J., Schwarz E.J., and Harms R. Exploring the Reasons and Ways to Exit: The Entrepreneur Perspective. In D. Bögenhold, J. Bonnet, M. Dejardin, & D. Garcia Perez de Lema (Eds.). *Contemporary Entrepreneurship: Multidisciplinary Perspectives on Innovation and Growth*. 2016. Pp. 159-172.
- [8] Cucinotta D., and Vanelli M. WHO declares COVID-19 a pandemic // *Acta Bio Medica: Atenei Parmensis*. 2020. Vol. 91(1). Pp. 157-160. DOI: <https://doi.org/10.23750/abm.v91i1.9397>
- [9] Nosachevskaya E.A. On topical issues of development of the Russian economy taking into account the consequences of the COVID-19 coronavirus pandemic // *Eurasian Scientific Association*. 2020. Vol. 7-4(65). Pp. 235-239. (In Russ.).
- [10] Martin A., Markhvida M., Hallegatte S., and Walsh B. Socio-Economic Impacts of COVID-19 on Household consumption and Poverty // *Economics of Disasters and Climate Change*. 2020. Vol. 4. Pp. 453-479. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41885-020-00070-3>
- [11] Nicola M., Alsafi Z., Sohrabi C., Kerwan A., Al-Jabir A., Iosifidis C., Agha M., and Agha R. The socio-economic implications of the coronavirus and COVID-19 pandemic: A review // *International Journal of Surgery*. 2020. Vol. 78. Pp. 185-193. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijssu.2020.04.018>
- [12] Golovin M.Yu., and Nikitina S.A. Channels of impact of the COVID-19 pandemic on Russia's economy // *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Science*. 2020. Vol. 5. Pp. 9-23. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10053>
- [13] Adam N., and Alarifi G. Innovation practices for survival of small and medium enterprises (SMEs) in the COVID-19 times: the role of external support // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2021. Vol. 10(15). Pp. 1-22. DOI: <https://innovation-entrepreneurship.springeropen.com/articles/10.1186/s13731-021-00156-6>
- [14] Global Entrepreneurship Monitor 2020-2021. Global report. Global Entrepreneurship Research Association

- (GERA). London Business School, London, United Kingdom. 2021.
- [15] Pin'kovetskaya Yu.S. Modeling the performance of small and medium entrepreneurship in regions by using density function of norms distribution // Problems of Territory's Development. 2015. Vol. 6(80). Pp. 93-107. (In Russ.).
- [16] Pinkovetskaia I., Nuretdinova Y., Nuretdinov I., and Lipatova N. Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution // REVISTA DE LA UNIVERSIDAD DEL ZULIA. 2021. 3^a época. Vol. 12(33). Pp. 34-49. DOI: <http://dx.doi.org/10.46925//rdluz.33.04>

Информация об авторе / About the Author

Юлия Семеновна Пиньковецкая – канд. экон. наук, доцент; доцент, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия / **Iuliia S. Pinkovetskaia** – PhD in Economics, Docent; Associate Professor, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

E-mail: judy54@yandex.ru

SPIN РИНЦ 5784-7881

ORCID 0000-0002-8224-9031

Дата поступления статьи: 20 июня 2021

Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: June 20, 2021

Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).69-75

УДК 338.436:631.11

JEL D25, O12, Q12

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛА РОСТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

О.А. Холодов, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос поиска и применения методики, позволяющей объективно оценить возможные горизонты роста производственно-экономических показателей субъектов агробизнеса различных форм хозяйствования. Отмечено, что по мере развития организационно-правовых форм в аграрном секторе экономики возникает необходимость объективной оценки их эффективности и поиска резерва повышения результативности деятельности, т.к. применяемый внутрихозяйственный организационно-экономический механизм влияет на эффективность и конкурентные преимущества современных сельскохозяйственных предприятий. Сделано предположение, что рассматриваемый вопрос приобретает особую актуальность при выявлении потенциала увеличения эффективности предприятий различных форм хозяйствования, а отличительные организационно-экономические характеристики могут рассматриваться как факторы, предопределяющие результативность деятельности предприятия. В статье предпринята попытка определения потенциала роста эффективности сельскохозяйственных предприятий различных форм хозяйствования с использованием инструментов кластерного анализа (посредством применения программного средства STATISTICA 13). С помощью разработанной автором методики расчета интегрального показателя потенциала развития предприятий сельского хозяйства в рамках организационно-правовых форм хозяйствования на основе кластеризации доказано существование потенциальной возможности повышения показателей эффективности предприятий всех исследуемых форм хозяйствования. При этом выявлены отличительные характеристики потенциала роста экономической эффективности различных форм хозяйствования. Приведенный алгоритм анализа эффективности организационно-правовых форм в сельском хозяйстве и потенциала его роста может быть использован руководителями агробизнеса, научными работниками и специалистами отрасли сельского хозяйства. Методика была разработана автором в рамках диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора экономических наук.

Ключевые слова: кластеризация, организационно-правовые формы, Ростовская область, сельское хозяйство, сельскохозяйственное предприятие, эффективность деятельности

Для цитирования: Холодов О.А. Методика определения потенциала роста экономической эффективности сельскохозяйственных предприятий различных форм хозяйствования // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 69-75. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).69-75

ORIGINAL PAPER

METHODOLOGY FOR DETERMINING THE ECONOMIC EFFICIENCY POTENTIAL GROWTH OF AGRICULTURAL ENTERPRISES OF VARIOUS MANAGEMENT FORMS

O.A. Kholodov, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article considers the issue of finding and applying a methodology that allows to objectively assess the possible growth horizons of agribusiness entities of various management forms production and economic indicators. It is noted that with the development of organizational and legal forms in the agricultural sector of the economy, there is a need for an objective assessment of their effectiveness and the search for a performance improvement reserve, since the internal organizational and economic mechanism used at enterprises of various management forms affects the efficiency and competitive advantages of modern agricultural organizations. The article attempts to determine the potential for increasing the efficiency of agricultural enterprises of various management forms using cluster analysis tools (through the use STATISTICA 13 software). Using the methodology developed by the author for calculating the integral indicator of the agricultural enterprises development potential within the framework of organizational and legal management forms on the basis of clustering, the existence of a potential opportunity to increase the efficiency indicators of enterprises of all the studied management forms is proved. At the same time, distinctive characteristics of the economic efficiency growth potential of various management forms have been identified.

The presented algorithm for analyzing the effectiveness of organizational and legal forms in agriculture and the potential for its growth can be used by agribusiness managers, researchers and specialists of the agricultural sector. The method has been developed by the author as part of the dissertation research for the Doctor of Economics degree.

Keywords: clustering, organizational and legal forms, Rostov region, agriculture, agricultural enterprise, performance efficiency

For citation: Kholodov O.A. Methodology for Determining the Economic Efficiency Potential Growth of Agricultural Enterprises of Various Management Forms // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 69-75. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).69-75

Поиск наиболее эффективных механизмов хозяйствования средними и крупными сельскохозяйственными предприятиями позволил сформировать номенклатуру организационно-правовых форм в сельском хозяйстве, принципиальным отличием которых является реализация прав собственности на средства производства и получаемый доход. Формы собственности на средства производства определяют выбор организационно-правового статуса сельскохозяйственных предприятий при их создании и реорганизации.

Классификация предприятий в разрезе организационно-правовых форм определена Гражданским Кодексом Российской Федерации; в ней выделяются: товарищества, общества с ограниченной ответственностью, производственные кооперативы, государственные предприятия, акционерные общества и пр. Наибольшее распространение в сельском хозяйстве России получили общества с ограниченной ответственностью, производственные кооперативы, акционерные общества и государственные предприятия.

Наличие различных организационно-правовых субъектов хозяйствования позволяет сельскохозяйственным предприятиям отрасли решать ряд задач, направленных на максимизацию получения прибыли, повышение эффективности использования средств производства, формирование адекватной системы распределительных отношений, реализацию многосложного механизма экономических интересов, стимулов, мотивации труда. Поэтому повышение эффективности сельскохозяйственного производства всех форм хозяйствования приобретает особую значимость [1].

Аксиомой является утверждение, что без эффективного сельскохозяйственного производства, независимо от формы хозяйствования, невозможно реализовать основные блоки внутрихозяйственных отношений на предприятии. К таким блокам можно отнести: выплату дивидендов собственникам (учредителям) предприятия, адекватное материальное стимулирование наемных работников, применение стимулирующего механизма, направленного на повышение производительности труда, распределение полученного дохода, обеспечивающего, как минимум, простое воспроизводство [2-4].

Существуют различные научные определения

экономической эффективности производства (например, [5, 6]), которые не противоречат друг другу, а наоборот, дополняют содержательную часть данной многогранной экономической категории. Автор считает, что экономическая эффективность сельскохозяйственного производства – это комплексная характеристика деятельности сельскохозяйственного товаропроизводителя, которая отражает ключевые производственные, экономические, финансовые показатели, объективно применимые к конкретным природно-климатическим и экономическим условиям хозяйствования. Особый научный интерес представляет экономическая эффективность сельскохозяйственного производства различных форм хозяйствования.

Группировка сельскохозяйственных предприятий по формам хозяйствования с целью определения их эффективности позволяет наиболее объективно провести анализ их деятельности и потенциал роста, т.к. в данном случае рассматриваемая интеграция имеет наибольшую тождественность в части применяемых элементов внутрихозяйственного организационно-экономического механизма [7].

В качестве объекта исследования выступил организационно-экономический механизм сельскохозяйственных предприятий различных форм хозяйствования. Информационно-аналитической основой исследования явились данные годовых отчетов сельскохозяйственных предприятий Ростовской области за 2018 г. В качестве расчетно-аналитического инструментария определения экономической эффективности функционирования сельскохозяйственных предприятий был применен кластерный анализ с использованием программного средства STATISTICA 13, который позволяет выявить признаки, объединяющие предприятия или отличительные характеристики деятельности организаций внутри каждой организационно-правовой формы. При проведении кластеризации в работе использовано два метода – иерархических алгоритмов и К-средних [8]. Предложена авторская методика расчета интегрального показателя потенциала развития предприятий сельского хозяйства в различных организационно-правовых формах хозяйствования.

В кластеризации было задействовано 640 сельскохозяйственных предприятий Ростовской области по следующим показателям (признакам):

площадь сельскохозяйственных угодий и пашни, стоимость оборотных и основных средств, выручка, себестоимость, прибыль, численность работников и фонд оплаты труда. С целью уменьшения зависимости значения признаков от единицы их измерения и масштабы все показатели были стандартизированы.

Изначально автором была проведена древовидная кластеризация (иерархический алгоритм) деятельности публичных акционерных обществ с использованием метода Варда и функции Евклидово расстояние, которая представлена на рис. 1 в

виде дендрограммы.

На рис. 1 можно выделить образовавшиеся 8 кластеров публичных акционерных обществ, которые имеют общие признаки. С помощью метода К-средних формируем 8 кластеров публичных акционерных обществ, а также определяем степень их близости и различия с помощью дисперсионного анализа (табл. 1). Поскольку все значения F критерия значимые, можно утверждать, что нами объективно были выбраны показатели, количественные признаки которых представлены на рис. 2 и в табл. 2.

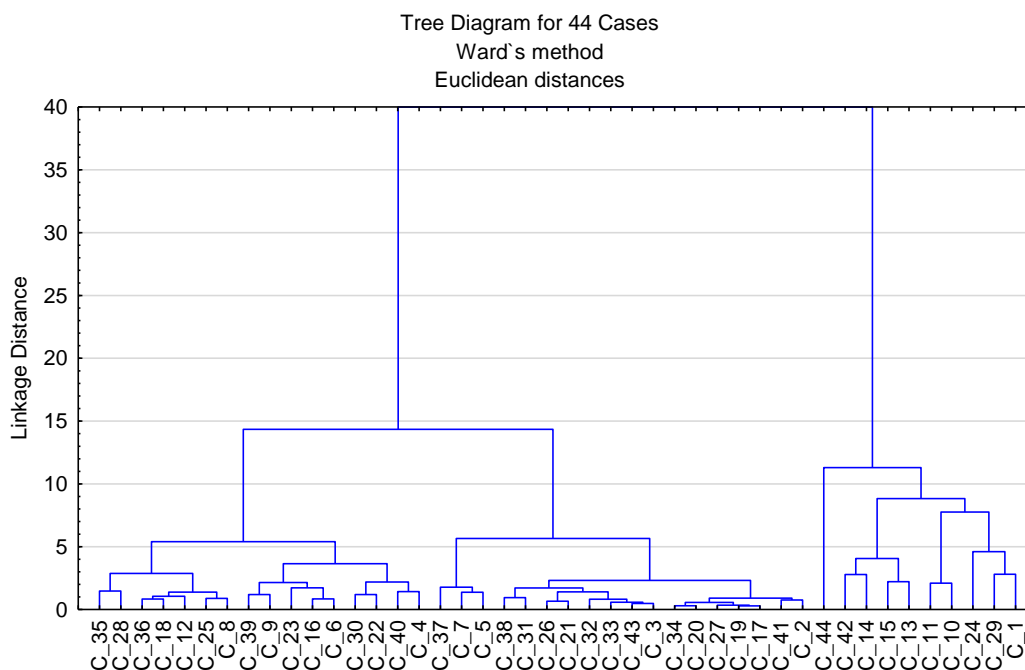

Рис. 1. Дендрограмма публичных акционерных обществ сельского хозяйства Ростовской области / Fig.1. Dendrogram of the Rostov Region Public Joint-Stock Agriculture Companies

Источник: разработано автором / Source: developed by the author

Таблица 1 / Table 1

Дисперсионный анализ кластеризации публичных акционерных обществ сельского хозяйства Ростовской области по показателям их деятельности в 2018 г. / Variance Analysis of Clustering of the Rostov Region Public Joint Stock Agriculture Companies According to Their Performance Indicators in 2018

Показатель (признак) / Indicator (Feature)	Межгрупповая дисперсия / Between-group Variance	Число степеней свободы / Number of Degrees of Freedom	Внутригрупповая дисперсия / Intra Group Variance	Число степеней свободы / Number of Degrees of Freedom	Значимость F / Value F	Уровень значимости P / Value Level P
Площадь сельскохозяйственных угодий, га	38.60268	7	4.397316	36	45.14756	0.000000
Площадь пашни, га	36.79657	7	6.203426	36	30.50564	0.000000
Оборотные активы, тыс. руб.	34.12348	7	8.876518	36	19.77039	0.000000
Выручка, тыс. руб.	40.09695	7	2.903053	36	71.03310	0.000000
Себестоимость, тыс. руб.	37.22765	7	5.772350	36	33.16786	0.000000
Прибыль, тыс. руб.	34.46487	7	8.535130	36	20.76687	0.000000
Основные средства, тыс. руб.	36.64098	7	6.359016	36	29.63341	0.000000
Среднегодовая численность работников, чел.	34.04181	7	8.958191	36	19.54325	0.000000
Фонд оплаты труда, тыс. руб.	35.73274	7	7.267262	36	25.28716	0.000000

Источник: разработано автором / Source: developed by the author

Графическая интерпретация кластерного анализа по методу К-средних публичных акционерных обществ представлена на *рис. 2*. Кластеры три, четыре, восемь имеют ярко выраженные отличительные признаки от других кластеров. Остальные кластеры имеют близкие значения по таким показателям как площадь сельскохозяйственных земель, оборотные активы, прибыль. Однако большинство признаков всех кластеров имеют свои

индивидуальные характеристики.

Автором проведен анализ основных производственно-экономических показателей восьми образованных кластеров публичных акционерных обществ (*табл. 2*). Наиболее крупный седьмой кластер объединил 17 хозяйств, которые характеризуются средними показателями эффективности сельскохозяйственного производства по сравнению с другими образованными группами.

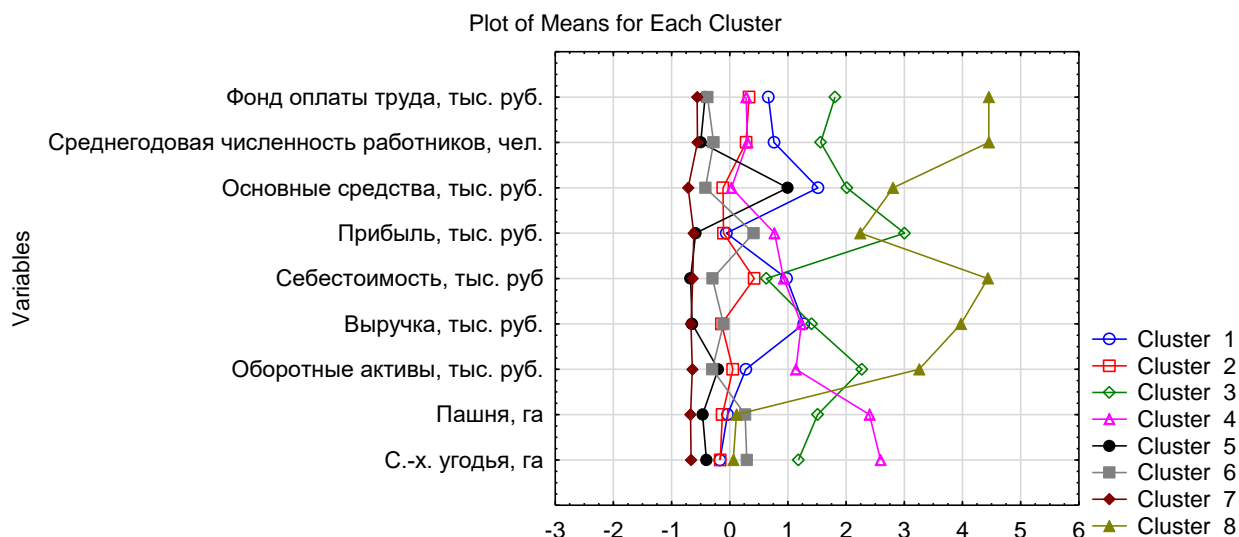

Рис. 2. График координат центров кластеров публичных акционерных обществ сельского хозяйства Ростовской области / Fig. 2. Graph of Coordinates of Cluster Centers of the Rostov Region Public Joint-Stock Agriculture Companies

Источник: разработано автором / Source: developed by the author

Таблица 2 / Table 2

Показатели эффективности деятельности публичных акционерных обществ сельского хозяйства Ростовской области в 2018 г. в разрезе кластеров / Performance Indicators of the Rostov Region Public Joint Stock Agriculture Companies in 2018 in the Context of Clusters

Показатель (признак) / Indicator (Feature)	Кластер / Cluster 1	Кластер / Cluster 2	Кластер / Cluster 3	Кластер / Cluster 4	Кластер / Cluster 5	Кластер / Cluster 6	Кластер / Cluster 7	Кластер / Cluster 8
Количество организаций, ед.	3	7	2	4	4	6	17	1
Произведено товарной продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий, тыс. руб.	8701.3	2882.2	3369.3	1907.2	1417.1	1975.7	2230.9	14241.0
Получено прибыли на 100 га сельскохозяйственных угодий, тыс. руб.	540.9	504.8	1015.9	262.7	255.8	556.9	381.8	1644.4
Рентабельность производства, %	9.7	12.8	56.6	20.1	24.7	45.7	19.0	13.2
Фондообеспеченность, тыс. руб. / 100 га	8608.7	3336.2	3742.5	918.5	9443.6	1559.2	3281.5	10122.2
Фондоотдача	0.94	0.86	0.90	2.08	0.15	1.27	0.68	1.41
Фондорентабельность	0.06	0.15	0.27	0.29	0.03	0.36	0.12	0.16

Источник: разработано автором / Source: developed by the author

Восемь высокорентабельных публичных акционерных обществ образовали третий и шестой кластеры – уровень рентабельности которых в 2 раза выше среднего среди восьми полученных сегментов. Самая высокая эффективность использования основных средств наблюдается в четвертом, шестом и восьмом кластерах.

Наибольшими отличительными признаками обладает ОАО «Птицефабрика Таганрогская», которое образовало восьмой кластер. Данное предприятие характеризуется большими производственными размерами, высокой обеспеченностью основными средствами, однако его рентабельность в 1.9 раза ниже среднего значения в сравне-

нии с другими кластерами публичных акционерных обществ (табл. 2).

Необходимо отметить, что иерархическая кластеризация, результаты которой были учтены при применении метода К-средних, характеризует публичные акционерные общества Ростовской области как субъекты с индивидуальными признаками, не позволяющие группировать их в крупный массив, несмотря на их небольшое количество в регионе.

Автор считает, что результаты кластеризации предприятий одной организационно-правовой формы необходимо рассматривать не только с точки зрения формирования сегментов хозяйствующих субъектов схожих по ряду признаков, но и на их основе выявлять потенциал анализируемой формы хозяйствования.

Учитывая, что все рассматриваемые хозяйствующие субъекты находятся в равных климатических, хозяйствующих, экономических условиях, автор допускает, что при эффективной настройке внутрихозяйственного организационно-экономического механизма, каждое сельскохозяйственное предприятие может достигнуть максимальных показателей, полученных другими организациями, в рамках одной организационно-правовой формы.

Автором разработана методика расчета интегрального показателя потенциала развития предприятий в рамках организационно-правовой формы, которая может быть описана формулой (1):

$$C = \sum_{i=1}^n \left(\frac{P_{\max_i}}{P_{n_i}} \times Vcl_{ni} \right) \div Ncl \quad (1)$$

где C – интегральный показатель, характеризующий потенциал роста предприятий одной организационно-правовой формы;
 P_{\max_i} – максимальное значение i -го показателя среди полученных кластеров;
 P_{n_i} – значение n -кластера i -го показателя;
 Vcl_{ni} – удельный вес кластера, который можно рассчитать по формуле (2):

$$Vcl_n = \frac{Fcl_n}{\sum F} \quad (2)$$

где Fcl_n – количество предприятий n -го кластера; F – всего количество предприятий;
 Ncl – количество кластеров.

Расчетный вид потенциала публичных акционерных обществ имеет вид (3).

$$\begin{aligned}
 C_{ПАО} = & \left(\frac{14241,0}{8701,3} \times 0,068 + \frac{14241,0}{2882,2} \times 0,159 + \frac{14241,0}{3369,3} \times 0,045 + \right. \\
 & \left. + \frac{14241,0}{1907,2} \times 0,091 + \frac{14241,0}{1417,1} \times 0,091 + \frac{14241,0}{1975,7} \times 0,136 + \frac{14241,0}{2230,9} \times 0,386 \right) \div 7 + \\
 & + \left(\frac{1644,4}{540,9} \times 0,068 + \frac{1644,4}{504,8} \times 0,159 + \frac{1644,4}{1015,9} \times 0,045 + \frac{1644,4}{262,7} \times 0,091 + \right. \\
 & \left. + \frac{1644,4}{255,8} \times 0,091 + \frac{1644,4}{556,9} \times 0,136 + \frac{1644,4}{381,8} \times 0,386 \right) \div 7 + \\
 & + \left(\frac{56,6}{9,7} \times 0,068 + \frac{56,6}{12,8} \times 0,159 + \frac{56,6}{20,1} \times 0,091 + \frac{56,6}{24,7} \times 0,091 + \frac{56,6}{45,7} \times 0,136 + \right. \\
 & \left. + \frac{56,6}{19,0} \times 0,386 + \frac{56,6}{13,2} \times 0,023 \right) \div 7 + \\
 & + \left(\frac{10122,2}{8608,7} \times 0,068 + \frac{10122,2}{3336,2} \times 0,159 + \frac{10122,2}{3742,5} \times 0,045 + \frac{10122,2}{918,5} \times 0,091 + \right. \\
 & \left. + \frac{10122,2}{9443,6} \times 0,091 + \frac{10122,2}{1559,2} \times 0,136 + \frac{10122,2}{3281,5} \times 0,386 \right) \div 7 + \\
 & + \left(\frac{2,08}{0,94} \times 0,068 + \frac{2,08}{0,86} \times 0,159 + \frac{2,08}{0,9} \times 0,045 + \frac{2,08}{0,15} \times 0,091 + \frac{2,08}{1,27} \times 0,136 + \right. \\
 & \left. + \frac{2,08}{0,68} \times 0,386 + \frac{2,08}{1,41} \times 0,023 \right) \div 7 + \\
 & + \left(\frac{0,36}{0,06} \times 0,068 + \frac{0,36}{0,15} \times 0,159 + \frac{0,36}{0,27} \times 0,045 + \frac{0,36}{0,29} \times 0,091 + \frac{0,36}{0,03} \times 0,091 + \right. \\
 & \left. + \frac{0,36}{0,12} \times 0,386 + \frac{0,36}{0,16} \times 0,023 \right) \div 7 = \\
 = & 0,875 + 0,574 + 0,426 + 0,477 + 0,466 = 2,818
 \end{aligned} \quad (3)$$

По предложенной методике были проведены расчеты по всем четырем значимым организационно-правовым формам в аграрном секторе Ростовской области (табл. 3). Потенциал увеличения производства товарной продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий, получения прибыли на 100 га сельскохозяйственных угодий, фондо-

обеспеченности больше в сельскохозяйственных производственных кооперативах; потенциал увеличения рентабельности доминирует в обществах с ограниченной ответственностью; возможности повышения эффективности использования основных средств больше в публичных акционерных обществах.

Таблица 3 / Table 3

Матрица потенциала развития сельскохозяйственных предприятий Ростовской области в разрезе организационно-правовых форм / Matrix of the Development Potential of the Rostov Region Agricultural Enterprises in the Context of Organizational and Legal Forms

Показатель (признак) / Indicator (Feature)	Публичные акционерные общества / Public Joint-Stock Companies	Непубличные акционерные общества / Non-Public Joint-Stock Companies	Общества с ограниченной ответственностью / Limited Liability Companies	Сельскохозяйственные производственные кооперативы / Agricultural Production Cooperatives
Произведено товарной продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий, тыс. руб.	0.474	0.460	0.471	1.135
Получено прибыли на 100 га сельскохозяйственных угодий, тыс. руб.	0.362	0.523	0.730	1.419
Рентабельность производства, %	0.07	0.338	0.791	0.351
Фондообеспеченность, тыс. руб. / 100 га	0.468	0.501	0.436	1.214
Фондоотдача	0.481	0.199	0.354	0.209
Фондорентабельность	0.572	0.221	0.495	0.315
Интегральный показатель	2.864	2.242	3.277	4.643

Источник: разработано автором / Source: developed by the author

В целом за счет совершенствования организационно-хозяйственного механизма, активизации внутрихозяйственных ресурсов, формирования адекватной системы распределительных отношений, наибольшие возможности увеличения основных производственно-экономических показателей имеются у сельскохозяйственных производственных кооперативов, в сравнении с другими организационно-правовыми формами [9-12].

Проведенные исследования позволили выявить существующую дифференциацию значений основных производственно-экономических показателей сельскохозяйственных предприятий Ростовской области внутри каждой организационно-правовой формы. Учитывая, что исследуемые предприятия находятся в равных условиях своей деятельности, можно утверждать о существующей потенциальной возможности повышения показателей эффективности предприятий четырех исследуемых форм хозяйствования. Основным фактором роста эффективности деятельности сельскохозяйственных предприятий станет совершенствование внутрихозяйственных отношений, которые должны адекватно задействовать весь скрытый производственный, технологический, финансовый потенциал.

Библиография

- [1] Смирнова И.В. Эффективность управления процессами воспроизводства в сельскохозяйственных предприятиях различных организационно-правовых форм // Актуальные проблемы экономики современной России. 2016. № 3. С. 91-94.
- [2] Эпштейн Д., Куртисс Я., Гагалюк Т., Унай Гэйлхард И. Восстанавливаемость сельскохозяйственных организаций и влияние на нее различных факторов и интеграционных процессов (по данным Северо-Запада России) // АПК: экономика, управление. 2018. № 4. С. 4-19.
- [3] Gurnovich T.G., Agarkova L.V., Ostapenko E.A., and Usenko L.N. Increasing competitiveness of the agrarian sector of the he regional Russian economy Russia // International Journal of Engineering and Technology. 2018. Vol. 7(4.25 Special Issue 25). Pp. 201-211. (На англ.).
- [4] Butorin S.N., and Bogoviz A.V. The innovational and production approach to management of economic subjects of the agrarian sector // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Vol. 762. Pp. 758-773. (На англ.). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-90835-9_88
- [5] Балашов А.П., Шелковников С.А. Прибыль как основной источник развития сельскохозяйственных организаций // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 5. С. 36-40.
- [6] Кононова С.А., Федулова Е.А. Алгоритм применения системы сбалансированных показателей для оценки результативности деятельности сельскохозяйственной организации // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2018. № 1. С. 12-17.
- [7] Гуров В.И., Ибрагимов А.К., Михайлова О.В., Ванин Ю.Д. Совершенствование внутрихозяйственных экономических отношений сельскохозяйственных предприятий различных организационно-правовых форм // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. № 1. С. 40-43.
- [8] Bogoviz A.V., Romantsova T.V., Galenko N.N., Rykhtikova N.A., and Suglovov A.E. Cluster mechanism

- of marketing optimization on the basis of systemic interaction between the internet of thing and social networks // *Studies in computational intelligence*. 2019. Vol. 826. Pp. 925-931. (На англ.). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_95
- [9] Алтухов И.А., Рассадин Д.М. Эффективность организационно-правовых форм в сельском хозяйстве // *Экономика сельского хозяйства России*. 2015. № 1. С. 34-37.
- [10] Петриков А., Гатаулина Е., Сарайкин В. Динамика и сравнительная эффективность сельскохозяйственных организаций России различных организационно-правовых форм // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2016. № 6. С. 9-15.
- [11] Usenko L.N., Chernysheva Y.G., Guzey V.A., Todorova O.M., and Usenko A.M. Problems and perspectives of cluster formation in view of sustainability of development of regional business structures of the Russian Federation // *International Journal of Trade and Global Markets*. 2017. Vol. 10(2-3). Pp. 160-167. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1504/IJTM.2017.086074>
- [12] Veselovsky M.Y., Izmailova M.A., Bogoviz A.V., Lobova S.V., and Alekseev A.N. Innovative solutions for improving the quality of corporate governance in Russian companies // *Quality – access to success*. 2018. Vol. 19(162). Pp. 60-66. (На англ.).
- [5] Balashov A.P., and Shelkovnikov S.A. Profit as the basic source of agricultural organizations development // *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2019. Vol. 5. Pp. 36-40. (In Russ.).
- [6] Kononova S.A., and Fedulova E.A. The algorithm of applying the balanced scorecard to evaluate the performance of agricultural organization // *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2018. Vol. 1. Pp. 12-17. (In Russ.).
- [7] Gurov V.I., Ibragimov A.K., Mikhailova O.V., and Vanin Yu.D. Sovershenstvovanie vnutrikhozyaystvennykh ekonomicheskikh otnosheniy sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiy razlichnykh organizatsionno-pravovykh form [Improvement of on-farm economic relations of agricultural enterprises of various organizational and legal forms] // *Vestnik Kurskoy Gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy]. 2013. Vol. 1. Pp. 40-43. (In Russ.).
- [8] Bogoviz A.V., Romantsova T.V., Galenko N.N., Rykhtikova N.A., and Suglobov A.E. Cluster mechanism of marketing optimization on the basis of systemic interaction between the internet of thing and social networks // *Studies in computational intelligence*. 2019. Vol. 826. Pp. 925-931. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_95
- [9] Altukhov I.A., and Rassadin D.M. Efficiency of organizational and legal forms in agriculture // *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii* [Agricultural Economics of Russia]. 2015. Vol. 1. Pp. 34-37. (In Russ.).
- [10] Petrikov A., Gataulina E., and Saraykin V. Dinamika i sravnitel'naya effektivnost' sel'skokhozyaystvennykh organizatsiy Rossii razlichnykh organizatsionno-pravovykh form [Dynamics and comparative efficiency of agricultural organizations in Russia of various organizational and legal forms] // *International Agricultural Journal*. 2016. Vol. 6. Pp. 9-15. (In Russ.).
- [11] Usenko L.N., Chernysheva Y.G., Guzey V.A., Todorova O.M., and Usenko A.M. Problems and perspectives of cluster formation in view of sustainability of development of regional business structures of the Russian Federation // *International Journal of Trade and Global Markets*. 2017. Vol. 10(2-3). Pp. 160-167. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJTM.2017.086074>
- [12] Veselovsky M.Y., Izmailova M.A., Bogoviz A.V., Lobova S.V., and Alekseev A.N. Innovative solutions for improving the quality of corporate governance in Russian companies // *Quality – access to success*. 2018. Vol. 19(162). Pp. 60-66.

References

- [1] Smirnova I.V. Effective management of the reproduction processes in the agricultural enterprises of various organizational and legal forms // *Aktual'nyye problemy ekonomiki sovremennoy Rossii* [Actual problems of the economy of modern Russia]. 2016. Vol. 3. Pp. 91-94. (In Russ.).
- [2] Epstein D., Curtiss J., Gagalyuk T., and Unay-Gailkhard I. Resilience of the agricultural organizations and the factors and integration processes influencing it (on the data of North-West of Russia) // *APK: Ekonomika, Upravlenie* [AIC: Economics, Management]. 2018. Vol. 4. Pp. 4-19. (In Russ.).
- [3] Gurnovich T.G., Agarkova L.V., Ostapenko E.A., and Usenko L.N. Increasing competitiveness of the agrarian sector of the he regional Russian economy Russia // *International Journal of Engineering and Technology*. 2018. Vol. 7(4.25 Special Issue 25). Pp. 201-211.
- [4] Butorin S.N., and Bogoviz A.V. The innovational and production approach to management of economic subjects of the agrarian sector // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2019. Vol. 762. Pp. 758-773. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-90835-9_88

Информация об авторе / About the author

Олег Андреевич Холодов – канд. экон. наук, доцент; доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия / **Oleg A. Kholodov** – PhD in Economic, Docent; Associate Professor, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
 E-mail: 9034332466@mail.ru
 SPIN РИНЦ 3377-9199
 ORCID 0000-0002-3629-8086

Дата поступления статьи: 19 августа 2021
 Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: August 19, 2021
 Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).76-82

УДК 378.11:316.628

JEL I23, M12, M52

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМАНДЫ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

С.Н. Воднева, Псковский государственный университет, Псков, Россия

И.А. Дони́на, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

И.А. Дагаева, Псковский государственный университет, Псков, Россия

Аннотация. В каждой современной образовательной организации, в том числе системы высшего образования, функционирует управленческая команда, призванная принимать стратегически важные эффективные решения, касающиеся обеспечения финансирования деятельности вуза, его долгосрочного развития, повышения академического статуса и т.п. Формирование позитивной мотивационной среды управленческой команды вуза – одна из важнейших задач, решение которой обеспечивает достижение его стратегических целей через повышение интенсивности и эффективности труда сотрудников. Цель представленного в данной статье исследования состоит в определении мотивационного профиля управленческой команды (согласно методологии типологической модели мотивации В.И. Герчикова) одного из структурных подразделений регионального вуза и определении действенных инструментов стимулирования труда сотрудников управленческой команды для достижения стратегических целей образовательной организации. На первом этапе исследования были обработаны анкетные ответы каждого члена управленческой команды структурного подразделения вуза на вопросы типового теста оценки мотивации и произведен расчет индивидуального мотивационного профиля каждого из них. Выявлены ведущие типы мотивации каждого из управленцев – «профессиональный» и/или «патриотический». На втором этапе определен мотивационный профиль управленческой команды в целом: для нее в наибольшей степени характерен «профессиональный» тип мотивации, в втором месте по значимости – «патриотический» тип мотивации; такие типы мотивации как «инструментальный», «хозяйский» и «люмпенизированный» (в порядке убывания их значимости) не являются доминирующими, однако могут проявиться при неадекватном стимулировании. На третьем этапе исследования сформулированы наиболее действенные виды и формы стимулирования труда для каждого типа трудовой мотивации членов и управленческой команды в целом.

Ключевые слова: мотивация сотрудников, мотивационный тип, стимулирование труда, типологическая модель мотивации В.И. Герчикова, университет, управление персоналом, управленческая команда

Для цитирования: Воднева С.Н., Дони́на И.А., Дагаева И.А. Проблема мотивации управленческой команды современного вуза // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 76-82. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).76-82

ORIGINAL PAPER

THE PROBLEM OF MOTIVATING THE MODERN UNIVERSITY MANAGEMENT TEAM

S.N. Vodneva, Pskov State University, Pskov, Russia

I.A. Donina, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

I.A. Dagaeva, Pskov State University, Pskov, Russia

Abstract. In every modern educational organization, including the higher education system, there is a management team designed to make strategically important effective decisions regarding the provision of funding for the university activities, its long-term development, raising the academic status, etc. The formation of a positive motivational environment for the university management team is one of the most important tasks, the solution of which ensures the achievement of its strategic goals by increasing the intensity and efficiency of employees' work. The purpose of the research presented in this article is to determine the motivational profile of the management team (according to the methodology of V.I. Gerchikov's typological motivation model) of one of the regional university's structural units and to determine effective tools to stimulate the work of the management team employees to achieve the strategic goals of the educational organization. At the first stage of the study, the questionnaire answers of each member of the university structural unit management team to the questions of the standard test for assessing motivation have been processed and the individual motivational profile of each of them has been calculated. The leading types of each of the managers' motivation are revealed – "professional" and / or "patriotic". At the

second stage, the motivational profile of the management team as a whole has been determined: it is mostly characterized by the "professional" type of motivation, the second most important is the "patriotic" type of motivation; such types of motivation as "instrumental", "master's" and "lump-enized" (in decreasing order of their importance) are not dominant, but they can manifest themselves with inadequate stimulation. At the third stage of the study, the most effective types and forms of labor stimulation for each type of labor motivation of the members and management team as a whole are formulated.

Keywords: motivation of employees, motivational type, labor stimulation, V.I. Gerchikov's typological motivation model, university, HR-management, management team

For citation: Vodneva S.N., Donina I.A., and Dagaeva I.A. The Problem of Motivating the Modern University Management Team // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 76-82. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).76-82

Современный университет – это не только научная и образовательная организация. Сегодня университеты вынуждены все более активно включаться в конкурентную борьбу на региональном, государственном и международном уровне – бороться за ресурсы, за студентов и сотрудников, за академический престиж и статус. Соответственно, значительно возрастает роль эффективной системы управления данными процессами, способной не только «своевременно принимать стратегически важные решения, но и создавать все необходимые условия (ресурсные, финансовые, кадровые, информационные, имиджевые и т.п.) для их реализации, гибко реагировать на изменения внешней и внутренней среды, обеспечивать конструктивное сотрудничество и конкурентоспособность образовательной организации» [1]. При этом ведется постоянный поиск методик исследования эффективности средств управления данными процессами.

Вопросами современного менеджмента вуза занимаются отечественные и зарубежные исследователи. Так, выделяют два типа управленческих команд университета: 1) относительно стабильная управленческая команда, в состав которой входят сотрудники административно-руководящего корпуса (например, ректор и его заместители по разным видам деятельности) и 2) вариативная управленческая команда, которая постоянно или периодически обновляется и состоит из руководителей подразделений или временных образований; целью такой команды является решение конкретных (разовых) задач [2]. Исследователи указывают на необходимость оптимизации системы управления вуза через применение информационных технологий [3], внедрение управленческих инноваций [4] при соблюдении культурно-ценностного аспекта в управлении [5] и принципа эффективной организации делового сотрудничества и плодотворной трудовой деятельности [6].

Относительно невысокий уровень оплаты труда в сфере образования (77.04% от среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций и видам экономической деятельности в Российской Федерации в 2020 г. [7]) ведет к падению престижа педагогической профессии, старению про-

фессорско-преподавательского и управленческого состава вузов, прежде всего, региональных, что актуализирует необходимость выявления и применения в управленческой практике профессиональных мотиваторов, активного развития различных форм стимулирования труда в системе высшего образования.

Формирование позитивной мотивационной среды – одна из важнейших управленческих задач организации, решение которой обеспечивает достижение ее стратегических целей через повышение интенсивности и эффективности труда сотрудников. Материальная мотивация формируется посредством реализации справедливой дифференцированной системы денежного вознаграждения труда, нематериальная – через создание внутренней культуры и системы ценностей организации (творческая насыщенность и содержательность труда; условия труда; взаимоотношения между работниками, между работниками и руководителями; возможность профессионально-квалификационного роста, самосовершенствования и самовыражения, др.).

Решающую роль в формировании позитивной мотивационной среды организации играет ее управленческая команда, которая, в свою очередь, также должна быть мотивирована на эффективное выполнение управленческих задач. Однако сформировать продуктивную управленческую команду не просто.

Под управленческой командой понимается «объединенная группа людей с делегированием полномочий, члены которой образуют полноценную команду для достижения организационных целей» [8]. Дисциплина, общие ценности, подчинение личных интересов интересам общего дела, доверие, ответственность, учет индивидуальных компетенций – основные критерии работы управленческой команды. Для членов управленческой команды характерен «высокий уровень взаимосвязи и ярко выраженное стремление к достижению общей цели при максимальной самореализации и возможности индивидуального роста» [9].

Командная работа требует инициативного участия каждого исполнителя в целях повышения производительности труда и результативности работы всей организации [10].

Авторы поддерживают идею, высказанную в [11], об одновременном существовании в одной организации команд разного уровня: временных, ориентированных на решение конкретных целей; постоянных, созданных в подразделениях организации; целой организации как команды. Именно такой подход позволяет лидерам и подчиненным лучше понимать друг друга и вырабатывать адекватные управленческие решения любой направленности. Принятия факта наличия в организации команд разного уровня позволяет более точно определить мотивационный профиль каждой из них и выработать адекватные меры стимулирования труда ее членов.

Среди эффективных критериев работы управленческой команды выделяют следующие [12]:

- организация работы по принципу взаимодействия и сотрудничества;
- наличие единой цели и общей ответственности за результат работы всей команды;
- грамотное распределение ролей в команде;
- наличие и принятие всеми членами команды установленных норм и правил.

К эффективным методам мотивации членов управленческих команд относят: «признание заслуг со стороны руководства; доверие, делегирование полномочий; право высказать свое мнение; согласованность действий; справедливое распределение наград»; к проблемам, препятствующим сплоченности команды, – «неудовлетворенность распределением наград и неудовлетворенность признанием руководителя» [12].

Согласно типологической модели мотивации, разработанной и позже усовершенствованной профессором, д-ром соц. наук В.И. Герчиковым в 1996-1999 гг. (ТМГ) [13], – одной из наиболее современных и прагматичных теорий в перечне структурных моделей мотивации – существует четыре базовых типа трудовой мотивации достижения и один тип трудовой мотивации избегания:

- «инструментальный» тип (ИН);
- «профессиональный» тип (ПР);
- «хозяйский» тип (ХО);
- «патриотический» тип (ПА);
- «избегательный (люмпенизированный)» тип (ИЗ).

Для работника «инструментального» типа мотивации сама работа не является сколько-нибудь значимой ценностью и рассматривается только как источник заработка и других благ, получаемых в качестве вознаграждения за труд. Доминирующие мотивы: заработок, достижение (ощущение количественно измеримого результата собственного труда). Для работника «профессионального» типа мотивации важно содержание работы, возможность проявить себя и доказать (не только окружающим, но и себе), что он может справиться с трудным заданием, которое не каждому по силам. Доминирующие мотивы: содержание труда, самосовершенствование, творче-

ство и разнообразие, признание (собственной уникальности и квалификации). Работник «патриотического» типа мотивации характеризуется желанием чувствовать свою причастность к организации, к реализации общего дела. Для него очень важно общественное признание. Доминирующие мотивы: взаимоотношения в коллективе, отношения с начальством, причастность к команде и общему делу, признание (заслуг перед коллективом). «Хозяйский» тип мотивации выражается в добровольном принятии работником на себя полной личной ответственности за выполняемую работу. Доминирующие мотивы: самостоятельность, автономность, достижение результата, часто власть и влияние (ради дела). «Избегательный» (люмпенизированный) тип сотрудников обладает очень слабой мотивацией к эффективной работе. Как правило, он имеет низкую квалификацию и не стремится ее повышать; безответственен и старается избежать любой работы, связанной с личной ответственностью; не проявляет активности и негативно относится к активности других; крайне зависим от руководителя и принимает эту зависимость как должное. Из всех типов сотрудников работник с «избегательной» мотивацией – единственный, по отношению к которому административный стиль управления может быть эффективным, а потому оправданным. Доминирующие мотивы: сохранение сил и здоровья, избегание ответственности, следование традициям, часто власть и статус (ради «выгодного» положения в организации).

Обоснованное отнесение сотрудников организации к тому или иному типу трудовой мотивации ТМГ позволяет выявить их доминирующие мотивы и ориентации, а, следовательно, правильно мотивировать их для достижения наилучшего результата.

Цель представленного в данной статье исследования состоит в определении мотивационного профиля управленческой команды (согласно методологии ТМГ) одного из структурных подразделений регионального вуза, на образовательных программах которого обучается около 3000 студентов, и определении действенных инструментов стимулирования труда сотрудников управленческой команды для достижения стратегических целей образовательной организации.

Во главе исследуемого структурного подразделения стоит его директор (1 сотрудник), которому непосредственно подчиняются заместители по учебной работе, курирующие разные направления и формы обучения (3 сотрудника), заместитель по научной работе и международной деятельности (1 сотрудник), заместитель по работе с молодежью (1 сотрудник).

На первом этапе исследования были обработаны ответы каждого члена управленческой команды структурного подразделения вуза на вопросы типового теста оценки мотивации В.И. Гер-

чикова и произведен расчет индивидуального мотивационного профиля каждого из них; на втором этапе – определен мотивационный профиль для управленческой команды в целом (табл. 1); на

третьем этапе – сформулированы наиболее действенные виды и формы стимулирования труда для каждого типа трудовой мотивации членов и управленческой команды в целом.

Таблица 1 / Table 1

Выявление мотивационного профиля управленческой команды структурного подразделения / Identification of the Motivational Profile of the Structural Unit Management Team

Код типа мотивации / Motivation Type Code	Директор / Director	Заместитель по учебной работе 1 / Deputy for Academic Affairs 1	Заместитель по учебной работе 2 / Deputy for Academic Affairs 2	Заместитель по учебной работе 3 / Deputy for Academic Affairs 3	Заместитель по научной работе и международной деятельности / Deputy for Scientific and International Affairs	Заместитель по работе с молодежью / Deputy for Youth Affairs	Средний индекс / Average Index
ИН – «инструментальный» тип	0.13	0.16	0.27	0.33	0.28	0.22	0.232
ПР – «профессиональный» тип	0.27	0.40	0.34	0.41	0.19	0.28	0.315
ХО – «хозяйский» тип	0.24	0.16	0.11	0.00	0.10	0.22	0.138
ПА – «патриотический» тип	0.27	0.08	0.14	0.11	0.33	0.12	0.175
ИЗ – «избегательный» (люмпенизированный) тип	0.09	0.20	0.14	0.15	0.10	0.16	0.140
Всего получено ответов	45	25	29	27	39	32	
Структура преобладающей мотивации / The Structure of Prevailing Motivation							
	ПР	ПА	ИН	ХО		ИЗ	
На первом месте	0.34	0.30	0.00	0.00		0.00	
На первом и втором месте	0.34	0.30	0.28	0.23		0.20	

Источник: построено авторами по результатам опроса / Source: compiled by the authors based on the results of the survey

В рамках реализации первого этапа исследования в ходе обработки полученных результатов анкетирования произведен расчет индивидуального мотивационного профиля каждого члена управленческой команды структурного подразделения вуза. При этом определено, что директор обладает двумя ведущими типами мотивации – «профессиональным» и «патриотическим». Его заместители по учебной работе (1, 2, 3) обладают «профессиональным» типом мотивации; при этом одному из них (3) абсолютно не присущ «хозяйский» тип. Заместитель по научной работе и международной деятельности обладает «патриотическим» типом мотивации; по работе с молодежью – «профессиональным».

По результатам дальнейших расчетов, проведенных согласно методологии ТМГ, выявлен мотивационный профиль данной управленческой команды в целом: для нее в наибольшей степени характерен «профессиональный» тип мотивации, на втором месте по значимости – «патриотический» тип мотивации. Такие типы мотивации как «инструментальный», «хозяйский» и «люмпенизированный» (в порядке убывания их значимости) не являются доминирующими, однако могут проявиться при неадекватном стимулировании. Здесь также следует отметить, что «инструментальный»

тип мотивации хоть и имеет индекс чуть меньше, чем «патриотический» (0.28 и 0.30 соответственно), однако на первом и втором месте встречается гораздо чаще у членов управленческой команды: «патриотический» – у двоих, «инструментальный» – у четверых, поэтому вероятность проявления последнего в мотивационном профиле команды выше.

Сформировав мотивационный профиль сотрудников и команды в целом, можно обоснованно выбирать наиболее действенные для этих групп виды и формы стимулирования труда, как это и замышлялось при разработке ТМГ.

Так, для «профессионального» типа мотивации, характерного для исследуемой управленческой команды, базовыми формами стимулирования являются «организационные» (содержание, условия и организация работы) и «карьера, развитие». Применимы такие формы стимулирования как «денежные», «моральные» и «участие в управлении». Окажут воздействие только при целевой договоренности «натуральные» формы стимулирования (например, предоставление служебного автомобиля). Запрещены к использованию «негативные» формы (наказания, угрозы и т.п.) и «патернализм» (забота о работнике).

Для «патриотического» типа мотивации базо-

вой является «моральная» форма стимулирования; применимыми – «патернализм» и «участие в управлении»; применимыми в знаковой форме – «негативные» и «натуральные». Нейтральное влияние оказывают «организационные» и «денежные» формы стимулирования, а также «карьера, развитие». Недопустимых к применению форм стимулирования нет.

«Инструментальный» тип мотивации не является доминирующим для исследуемой управленческой команды, но может продемонстрировать существенную ответную реакцию на неадекватные меры стимулирования. Базовой формой стимулирования для «инструментального» типа мотивации является «денежная»; применимы «карьера и развитие», а также «натуральное» и «негативное» стимулирование (в денежной форме); нейтрально воздействуют «организационные» формы и «участие в управлении». Запрещены «патернализм» и «моральное» стимулирование.

Сопоставив мотивационный профиль исследованной управленческой команды структурного подразделения и возможные виды стимулирования, можно сформулировать ряд рекомендаций HR-менеджмента для ректората вуза.

Прежде всего, следует сосредоточиться на реализации возможностей организационной формы стимулирования труда, которые подчеркивали бы уровень профессионализма сотрудников, усиливая чувство их удовлетворенности содержанием, условиями и организацией выполняемой работы, а также на создании возможностей для продвижения и карьерного роста управленцев вуза, например:

- поручение работ особой важности;
- назначение на ответственные должности в подразделениях университета или совмещение должностей;
- современное техническое обеспечение рабочего места;
- поощрение профессионального развития и поддержание необходимого уровня профессиональной подготовки работника;
- поощрение творческого подхода к выполнению работы, поддержка инициатив и предложений сотрудников;
- предоставление гибкого графика работы;
- оценка и анализ результатов и способов деятельности, личных и профессиональных качеств сотрудников.

Для профессионалов абсолютно не приемлемы негативные формы стимулирования, такие, как наказание и угроза потери работы: подобная практика в лучшем случае не будет иметь никакого воздействия, в худшем – вызовет бунт и саботаж работы.

Поскольку второе по значимости место в мотивационном профиле занял «патриотический» мотивационный тип, названные выше формы стимулирования рекомендуется поддерживать

(сопровождать) моральными формами стимулирования, отражающими общественное признание и повышающими престиж сотрудника, – публичная похвала, официальное признание заслуг, награда, карьерный рост, повышение официального статуса должности, обучение, вовлечение в интересный проект и т.п. Однако, следует помнить, что высокий профессионализм должен сопровождаться достойным денежным вознаграждением, поэтому «грамота грамотой», но не стоит забывать про премии и надбавки за профессиональное мастерство, высокое качество работы и т.п.

Сравнение полученных, согласно методологии ТМГ, результатов исследования мотивационного профиля сотрудников в вузе с результатами аналогичного исследования в коммерческом секторе, например, в нефтяной промышленности, где преобладает «инструментальный» тип мотивации [14], подтверждает вывод о том, что в образовательных организациях работают люди «по призванию», а коммерческий сектор притягивает работников «длинным рублем». Однако он не согласуется с общим подходом к вопросу формирования системы материальной мотивации в сфере высшего образования, где чаще всего принята система эффективного контракта, и, как следствие, личной ответственности и в большей степени оцениваются личные достижения сотрудников в науке, учебно-методической деятельности, воспитательной работе. Безусловно, личные достижения вносят определенный вклад в результаты деятельности вуза в целом, отражаются на его престиже. Но работники внутри образовательной организации конкурируют друг с другом за студентов уже на стадии их поступления и до окончания вуза. Именно на этом этапе мотивационный тип деятельности играет решающую роль. Применение ТМГ позволяет формировать успешные команды, которые учитывают особенности каждого из ее участников и позволяют максимально эффективно использовать их потенциал.

Библиография

- [1] Алямкина Е.А., Красильникова И.Н., Красильникова М.Н. Управленческая команда как условие эффективного управления образовательной организацией // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. С. 336-343.
- [2] Командный менеджмент как ресурс управления в образовательных системах. 150-летию МПГУ посвящается: учебное пособие / О.А. Шклярова, Н.Л. Галеева, О.П. Осипова [и др.]. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2021. 384 с.
- [3] Lei Q. Modern Educational Technology Theory and University Quality Education. In Proceedings – 7th International Conference of Management, Education and Information. 2017. Vol. 156. Pp. 287-291. (На англ.). DOI: <https://dx.doi.org/10.2991/meici-17.2017.58>
- [4] Ma X. Exploration of and Research into Implementation of Modern University Governance Model in Universities and Colleges of China. In Proceedings – In-

- ternational Conference on the Modern Development of Humanities and Social Science. 2013. Pp. 212-214. (На англ.). DOI: <https://dx.doi.org/10.2991/mdhss-13.2013.55>
- [5] Li L., and Zhang D. Logic Level and Construction of Modern University System Establishment in Cultural Perspective // *Social Science, Education and Human Science*. 2017. Pp. 63-68. (На англ.). DOI: [10.12783/dtssehs/ermm2017/14681](https://dx.doi.org/10.12783/dtssehs/ermm2017/14681)
- [6] Цветкова А.Л. Анализ эффективности деятельности управленческих команд образовательных организаций // *Наука и образование: современные тренды*. 2015. № 1(7). С. 176-187.
- [7] Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций и видам экономической деятельности (в соответствии с ОКВЭД2) в Российской Федерации с 2017 года, рублей (2021). Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries?print=1 (дата обращения 15.07.2021).
- [8] Осмоловская А.С. Формирование и развитие управленческих команд // *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2019. № 1(12). С. 57-62.
- [9] Боровикова Н.В., Петров В.А. Управленческая команда: статус, закономерности развития. Понятие и сущность управленческой команды // Консалтинговая группа «Bi to Be». 2005. 30 с. URL: <https://www.bitobe.ru/> (дата обращения: 15.07.2021).
- [10] Галин З.А., Гайсин Э.Д., Фролова О.Н. Формирование эффективной управленческой команды // *Вестник Евразийской науки*. 2020. № 6(12). С. 1-9.
- [11] Лазарева М.В., Губанова Е.В. Управленческая команда образовательной организации: подходы к формированию и развитию // *Человек и образование*. 2020. № 4(65). С. 147-151.
- [12] Мордвинова Е.Л., Ростовцева И.А. Эффективное командообразование с помощью методов мотивации // *Наука и образование сегодня*. 2019. № 5(40). С. 45-51.
- [13] Типологическая модель мотивации В.И. Герчикова (2021). Топ-менеджмент Консалт. URL: <https://tmconsult.ru/faq/tipologicheskaya-model-motivatsii-v-i-gerchikova.php> (дата обращения: 11.07.2021).
- [14] Кирина А.О., Полюнова Л.В. Использование типологической модели В.И. Герчикова в формировании системы мотивации работников: опыт российских организаций // *Вопросы экономики и права*. 2015. № 87. С. 123-124.
- [3] Lei Q. Modern Educational Technology Theory and University Quality Education. In *Proceedings – 7th International Conference on Management, Education and Information*. 2017. Vol. 156. Pp. 287-291. DOI: <https://dx.doi.org/10.2991/meici-17.2017.58>
- [4] Ma X. Exploration of and Research into Implementation of Modern University Governance Model in Universities and Colleges of China. In *Proceedings – International Conference on the Modern Development of Humanities and Social Science*. 2013. Pp. 212-214. DOI: <https://dx.doi.org/10.2991/mdhss-13.2013.55>
- [5] Li L., and Zhang D. Logic Level and Construction of Modern University System Establishment in Cultural Perspective // *Social Science, Education and Human Science*. 2017. Pp. 63-68. DOI: [10.12783/dtssehs/ermm2017/14681](https://dx.doi.org/10.12783/dtssehs/ermm2017/14681)
- [6] Tsvetkova A.L. Analiz effektivnosti deyatelnosti upravlencheskikh komand obrazovatel'nykh organizatsiy [Analysis of the effectiveness of the educational organizations management teams] // *Science and Education: modern trends*. 2015. Vol. 1(7). Pp. 176-187. (In Russ.).
- [7] Srednemesyachnaya nominal'naya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov po polnomu krugu organizatsiy i vidam ekonomicheskoy deyatelnosti (v sootvetstvii s OKVED2) v Rossiyskoy Federatsii s 2017 goda, rubley [Average monthly nominal accrued wages of employees for the full range of organizations and types of economic activity (in accordance with RCEA2) in the Russian Federation since 2017, rubles] (2021). Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries?print=1 (accessed on 15.07.2021). (In Russ.).
- [8] Osolovskaia A.S. Formation and development of management teams // *Biznes-obrazovaniye v ekonomike znaniy* [Business Education in the Knowledge Economy]. 2019. Vol. 1(12). Pp. 57-62 (In Russ.).
- [9] Borovikova N.V., and Petrov V.A. Upravlencheskaya komanda: status, zakonomernosti razvitiya. Ponyatiye i sushchnost' upravlencheskoy komandy [Management team: status, patterns of development. The concept and essence of the management team] // Consulting Group "Bi to Be" 2005. 30 p. URL: <https://www.bitobe.ru/> (accessed on 15.07.2021). (In Russ.).
- [10] Galin Z.A., Gaisin E.D., and Frolova O.N. About the rules for forming a management team // *The Eurasian Scientific Journal*. 2020. Vol. 6(12) Pp. 1-9. (In Russ.).
- [11] Lazareva M.V., and Gubanova E.V. The management team of educational organization: approaches to its formation and development // *Man and Education*. 2020. Vol. 4(65). Pp. 147-151. (In Russ.).
- [12] Mordvinova E.L., and Rostovtseva I.A. Effektivnoye komandoobrazovaniye s pomoshch'yu metodov motivatsii [Effective teambuilding using the motivation techniques] // *Science and Education Today*. 2019. Vol. 5(40). Pp. 45-51. (In Russ.).
- [13] Typological Model of Motivation by V.I. Gerchikov (2021). Top Management Consult. URL: <https://tmconsult.ru/faq/tipologicheskaya-model-motivatsii-v-i-gerchikova.php> (accessed on 11.07.2021). (In Russ.).
- [14] Kirina A.O., and Polynova L.V. The application of Gerchikov's typological model in workers' motivation system the Russian companies' practice // *Economic and Law Issues*. 2015. Vol. 87. Pp. 123-124. (In Russ.).

References

- [1] Alyamkina E.A., Krasilnikova I.N., and Krasilnikova M.N. Management team as a condition of effective management in educational organization // *Modern problems of science and education*. 2016. Vol. 3. Pp. 336-343. (In Russ.).
- [2] Komandnyy menedzhment kak resurs upravleniya v obrazovatel'nykh sistemakh. 150-letiyu MPGU posvyashchayetsya [Team management as a management resource in educational systems. Dedicated to the 150th anniversary of the Moscow State Pedagogical University]: textbook / O.A. Shklyarova, N.L. Galeeva, O.P. Osipov [and others]. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2021. 384 p. (In Russ.).

Информация об авторах / About the Authors

Светлана Николаевна Воднева – канд. пед. наук; декан факультета, Псковский государственный университет, Псков, Россия / **Svetlana N. Vodneva** – PhD in Education; Dean of the Faculty, Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: wodnewa@yandex.ru

SPIN РИНЦ 5623-9360

ORCID 0000-0002-1760-6151

Ирина Александровна Дони́на – д-р пед. наук, профессор; профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия / **Irina A. Donina** – Doctor in Education, Professor; Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

E-mail: doninairina@gmail.com

SPIN РИНЦ 5507-0684

ORCID 0000-0002-8191-196X

Ирина Анатольевна Дагаева – канд. экон. наук, доцент; доцент, и.о. зав. кафедрой, Псковский государственный университет, Псков, Россия / **Irina A. Dagaeva** – PhD in Economics, Docent; Associate Professor, Acting Head of the Department, Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: degava@mail.ru

SPIN РИНЦ 6363-8460

ORCID 0000-0003-4006-1556

Дата поступления статьи: 4 августа 2021

Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: August 4, 2021

Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).83-89

УДК 338.467.6:004.9:616-036.21

JEL I12, L82, L86, O3

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

КУЛЬТУРНЫЙ ОНЛАЙН-ДОСУГ: ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

О.С. Ласточкина, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

Аннотация. Возможность реализации культурных потребностей личности является одной из ключевых, когда идет речь о качестве жизни. В связи с введением локдауна культурно-досуговых общественных пространств, вызванного пандемией COVID-19, население было вынуждено искать альтернативные способы удовлетворения сформированных / формирующихся культурных потребностей. В статье проведен анализ онлайн-запросов россиян в сфере культуры и досуга в 2020 г. Выделены и проанализированы наиболее популярные культурно-досуговые практики онлайн-пользователей, которые выступили в качестве ключевых слов в поисковом сервисе Google. Изучены поисковые запросы массовой формы культуры по основным ключевым словам: «кино-поиск», «окко», «ivi», «нетфликс», «мегого» (онлайн-кинотеатры), «кино онлайн», «видео онлайн», «фильмы онлайн», «сериалы онлайн» (просмотр видео без подписок); легитимной формы культуры: «концерты онлайн», «выставки онлайн», «музеи онлайн», «экскурсии онлайн», «спектакли онлайн». Отмечена способность населения в ситуации самоизоляции успешно применять возможности интернета для получения культурно-досуговых услуг онлайн. Сделан вывод о колебаниях в запросах по ключевым словам до пиковых значений в период нерабочих дней, введенных в России весной 2020 г. из-за угрозы распространения COVID-19. Выявлены различия между регионами проживания онлайн-пользователей и видами наиболее предпочитаемых ими культурно-досуговых практик, а также формами их удовлетворения. Полученные данные и результаты исследования могут быть использованы органами государственной и региональной власти при разработке рекомендаций в рамках реализации социально-значимых программ по работе с населением в режиме антикризисного управления.

Ключевые слова: досуг, интернет-ресурсы, культурные потребности, локдаун, поисковые запросы, самоизоляция, цифровизация, COVID-19

Для цитирования: Ласточкина О.С. Культурный онлайн-досуг: поведение населения в период пандемии COVID-19 // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 83-89. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).83-89

ORIGINAL PAPER

ONLINE CULTURAL LEISURE: PEOPLE'S BEHAVIOR DURING THE COVID-19 PANDEMIC

O.S. Lastochkina, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Abstract. The possibility of realizing an individual's cultural needs is one of the key things when it comes to the quality of life. Due to introducing the lockdown of cultural and leisure public spaces caused by the COVID-19 pandemic, people were forced to look for alternative ways to meet the formed / emerging cultural needs. The article analyzes the Russians' online requests in the field of culture and leisure in 2020. The most popular cultural and leisure practices of online users, which acted as keywords in the Google search service, are highlighted and analyzed. The search requests of the mass culture form have been studied by the main keywords: "kinopoisk", "okko", "ivi", "netflix", "megogo" (online cinemas), "cinema online", "video online", "movies online", "TV series online" (watching videos without subscriptions); legitimate form of culture: "concerts online", "exhibitions online", "museums online", "excursions online", "performances online". The people's ability to successfully use the possibilities of the Internet for receiving cultural and leisure services on-line in a situation of self-isolation is noted. It has been concluded that there were fluctuations in keyword requests to peak values during non-working days introduced in Russia in the spring of 2020 due to the threat of the COVID-19 spread. The differences between the online users' regions of residence and the types of cultural and leisure practices they prefer, as well as the forms of their satisfaction are revealed. The obtained data and results of the study can be used by the state and regional authorities in developing recommendations in the framework of implementing socially significant programs for working with the population in the anti-crisis management mode.

Keywords: leisure, Internet resources, cultural needs, lockdown, search queries, self-isolation, digitalization, COVID-19

For citation: Lastochkina O.S. Online Cultural Leisure: People's Behavior During the COVID-19 Pandemic // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 83-89. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).83-89

Волна коронавируса (COVID-19), охватившая мир в 2020 г., нарушила привычный всем формат действительности. Рост заболеваемости и смертности вынудил правительства разных стран идти на беспрецедентные меры – закрытие границ; введение пропускного контроля, карантин, режима самоизоляции; отмена массовых мероприятий, закрытие учреждений образования, культуры, досуга и развлечений; перевод сотрудников на удаленный режим работы и др. – с целью снижения нагрузки на систему здравоохранения и сдерживания распространения COVID-19. Ужесточение мер по борьбе с пандемией в России началось весной 2020 г.: 25 марта из-за ухудшающейся эпидемиологической обстановки Президент В.В. Путин объявил режим нерабочих дней, продлившийся с 30 марта по 12 мая. Согласно перечню отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения COVID-19 [1], учреждения сферы культуры, организации досуга и развлечений одними из первых ощутили на себе негативные последствия введения локдауна.

Культурный досуг является важным элементом повседневной жизнедеятельности современных людей. «Цивилизация досуга» постепенно вытесняет «цивилизацию труда»: согласно данной концепции, начиная с некоторого уровня экономического развития общества, досуг приобретает все большую независимость от труда и становится самодовлеющей ценностью, когда многие люди предпочитают меньше зарабатывать, но иметь больше свободного времени [2, 5]. Изучение взаимосвязи досуга, рекреации и социума позволило сформулировать важнейшие функции сферы культурного досуга: компенсаторную, которая позволяет снимать напряжение, возобновлять физические, психологические, моральные и интеллектуальные силы человека, и социальную, которая обеспечивает взаимодействие личности с окружающим миром, усвоение его культурных ценностей, включение в социум через каналы коммуникации [2, 6, 7]. Выделены две общепринятые формы культуры, конституирующие друг друга, снимая противостояние, основанное на субъективном понятии вкуса: высокая (легитимная) и массовая, различающиеся с точки зрения их символической ценности для опыта человека [8-10]. Под высокой (легитимной) культурой понимаются культурные практики, связанные с признанными произведениями искусства (театр, опера, музеи, балет и пр.) [11]; массовая культура состоит из

ежедневных событий, стремлений и потребностей (культура быта, развлечений и информации). Исследователи установили связь между используемыми практиками потребления культуры и социально-демографическим статусом индивида (возраст, пол, уровень образования, место проживания, доход и др.), подтвердив, что потребление культуры основано на символическом неравенстве, престиже культуры и ее массовости, доступности [12-14]. Однако, исследователи отмечают постепенное размытие границ, нивелирование ограничений легитимной и массовой культуры, прежде всего, благодаря широкому применению возможностей интернета для удовлетворения культурных потребностей [15].

Так, в период пандемии COVID-19 население не может в прежнем объеме, качестве, формате удовлетворять имеющиеся потребности культурного досуга и вынуждено компенсировать упущенные привычные возможности, используя альтернативные способы, средства и технологии получения и передачи необходимой информации – цифровые технологии.¹

Адаптируясь к новой реальности, культурно-досуговые учреждения стали менять способы предоставления своих услуг, «уходя в онлайн». Музеи и картинные галереи пополнили или запустили электронные коллекции экспозиций, экскурсионные программы (например, в виде пятиминутной виртуальной прогулки по музею «Эрмитаж», снятой на iPhone 11 Pro). Сервис «stayhome.moscow» предоставил всем желающим доступ к электронным коллекциям экспозиций, виртуальным экскурсиям и онлайн-проектам государственных и частных учреждений культуры и искусства (Государственная Третьяковская галерея, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Музей современного искусства «Гараж» и др.). На регулярной основе стали давать концерты и спектакли в сети оркестры, балетные труппы, театры (например, концерт «Верди online» – прямой эфир из театра «Геликон-опера»). Крупнейшие российские мультимедийные сервисы (онлайн-кинотеатры «ОККО», «Wink») расширили перечень культурных практик, бесплатно предоставляемых на своих платформах: концерты, фильмы, сериалы, аудиокниги, др.; особой популярностью стали пользоваться «домашние» концерты звезд, транслируемые через социальные сети: Вконтакте, Instagram, Facebook.

Подобный формат предоставления культурно-досуговых мероприятий, активно используемый и в других странах, оказавшихся в ситуации

¹ Отметим, что Россия еще до пандемии COVID-19 демонстрировала высокие темпы цифровизации развития общества: по данным Международного союза электросвязи, в 2002-2019 гг.

доля пользователей интернета в стране выросла на 76 п.п. [3] и составила 118 млн. человек (81% от общей численности населения) [4].

локдауна, способствовал смягчению негативного эффекта COVID-19, связанного с ухудшением в период самоизоляции состояния психологического здоровья населения (депрессии, страхи, паника) [16]. Кроме того, упрощенный (без привязки к месту и времени) доступ к услугам, удовлетворяющим культурные потребности, повысил культурную активность населения в целом.

В рамках данной статьи представлены результаты исследования, проведенного с использованием технологий Big Data, масштабов, интенсивности и структуры онлайн-запросов российских пользователей сети Интернет в сфере культурного досуга как неизбежного поведенческого ответа на ограничения в получении услуг в условиях пандемии COVID-19. Источником данных выступила поисковая система Google. Временные границы исследования определены началом распространения COVID-19 и позволяют отследить изменение онлайн-поведения населения в условиях невозможности получения культурно-досуговых услуг в очном формате (28 декабря 2019 г. – 28 декабря 2020 г.). Анализ проводился по пяти видам экономической деятельности (согласно ОКВЭД): творческая деятельность, деятельность в области искусства и организации развлечений, деятельность в области демонстрации кинофильмов, деятельность музеев [17].

С помощью сервиса Google Trends выполнен анализ ключевых поисковых запросов в сети Интернет в рамках легитимной (высокой) и массовой форм культуры. На основе анализа поисковых слов были выделены следующие группы популярных запросов:

- группа запросов, связанных с прямым просмотром видео-контента в сети без оформления подписок («кино онлайн», «видео онлайн», «фильмы онлайн», «сериалы онлайн») – массовая форма культуры (рис. 1);
- группа запросов, связанных с просмотром видео через подписку на набирающие популярность стриминговые сервисы («кинопоиск», «окко», «иви», «нетфликс», «мегого» (в русской транскрипции частота встречаемости выше)) – массовая форма культуры (рис. 2);
- группа запросов, связанных с получением услуг в области искусства и организации развлечений («концерты онлайн», «выставки онлайн», «музеи онлайн», «экскурсии онлайн», «спектакли онлайн») – легитимная (высокая) форма культуры (рис. 3).

В границах исследуемого временного периода во всех группах запросов отмечается усиление интернет-активности с конца марта до середины мая 2020 г. (период действия локдауна), при этом наибольшая частота запросов по теме культурного онлайн-досуга была отмечена в первую неделю апреля 2020 г. – 46 млн. обращений (на 67% выше максимального значения в аналогичном периоде 2019 г.).

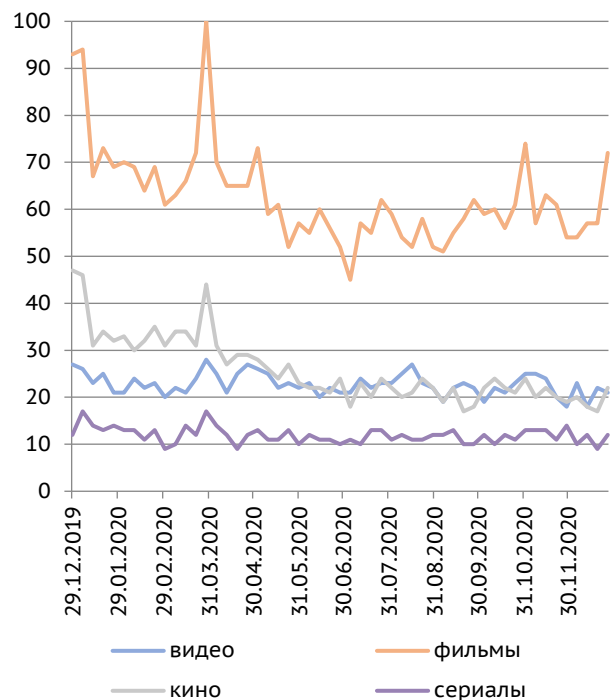

Рис. 1. Динамика популярности поисковых запросов по ключевым словам «видео онлайн», «фильмы онлайн», «кино онлайн», «сериалы онлайн» в Google Trends, Россия / Fig. 1. Dynamics of the Search Requests Popularity for the Keywords "video online", "films online", "movies online", "TV series online" in Google Trends, Russia

Источник: составлено автором с помощью сервиса Google Trends / Source: compiled by author using Google Trends

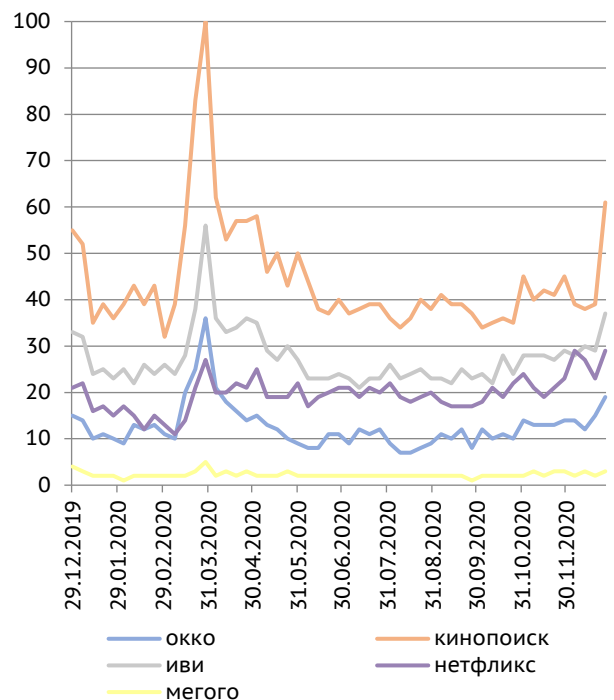

Рис. 2. Динамика популярности поисковых запросов по ключевым словам «окко», «кинопоиск», «иви», «нетфликс», «мегого» Google Trends, Россия / Fig. 2. Dynamics of the Search Requests Popularity for the Keywords "okko", "kinopoisk", "ivi", "netflix", "megogo" in Google Trends, Russia

Источник: составлено автором с помощью сервиса Google Trends / Source: compiled by author using Google Trends

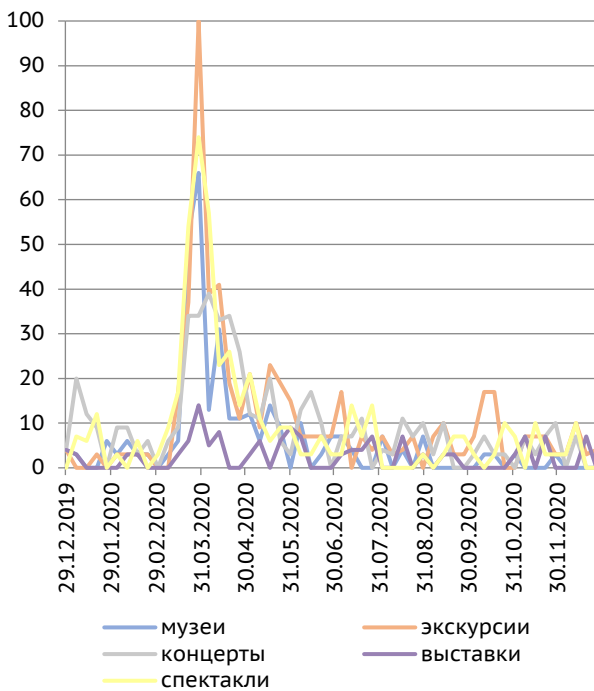

Рис. 3. Динамика популярности поисковых запросов по ключевым словам «музеи онлайн», «экскурсии онлайн», «концерты онлайн», «выставки онлайн», «спектакли онлайн» в Google Trends, Россия / Fig. 3. Dynamics of the Search Requests Popularity for the Keywords “museums online”, “excursions online”, “concerts online”, “exhibitions online”, “performances online” in Google Trends, Russia

Источник: составлено автором с помощью сервиса Google Trends / Source: compiled by author using Google Trends

В табл. 1 приведены данные о популярности запросов по массовой и легитимной (высокой) формам культуры по всем ключевым поисковым словам в разрезе регионов федеральных округов России, полученные с помощью сервиса Google Trends в рамках исследуемого периода (указаны первые три позиции из списка регионов с наиболее высокими частотами запросов).

На основании данных рис. 1-3 и табл. 1 можно сделать следующие основные выводы:

- во всех группах запросов отмечается значительный (в разы) рост интернет-активности в период действия локдауна;

- по первой группе запросов массовой формы культуры («видео онлайн», «фильмы онлайн», «кино онлайн», «сериалы онлайн») отмечено плавное падение их частоты, что связано как с постепенным усилением мер по охране авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, введением ограничений на свободный доступ к авторскому контенту, так и с расширением рынка стриминговых ресурсов;

- более частый поиск по ключевым словам первой группы массовой формы культуры осуществлялся в регионах, характеризующихся более высокой долей бедного населения, чем в среднем по России [18], в связи с чем предпочтение интернет-пользователей отдается бесплатным культур-

ным практикам (регионы Северо-Кавказского и в Дальневосточного федеральных округов);

- по второй группе запросов массовой формы культуры («кинопоиск», «окко», «иви», «нетфликс», «мегого») отмечена стабильно наибольшая популярность стриминговой платформы «Кинопоиск»; в целом по данным ТМТ Рейтинг в 2020 г. в России произошел стремительный рост рынка легальных видео-сервисов – на 66% при первоначальном прогнозе роста около 40% [19]; общий интерес интернет-пользователей к стриминговым платформам повысили размещаемые на них уникальные материалы: концерты, видео-фестивали, спектакли, документальные фильмы и др.;

- более частый поиск по ключевым словам второй группы массовой формы культуры осуществлялся в регионах, характеризующихся более высоким культурным уровнем населения и/или более высоким уровнем доходов населения, чем в среднем по России и, соответственно, большими потребностями и возможностями удовлетворения культурных запросов (регионы Центрального и Северо-Западного федеральных округов – прежде всего, г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область); определенную часть интернет-пользователей данной группы массовой формы культуры в этих регионах составляют туристы;

- по группе запросов легитимной (высокой) формы культуры («концерты онлайн», «выставки онлайн», «музеи онлайн», «экскурсии онлайн», «спектакли онлайн») отмечается практически одинаковый интерес пользователей ко всем культурным мероприятиям в рамках исследуемого периода, однако во время локдауна наибольший интерес продемонстрировали «экскурсии онлайн», наименьший – «выставки онлайн»;

- чаще других искали культурные практики легитимной формы культуры жители Центрального федерального округа (г. Москва и Московская область), также интересовались данными запросами в регионах, входящих в первую двадцатку по уровню доходов населения [18], Северо-Западного, Приволжского и Уральского федеральных округов;

- по мере усложнения культурных практик смещается круг регионов интернет-пользователей: от тех, где в офлайн жизни обеспечены меньшие возможности по доступу к получению культурно-досуговых услуг, к тем, где таких возможностей больше; адаптируясь к сложившейся ситуации, сформированная потребность в получении культурно-досуговых услуг реализуется через интернет.

Таким образом, полученные посредством применения возможностей статистического сервиса Google Trends данные иллюстрируют, что в период пандемии COVID-19, особенно во время вынужденного локдауна (весна 2020 г.), возросло количество культурно-досуговых услуг, полученных

населением России в цифровом формате, – на фоне карантина цифровые каналы давали возможность коммуницировать с внешним миром. Ограничения в передвижении и контактах, переход на дистанционную форму обучения и работы вынудили россиян проводить очень много времени в домашних условиях. Произошло деление на тех, кто увидел в этом угрозу привычному существованию, и тех, кто открыл для себя новые

возможности цифровизации и стал реализовывать их для удовлетворения потребностей, в частности в сфере культуры и досуга, через интернет. Возросший спрос сформировал предложение, появились учреждения культуры и досуга, интернет-площадки, перестроившиеся согласно требованиям действительности и предоставившие множество разнообразных онлайн-услуг и сервисов в сфере культуры и досуга.

Таблица 1 / Table 1

Популярность поисковых запросов по всем ключевым словам по регионам России, Google Trends, декабрь 2019 г. – декабрь 2020 г. / Search Requests Popularity for All Keywords by Regions of Russia, Google Trends, December 2019 – December 2020

Популярность по регионам / Popularity by Regions	Массовая форма культуры / Mass Culture Form					Легитимная (высокая) форма культуры / Legitimate (High) Culture Form									
	Ключевые слова по прямому просмотру видео-контента			Ключевые слова по просмотру видео через подписку											
	1			2		3									
	видео онлайн	фильмы онлайн	кино онлайн	сериалы онлайн	иви	окко	кинопоиск	мегого	нетфликс	музеи онлайн	экскурсии онлайн	концерты онлайн	выставки онлайн	спектакли онлайн	
1	Карачаево-Черкесская Республика	Республика Саха (Якутия)	Чеченская Республика	Мурманская область	Ненецкий автономный округ	Воронежская область	г. Санкт-Петербург	Ленинградская область	Республика Калмыкия	Нижегородская область	Калужская область	Московская область	г. Москва	Московская область	
2	Кабардино-Балкарская Республика	Магаданская область	Мурманская область	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Алтай	Ленинградская область	г. Москва	Владимирская область	Республика Саха (Якутия)	г. Москва	г. Санкт-Петербург	г. Москва	Московская область	г. Санкт-Петербург	
3	Амурская область	Камчатский край	Республика Саха (Якутия)	Кабардино-Балкарская Республика	Тюменская область	Московская область	Московская область	Костромская область	г. Санкт-Петербург	Республика Татарстан	г. Москва	Свердловская область	-	г. Москва	
Федеральный округ		Всего регионов			Группа запросов			1	2	3					
Центральный федеральный округ		15			0			40%	60%						
Северо-Западный федеральный округ		9			22%			56%	22%						
Дальневосточный федеральный округ		6			83%			17%	0						
Северо-Кавказский федеральный округ		5			100%			0	0						
Приволжский федеральный округ		2			0			0	100%						
Уральский федеральный округ		2			0			50%	50%						
Сибирский федеральный округ		1			0			100%	0						
Южный федеральный округ		1			0			100%	0						

Источник: составлено автором с помощью сервиса Google Trends / Source: compiled by author using Google Trends

Полученные данные и результаты исследования могут быть использованы органами государственной и региональной власти при разработке рекомендаций в рамках реализации социально-значимых программ по работе с населением в режиме антикризисного управления.

Библиография

- [1] Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» (2020). Гарант. Информационно-правовое обеспечение. URL: https://base.garant.ru/73846630/#block_1000 (дата обращения 05.07.2021).
- [2] Dumazedier J. *Vers une civilisation du loisir?* Paris, Editions du Seuil, 1962. 320 p. (На франц.).
- [3] Груздева М.А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Том 13. № 5. С. 90-104. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.5>
- [4] Digital 2020: Global Digital Overview (2021). Datareportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (дата обращения: 21.07.2021). (На англ.).
- [5] López-Sintas J., Rojas-DeFrancisco L., and García-Álvarez E. Home-based digital leisure: Doing the same leisure activities, but digital // *Cogent Social Sciences*. 2017. Vol. 3(1). Article 1309741. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1080/23311886.2017.1309741>
- [6] Shivers J.S. *Leisure and Recreation Concepts: A Critical analysis*. Boston, 1981. 216 p. (На англ.).
- [7] Fourastier J. *Le grand espoir du XXe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France, 1949. 224 p. (На франц.).
- [8] Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс*. М.: АСТ, 2016. 256 с.
- [9] Манхейм К. *Избранное: Социология культуры*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.
- [10] Jameson F. *Reification and Utopia in Mass Culture* // *Social Text*. 1979. Vol. 1. Pp. 130-148. (На англ.).
- [11] Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge: Harvard university press, 1984. 640 p. (На англ.).
- [12] Chan T.W., and Goldthorpe J.H. *Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence from the occupational structure of friendship* // *European Sociological Review*. 2004. Vol. 20(5). Pp. 383-401. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jch033>
- [13] Bihagen E., and Katz-Gerro T. *Culture consumption in Sweden: The stability of gender differences* // *Poetics*. 2000. Vol. 27(5-6). Pp. 327-349. (На англ.). URL: [https://doi.org/10.1016/s0304-422x\(00\)00004-8](https://doi.org/10.1016/s0304-422x(00)00004-8)
- [14] Абрамов Р.Н., Зудина А.А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010. № 6(100). С. 134-142.
- [15] DiMaggio P., and Mukhtar T. *Arts participation as cultural capital in the United States, 1982-2002: Signs of decline?* // *Poetics*. 2004. Vol. 32(2). Pp. 169-194. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2004.02.005>
- [16] Eze V.O., Okonkwo U.U., Ezeugwu C.A., Ukwueze C.C., and Ezeugwu F.O. *COVID-19 and the Entertainment Industries in Nigeria* // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2021. Vol. 13(1). (На англ.). DOI: <https://dx.doi.org/10.21659/rupkatha.v13n1.09>
- [17] «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). *Общероссийский классификатор видов экономической деятельности*» (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (2014). КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 10.07.2021).
- [18] Рейтинг регионов по доходам населения – 2021 (2021). РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210706/630203876.html> (дата обращения: 06.07.2021).
- [19] ТМТ Рейтинг «Российский рынок онлайн-кинотеатров – 2020» (2021). ТМТ. URL: <http://tmt-consulting.ru/napravleniya/media/video/tmt-rejting-rossijskij-rynok-onlajn-kinoteatrov-2020/> (дата обращения: 21.07.2021).

References

- [1] Decree of the Government of the Russian Federation of April 3, 2020 No. 434 "Ob utverzhdenii perechnya ot raslye rossiyskoy ekonomiki, v naibol'shey stepeni posttradavshikh v usloviyakh ukhudsheniya situatsii v rezul'tate rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii" ["On approving the list of sectors of the Russian economy that are most affected in a deteriorating situation as a result of a new coronavirus infection spread"] (2020). Garant. Information and Legal support. URL: https://base.garant.ru/73846630/#block_1000 (accessed on 05.07.2021). (In Russ.).
- [2] Dumazedier J. *Towards a leisure civilization?* Paris, Editions du Seuil, 1962. 320 p. (In French).
- [3] Gruzdeva M.A. *Inclusion of population in digital space: global trends and inequality of Russian regions* // *Economic and Social Changes: facts, trends, forecast*. 2020. Vol. 13(5). Pp. 90-104. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.5>
- [4] Digital 2020: Global Digital Overview (2021). Datareportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (accessed on 21.07.2021).
- [5] López-Sintas J., Rojas-DeFrancisco L., and García-Álvarez E. *Home-based digital leisure: Doing the same leisure activities, but digital* // *Cogent Social Sciences*. 2017. Vol. 3(1). Article 1309741. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311886.2017.1309741>
- [6] Shivers J.S. *Leisure and Recreation Concepts: A Critical analysis*. Boston, 1981. 216 p.
- [7] Fourastier J. *The great hope of the XX century*. Paris: Presses Universitaires de France, 1949. 224 p.
- [8] Ortega y Gasset X. *The Revolt of the Masses*. W.W. Norton Company, 1994. 192 p.
- [9] Mannheim K. *Essays on the Sociology of Culture*. London, 1956. 253 p.
- [10] Jameson F. *Reification and Utopia in Mass Culture* // *Social Text*. 1979. Vol. 1. Pp. 130-148.
- [11] Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge: Harvard university press, 1984. 640 p.
- [12] Chan T.W., and Goldthorpe J.H. *Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence from the occupational structure of friendship* // *European Sociological Review*. 2004. Vol. 20(5). Pp. 383-401. DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jch033>
- [13] Bihagen E., and Katz-Gerro T. *Culture consumption in Sweden: The stability of gender differences* // *Poetics*.

2000. Vol. 27(5-6). Pp. 327-349. URL: [https://doi.org/10.1016/s0304-422x\(00\)00004-8](https://doi.org/10.1016/s0304-422x(00)00004-8)
- [14] Abramov R.N., and Zudina A.A. Sotsial'nyye innovatory: dosugovyye praktiki i kul'turnoye potrebleniye [Social innovators: leisure practices and cultural consumption] // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2010. Vol. 6(100). Pp. 134-142. (In Russ.).
- [15] DiMaggio P., and Mukhtar T. Arts participation as cultural capital in the United States, 1982-2002: Signs of decline? // Poetics. 2004. Vol. 32(2). Pp. 169-194. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2004.02.005>
- [16] Eze V.O., Okonkwo U.U., Ezeugwu C.A., Ukwueze C.C., and Ezeugwu F.O. COVID-19 and the Entertainment Industries in Nigeria // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2021. Vol. 13(1). DOI: <https://dx.doi.org/10.21659/rupkatha.v13n1.09>
- [17] ОК 029-2014 “Obshcherossiyskiy klassifikator vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti” [“All-Russian classifier of types of economic activity”] (approved by the Order of Rosstandart dated January 31, 2014 No. 14-st) (2014). Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (accessed on 10.07.2021). (In Russ.).
- [18] Rating of regions by income of the population – 2021 (2021). RIA Rating. URL: <https://riarating.ru/info-grafika/20210706/630203876.html> (accessed on 06.07.2021). (In Russ.).
- [19] TMT Rating “Russian online cinema market – 2020” (2021). TMT. URL: <http://tmt-consulting.ru/napravleniya/media/video/tmt-rejting-rossijskij-rynok-onlajn-kinoteatrov-2020/> (accessed on 21.07.2021). (In Russ.).

Информация об авторе / About the Author

Оксана Сергеева Ласточкина – аспирант; младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия / **Oksana S. Lastochkina** – Graduate Student; Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Science, Vologda, Russia
E-mail: lasto4kina543@yandex.ru
SPIN РИНЦ 3072-5194
ORCID 0000-0001-8344-7710

Дата поступления статьи: 30 июля 2021
Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: July 30, 2021
Accepted: September 20, 2021

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).90-96

УДК 378:004.9

JEL I21, I23, I25, J24

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В УСЛОВИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

А.Е. Паршуков, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье поднимается и исследуется кадровая проблема, сопровождающая развитие цифровой экономики, – так называемое, «клиповое мышление» современной молодежи. Данный феномен связан, прежде всего, со слабой концентрацией внимания большинства представителей «поколения Z», что в контексте профессионального обучения снижает качество подготовки специалистов, а с точки зрения управления персоналом, впоследствии ведет к значительному росту на рынке труда числа специалистов с несформированными профессиональными компетенциями и, соответственно, к появлению серьезных проблем с постановкой и исполнением текущих и проектных задач организаций. В статье рассматриваются результаты двух проведенных автором исследований. Результаты «исследования №1», направленного на оценку уровня внимательности студентов вуза, показали, что даже при высокой степени заинтересованности учебным процессом, лишь 29.6% из них внимательно изучают поступающую информацию и запоминают ее. Учитывая низкую концентрацию внимания студентов, была поставлена вторая исследовательская задача по изучению возможности и эффективности внедрения интерактивных макропауз, применяемых преимущественно в бизнес-тренингах, в процесс аудиторного обучения студентов вуза («исследование №2»). В результате более 65% участников эксперимента посчитали, что интерактивные макропаузы положительно повлияли на когнитивную деятельность, более 70% отметили их положительное влияние на эмоциональное состояние. Наилучший эффект достигается при соблюдении следующих рекомендаций: необходимо обязательно пояснить аудитории цель и ожидаемый эффект от использования макропауз; выбор момента применения макропаузы определяется индивидуально в каждом случае с каждой группой участников; продолжительность макропаузы должна составлять не более 10 минут, независимо от того, была закончена «игра» или нет; ввиду ограниченности возможностей применения физической активности в аудитории вуза применяемые макропаузы должны быть простыми, но действенными; при первой встрече с аудиторией макропаузы применять не следует. Полученные автором результаты могут быть транслированы в образовательную практику российских вузов в целях повышения эффективности организации процесса подготовки кадров.

Ключевые слова: вуз, интерактивная пауза, подготовка кадров, психологические факторы, цифровая экономика, эффективность обучения

Для цитирования: Паршуков А.Е. Возможности повышения эффективности организации процесса подготовки кадров в условиях цифровой трансформации // BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 90-96. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).90-96

ORIGINAL PAPER

OPPORTUNITIES TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF ORGANIZING THE LEARNING PROCESS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

A.E. Parshukov, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article raises and examines the personnel problem that accompanies the development of the digital economy – the so-called “clip thinking” of modern youth. This phenomenon is associated with the weak attention concentration of the majority of “Generation Z” representatives, which in the context of vocational training reduces the quality of specialist training, and from the personnel management point of view, subsequently leads to a significant increase in the number of specialists with unformed professional competencies in the labor market and, accordingly, to the emergence of serious problems with the formulating and implementing the organizations current and project tasks. The article discusses the results of two studies conducted by the author. The results of “Research No. 1” aimed at assessing the level of university students’ attentiveness has shown that even with a high degree of interest in the educational process, only 29.6% of them carefully study the incoming information and remember it. Taking the low concentration of students’ attention into account, the second research task was set to study the possibility and effectiveness of the implementing interactive macropauses, used mainly in business trainings, in the process of university students’ classroom

teaching ("Research No. 2"). As a result, more than 65% of the experiment participants have considered that interactive macropauses had a positive effect on cognitive activity, more than 70% noted their positive effect on the emotional state. The best effect is achieved if the following recommendations are observed: it is necessary to explain the purpose and the expected effect of using macropause to the audience; the choice of the macropause application moment is determined individually in each case with each group of participants; the duration of the macropause should be no more than 10 minutes, regardless of whether the "game" was over or not; in view of the limited possibilities of using physical activity in a university classroom, the applied macropauses should be simple, but effective; at the first meeting with the audience, macro pauses should not be used. The results obtained by the author can be transmitted into the educational practice of Russian universities in order to increase the efficiency of organizing the training process.

Keywords: university, interactive pause, training, psychological factors, digital economy, learning efficiency

For citation: Parshukov A.E. Opportunities to Improve the Efficiency of Organizing the Learning Process in the Context of Digital Transformation // BENEFICIUM. 2021. Vol. 3(40). Pp. 90-96. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).90-96

Классическая модель трудовых отношений в настоящее время значительно деформируется, испытывая на себе сильное влияние многочисленных процессов и факторов, которые можно объединить общим явлением – «цифровая трансформация общества». В связи с появлением и развитием новых технологий обработки, хранения и передачи данных, размыванием географических и физических границ, изменением бизнес-моделей и др. цифровизация приводит к появлению новых требований, которые предъявляются к уровню квалификации работников, представляющих на рынке бизнес и государство, – высокая квалификация, коммуникация и кооперация, саморазвитие в условиях неопределенности, креативное мышление, управление информацией и данными, критическое мышление.

Цифровизация не только открывает новые перспективы, но и создает угрозы для развития общества. В мире выросло полностью цифровое поколение (1990-х, 2000-х г.р.), с рождения окруженное цифровыми технологиями, взаимодействие с которыми существенно трансформирует естественные природные основы развития человека, прежде всего, в когнитивной и эмоциональной сферах. «Клиповое мышление» (от англ. – clip, «фрагмент текста, вырезка») как феномен современного общества определяет когнитивные характеристики своих носителей как визуальные, быстрые, но поверхностные, фрагментарные; им присущ языковой минимализм и речевая бедность, рассеянность и гиперактивность, дефицит внимания [1].

Данная особенность развития «поколения Z» рассматривается в работах многих отечественных и зарубежных ученых в области социологии, психологии, педагогики, экономики. Так, в [2-4] «клиповое мышление» исследовано как с точки зрения ограничений, так и новых возможностей его носителей; в [5] рассмотрены особенности профессионального обучения «поколения Z»; в исследованиях [6, 7] изучаются вопросы особенностей найма на работу и эффективной интеграции в корпоративную культуру современной молодежи.

Представители поколения «клипового мышления» в настоящее время начинают активно участвовать в трудовых процессах на рынке труда, тем самым, вопросы качества их профессиональной подготовки являются важнейшими как для них самих, так и для будущих работодателей. Описанные выше особенности их когнитивных характеристик делают неизбежной трансформацию используемых методов подготовки специалистов, позволяющую повысить эффективность процесса обучения.

Данная статья посвящена исследованию целесообразности, возможности и эффективности применения стимулов / раздражителей внимания обучающихся, способных активизировать его и сохранять в течение достаточно продолжительного периода времени. Субъектами исследования выступили студенты очной формы обучения (возраст от 18 до 22 лет) одного из российских университетов.

Исследование №1 «Оценка внимательности обучающихся»

Аудитории (54 студента) было предложено пройти тест-исследование, направленное на оценку внимательности студентов.

В начале теста было напечатано информационное послание следующего содержания, которое после прочтения скрывалось: «Классическая модель трудовых отношений в настоящее время значительно деформируется, испытывая на себе сильное влияние многочисленных процессов и факторов, которые можно объединить общим явлением – «цифровая трансформация общества». Цифровизация приводит к появлению новых требований к работникам – высокая квалификация, коммуникация и кооперация, саморазвитие, креативное мышление, управление информацией и данными, критическое мышление. В мире выросло полностью цифровое поколение, с рождения окруженное цифровыми технологиями, взаимодействие с которыми существенно трансформирует естественные природные основы развития человека, прежде всего, в когнитивной и эмоциональной сферах. «Клиповое мышление» как феномен современного общества определяет когнитивные характеристики своих носителей как

визуальные, быстрые, но поверхностные, фрагментарные; им присущ языковой минимализм и речевая бедность, рассеянность и гиперактивность, дефицит внимания».

Затем следовали девять вопросов различного характера и типа, направленные на определение некоторых сторон интеллектуальной и социальной активности респондентов: «Какой род деятельности Вам ближе по духу?»; «Сколько книг Вы прочитали в прошлом году?»; «Насколько легко Вы можете общаться с малознакомыми людьми?»; «Насколько Вы внимательны на занятиях?» и т.п. В десятом вопросе опрашиваемых попросили вспомнить термин «клиповое мышление», представленный в тексте: 29.6% смогли вспомнить термин, 22.3% вспомнили его частично, остальные (48.1%) не смогли ответить на вопрос, поскольку либо не стали читать текст, поспешив перейти к опросу, либо прочитали текст, но уже забыли его содержание. Невнимательность и поверхностное восприятие информации большинства респондентов подтверждают тенденцию клипового мышления. Отметим, что тестирование было добровольным и обезличенным, а значит, респонденты были заинтересованы в участии в нем; в случаях же участия в принудительных когнитивных процессах (например, рабочие совещания, программы вынужденной переподготовки, профессионального обучения и др.) степень внимательности будет еще более низкой.

Проблема непродолжительного удержания внимания обучающихся может исходить из двух источников: 1) отсутствие у них интереса к процессу обучения; 2) их быстрая утомляемость. Если интерес в контексте обучения связан, скорее, с вопросами профессиональной ориентации, мотивации и самосознания студентов, а также качества преподаваемого материала и личности преподавателя, то утомляемость легче поддается внешним воздействиям.

Исследование №2 «Оценка восприятия обучающимися интерактивных пауз»

Исследуя возможные способы поддержания внимания обучающихся, следует обратиться к основам психофизиологии труда [8, 9]:

1) в течение смены (часть рабочего дня до крупной перерыва) любой сотрудник проходит три фазы работоспособности: вработывание и адаптация, стабилизация и высокая работоспособность, спад;

2) для того, чтобы восстанавливать работоспособность сотрудника можно использовать три типа отдыха:

– «микропауза» – перерыв (от 2 до 15 секунд), который чаще не осознается как перерыв в полном смысле, однако позволяет облегчить вработывание и снизить утомляемость на стадии спада,

замедляя ее (например, во время ожидания следующей детали на конвейере рабочий разминается, общается с коллегами, «переводит дух»);

– «макропауза» – перерыв (от 5 до 10 минут), который используется в течение рабочего дня на разных этапах в зависимости от эффективности труда;¹

– «обед» (перерыв от 30 до 60 минут), который позволяет сотруднику полностью восполнить силы и обновить цикл – перейти с фазы спада на фазу вработываемости и дальнейшей высокой работоспособности.

Рассмотрим инструменты кратковременного отдыха («микропаузы» и «макропаузы»), применяемые в процессе высшего профессионального образования и корпоративного обучения.

Процесс высшего профессионального образования предполагает следующую классификацию форм обучения с точки зрения технологии их реализации: лекция – преподаватель сообщает материал, обучающиеся – слушают; общение одностороннее; семинар – занятие в форме коллективного обсуждения; практикум – обучающиеся выполняют задания под контролем преподавателя. С точки зрения источника получения знаний, выделяют следующие методы традиционного обучения: словесные (слушаю и читаю); наглядные (смотрю и наблюдаю); практические (делаю). В учреждениях высшего профессионального образования инструментами кратковременного отдыха студентов являются «макропаузы» равной продолжительности между аудиторными занятиями (к примеру, перерыв 15 минут через каждые 45 минут занятий).

Основной технологией реализации корпоративного обучения является тренинг. Тренинг – это обучающее интерактивное мероприятие с закреплением получаемых навыков. Отличительной чертой тренингов является то, что работа с сознанием человека происходит в интенсивном режиме с помощью многочисленных и разнообразных способов. Заявленная в начале тренинга цель достигается уже в ходе занятий за счет активности самих участников [10-12]. К свойствам тренинга следует отнести: создание новой среды работы и взаимодействия, изменение социальной роли, активный двусторонний процесс, решение конкретного вопроса (работа под задачу), получение реальных навыков или новых инструментов за короткое время, изменение подхода к определенным жизненным ситуациям либо к жизни вообще [10]. Из ключевых свойств тренинга можно выделить: двустороннее общение, ограниченность по времени, решение конкретной задачи. Все это очень схоже со свойствами семинара в вузе, но отличительной стороной тренинга является то, что он включает элементы практического занятия и

приводит к возвращению на начальную фазу работоспособности – вработывание и адаптация.

¹ Считается, что перерыв более 10 минут для большинства сотрудников является непродуктивным и

направлен на решение определенной узкой задачи.

Таким образом, тренинг является интегрированной формой обучения, которая при соотношении с классическим вузовским обучением объединяет в себе элементы лекции, семинара и практикума. Тем самым, он характеризуется полным циклом обучения в ограниченные сроки. Так, семинар может являться частью крупного образовательного курса (но может быть и автономным), тренинг – всегда является автономным в его текущем определении. Кроме того, продолжительность бизнес-тренинга обычно соответствует семинару и лекции или гораздо дольше. Тем самым, бизнес-тренинг сопоставим с семинаром при условии его достаточной продолжительности.

При проведении бизнес-тренингов используются две формы отдыха их участников – обычный перерыв, или кофе-брейк, и, так называемые, разминки, проводимые в формате небольших пауз, как связанных, так и не связанных с тематикой тренинга. По сути, это вид упражнения, который носит развлекательный характер (знакомство участников друг с другом через игру, решение логических задач на внимание и т.п.) и не ставит целью (на первый взгляд) решение серьезной задачи.

Предлагаем далее использовать следующее определение «разминки», или интерактивной паузы – это небольшое отступление в процессе работы с аудиторией, направленное на ее развлечение с целью активизации внимания и интеграции в процесс работы всех его участников.

Все способы взаимодействия с аудиторией в формате интерактивных пауз можно разделить на две большие группы:

1) активные – взаимодействие с другими участниками включает в себя перемещение в пространстве, выполнение определенных действий, двигательную активность;

2) пассивные – взаимодействие с другими участниками осуществляется непосредственно с места, нет необходимости предпринимать какие-либо действия.

При этом подобные упражнения всегда в большей или меньшей степени носят интеллектуальный характер.

С точки зрения психофизиологии труда, данные перерывы можно отнести к форме «макропауз». Широкое использование подобных интерактивных пауз подразумевает их высокую эффективность, причем, они являются инструментом кратковременного отдыха и активизации внимания не только для аудитории, но и для самого оратора / тренера / преподавателя / менеджера.

Целью исследования «Оценка восприятия обучающимися интерактивных пауз» стало определение эффективности применения интерактивных пауз, используемых обычно при проведении бизнес-тренингов, в традиционном учебном процессе системы высшего образования посредством ана-

лиза результатов их апробации (на основе тестирования студентов «пилотных» групп).

Для апробации внедрения в учебный процесс интерактивных пауз было проведено укрупнение семинаров путем слияния нескольких занятий в одно (по согласованию со студентами), что позволило по времени приблизиться к формату бизнес-тренинга, тем самым, заменить традиционный перерыв на интерактивную паузу (или на несколько пауз по продолжительности сопоставимых с перерывом, но распределенных во времени).

При этом потенциально «разминка» рассматривалась как инструмент:

- активизации внимания студентов;
- снятия психологического напряжения и улучшения настроения аудитории;
- вовлечения в процесс обучения всех его участников.

К сожалению, ввиду ограничений, которые накладывает классическая организация учебного пространства (большая наполняемость групп, ограниченное пространство, невозможность перемещения столов и другой мебели), для организации интерактивных пауз использовались упражнения с минимальной физической активностью, т.е. применение целого ряда методик практикоориентированного характера было значительно ограничено или даже исключено.

Интерактивные паузы («разминки») применялись в целях: 1) ускорения вработывания в учебный процесс; 2) разгрузки в те моменты, когда аудитория демонстрировала усталость (как правило, уже через 1 час после начала занятия) и частичную отстраненность. Цели использования «разминок» были озвучены аудитории.

После нескольких циклов проведения «разминок» был проведен добровольный опрос их участников (122 человека) путем получения ответов (43 ответа) на вопросы теста «Оценка восприятия интерактивных пауз («разминок»)». В тесте приводились следующие вопросы и варианты ответов на них.

Вопрос 1: «Вы понимаете, для чего использовались «разминки»?». Варианты ответов: «да», «нет». Были получены результаты, представленные на рис. 1.

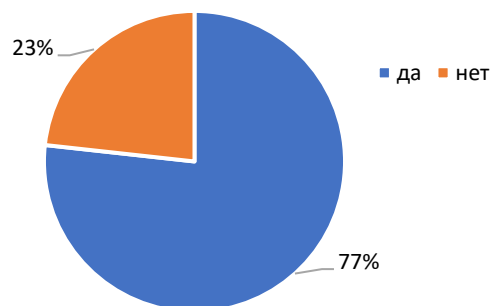

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Вы понимаете, для чего были использованы «разминки»?» / Fig. 1. Distribution of Answers to the Question: “Do You Understand What the “Warm-ups” Were Used for?”

Источник: построено автором по результатам опроса / Source: compiled by the author based on the results of the survey

Вопрос 2: «Вам понравилось использование «разминок»?». Варианты ответов: «да», «нет», «не участвовал, говорят – плохо», «не участвовал, говорят – здорово», «не могу ответить». Были получены результаты, представленные на *рис. 2*.

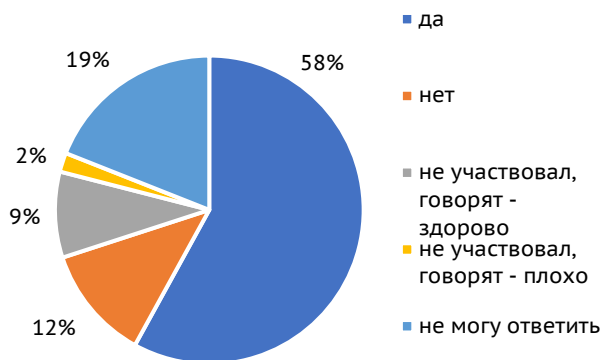

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Вам понравилось использование «разминок»?» / Fig. 2. Distribution of Answers to the Question: “Did You Like the Use of “Warm-ups”?”

Источник: построено автором по результатам опроса / Source: compiled by the author based on the results of the survey

Вопрос 3: «В какой степени «разминки» повлияли на Ваше настроение?». Варианты ответов: по шкале от 1 до 11, где 6 – «нейтральная оценка», 1 – «очень плохо», 11 – «очень хорошо». Были получены результаты, представленные на *рис. 3*.

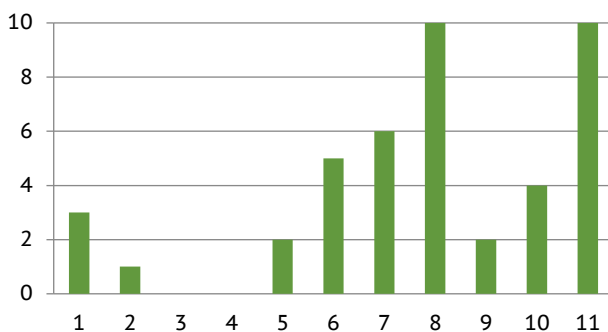

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени «разминки» повлияли на Ваше настроение?» / Fig. 3. Distribution of Answers to the Question: “To What Extent Did the “Warm-ups” Affect Your Mood?”

Источник: построено автором по результатам опроса / Source: compiled by the author based on the results of the survey

Вопрос 4: «В какой степени «разминки» повлияли на Вашу умственную деятельность?». Варианты ответов: по шкале от 1 до 11, где 6 – «нейтральная оценка», 1 – «очень плохо», 11 – «очень хорошо». Были получены результаты, представленные на *рис. 4*.

Таким образом, 77% принявших участие в опросе студентов «пилотных» групп осознали, с какой целью интерактивные паузы были использованы в учебном процессе; 67% – либо сами приняли непосредственное участие в «разминках» и оценили их положительный эффект, либо, изначально отказавшись принимать участие в

эксперименте, узнали о положительном опыте от одноклассников. Положительное влияние интерактивных пауз на настроение отметили 74% участников, на умственную деятельность – 67%; 10% и 19%, соответственно, высказались нейтрально; 14% опрошенных отметили негативный эффект по обоим параметрам. Следует отметить прямую связь между отрицательными оценками и непониманием / неприятием роли «разминок».

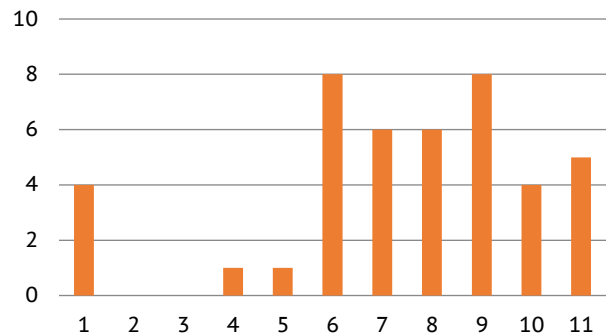

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени «разминки» повлияли на Вашу умственную деятельность?» / Fig. 4. Distribution of Answers to the Question: “To What Extent Did the “Warm-ups” Affect Your Mental Activity?”

Источник: построено автором по результатам опроса / Source: compiled by the author based on the results of the survey

По личным наблюдениям автора в ходе проведения подобных интерактивных пауз существенно изменяется настроение аудитории: студенты становятся более активными, те из них, кто проявлял сонливость и отвлеченность, становятся более внимательными, т.е. снижается число пассивных «сидельцев», в ряде случаев действует принцип групповой ответственности (если успех выполнения задания зависит буквально от каждого). После проведения двух и более «разминок» (имеется ввиду после двух и более встреч) студенты начинают смелее высказывать свою точку зрения на различные проблемы, обсуждаемые в рамках тематики занятий, не стесняются ошибаться и демонстрировать недопонимание различных аспектов. Кроме того, улучшение атмосферы в коллективе приводит к общему позитивному настрою, любые задания воспринимаются с интересом, усиливается качество обратной связи.

В целом, по результатам проведенного исследования относительно целесообразности, возможности и эффективности применения интерактивных пауз в учебном процессе можно сделать следующие выводы о том, что они:

- позволяют эффективно вовлечь в процесс обучения всех его участников (в том числе «выпавших»);
- позволяют ускорить процесс встраивания аудитории, особенно, если этому предшествовал большой перерыв;
- активизируют участников, увеличивают частоту откликов и усиливают обратную связь с преподавателем;

– снимают напряжение среди участников и улучшают настроение, тем самым, способствуют заметно более легкому освоению новой информации.

Вместе с тем, стоит отметить, что при недостаточном уровне доверия аудитории к преподавателю «разминки» малоэффективны ввиду первоначальной психологической защиты. Кроме того, чрезмерно серьезные «разминки» интеллектуального характера тяжелы для участников, уже испытывающих умственное утомление. К примеру, в ходе апробации из более чем сорока итераций одного из упражнений «разминки» с первой попытки успешно с ним справилась лишь одна группа участников. В этой связи важно подчеркнуть, что результатом «разминки» должно являться не успешное выполнение задания, а активизация аудитории, либо кратковременный отдых. Использование интерактивных пауз должно основываться на низкой сложности задач и большем развлекательном их характере (если нет возможности обеспечить двигательную активность). «Разминка», согласно психофизиологии, не должна продолжаться более 10 минут: если группа не справилась с заданием и просит продолжить, разминку все равно следует отложить до следующего раза. При этом если в однократном бизнес-тренинге «правильный ответ» тренер может дать в конце упражнения, то в рамках долгосрочного процесса обучения, когда аудитория встречается с преподавателем неоднократно, сохранение интриги правильного решения усиливает интерес аудитории к предстоящим интерактивным паузам.

Учитывая указанные выше ограничительные условия, можно с уверенностью рекомендовать широкое применение интерактивных «макропауз» в организации процесса высшего профессионального образования современной молодежи как результативного метода привлечения внимания аудитории, снятия психологического напряжения, вовлечения в процесс обучения всех его участников.

Библиография

- [1] Купчинская М.А., Юдалевич Н.В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3(14). С. 66-71.
- [2] Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 5(24). С. 134.
- [3] Bukharbaeva A.R., and Sergeeva L.V. Clip thinking of generation Z: methods of developing students' creative potential // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2020. Vol. 25(4). Pp. 787-796. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-787-796>
- [4] Nurkhamidah N. Exploring factors causing listening anxiety on generation Z students // Acitya Journal of Teaching and Education. 2020. Vol. 2(2). Pp. 141-151. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.30650/ajte.v2i2.1386>

- [5] Veide Z., and Strozheva V. Interactive Learning Medium in Contemporary Engineering Education Accented for Practical Training of Highly Skilled Personnel. In Proceeding – 4th International Conference on Innovative Materials, Structures and Technologies (IMST 2019), Latvija, Riga, September 25-27, 2019. Bristol: IOP Publishing Ltd., 2020. Vol. 660. Article 012010. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/660/1/012010>
- [6] Murphy F.L. Challenges of Human Resource Professionals Onboarding Generation Z into the Federal Government. Walden University, 2020. 200 p. URL: <https://1library.net/document/zkxj0peq-challenges-human-resource-professionals-onboarding-generation-federal-government.html> (дата обращения 25.06.2021). (На англ.).
- [7] Racolța-Paina N.D., and Irini R.D. Generation Z in the Workplace through the Lenses of Human Resource Professionals – A Qualitative Study // Quality – Access to Success. 2021. Vol. 22(183). Pp. 78-85. (На англ.).
- [8] Рофе А.И. Организация и нормирование труда. М.: Кнорус, 2016. 224 с.
- [9] Микропаузы и случайные перерывы (2021). Stroitelstvo-New.ru. URL: <http://www.stroitelstvo-new.ru/physiology/mikropauzy-i-sluchainyepereeryu.shtml> (дата обращения 27.06.2021).
- [10] Аминов В. Каждому – свой тренинг. Тренинг – это игра // Управление персоналом. 2010. № 8. С. 53-56.
- [11] Егорова Т.М. Тренинг как инструмент развития личности // Молодой ученый. 2019. № 10(248). С. 217-220.
- [12] Безуглая Н.С., Панфилова И.А. Повышение кадрового потенциала организации через применение тренингов // Научный вестник Южного института менеджмента. 2018. № 3(23). С. 44-48. DOI: <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2018-3-44-48>

References

- [1] Kupchinskaya M.A., and Iudalevich N.V. Clip thinking as a phenomenon of modern society // Biznes-obrazovaniye v ekonomike znaniy [Business Education in the Knowledge Economy]. 2019. Vol. 3(14). Pp. 66-71. (In Russ.).
- [2] Semenovskikh T.V. The phenomenon of “clip thinking” in the educational high school environment // Internet Journal “Naukovedenie”. 2014. Vol. 5(24). P. 134. (In Russ.).
- [3] Bukharbaeva A.R., and Sergeeva L.V. Clip thinking of generation Z: methods of developing students' creative potential // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2020. Vol. 25(4). Pp. 787-796. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-787-796>
- [4] Nurkhamidah N. Exploring factors causing listening anxiety on generation Z students // Acitya Journal of Teaching and Education. 2020. Vol. 2(2). Pp. 141-151. DOI: <https://doi.org/10.30650/ajte.v2i2.1386>
- [5] Veide Z., and Strozheva V. Interactive Learning Medium in Contemporary Engineering Education Accented for Practical Training of Highly Skilled Personnel. In Proceeding – 4th International Conference on Innovative Materials, Structures and Technologies (IMST 2019), Latvija, Riga, September 25-27, 2019. Bristol: IOP Publishing Ltd., 2020. Vol. 660. Article 012010. DOI: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/660/1/012010>
- [6] Murphy F.L. Challenges of Human Resource Professionals Onboarding Generation Z into the Federal Government. Walden University, 2020. 200 p. URL: <https://1library.net/document/zkxj0peq-challenges->

- human-resource-professionals-onboarding-generation-federal-government.html (accessed on 25.06.2021).
- [7] Racolța-Paina N.D., and Irini R.D. Generation Z in the Workplace through the Lenses of Human Resource Professionals – A Qualitative Study // *Quality – Access to Success*. 2021. Vol. 22(183). Pp. 78-85.
- [8] Rofe A.I. Organizatsiya i normirovaniye truda [Organization and regulation of labor]. M.: Knorus, 2016. 224 p. (In Russ.).
- [9] Micropauses and random breaks (2021). *Stroitelstvo-New.ru*. URL: <http://www.stroitelstvo-new.ru/physiology/mikropauzy-i-sluchainye-pereryvy.shtml> (accessed on 27.06.2021). (In Russ.).
- [10] Aminov V. Kazhdomu – svoiy treniny. Treniny – eto igra [Each – his own training. Training is a game] // *Upravleniye personalom [TOP Personal]*. 2010. Vol. 8. Pp. 53-56. (In Russ.).
- [11] Egorova T.M. Treniny kak instrument razvitiya lichnosti [Training as a tool for personality development] // *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*. 2019. Vol. 10(248). Pp. 217-220. (In Russ.).
- [12] Bezuglaya N.S., and Panfilova I.A. Improvement of the personnel potential of the organization through the application of trainings // *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. 2018. Vol. 3(23). Pp. 44-48. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2018-3-44-48>

Информация об авторе / About the author

Алексей Евгеньевич Паршуков – канд. экон. наук; ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия / **Aleksey E. Parshukov** – PhD in Economics; Assistant Lecturer, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
E-mail: flowprof@gmail.com
SPIN РИНЦ 5671-1694
ORCID 0000-0002-2010-1269

Дата поступления статьи: 3 июля 2021
Принято решение о публикации: 20 сентября 2021

Received: July 3, 2021
Accepted: 20 September 2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

К публикации принимаются оригинальные научные статьи, библиографические обзоры, рецензии, отчеты о научных событиях, интервью (далее – статьи) по следующим **темам исследований** специальности 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности): экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; экономика труда; экономика предпринимательства; маркетинг; менеджмент; рекреация и туризм.

Статьи принимаются по адресу: **beneficium-se@mail.ru**

Публикация осуществляется бесплатно.

Оформление статьи

Объем текста – от 15000 до 40000 знаков (включая пробелы). Шрифт – Times New Roman, размер – 12 (в таблицах и рисунках – 11), междустрочный интервал – 1,0, абзацный отступ – 1 см, поля – по 2 см с каждой стороны.

Структура статьи

1. Индекс УДК

2. Коды JEL классификации

3. Название статьи

4. ФИО автора / авторов

5. Место работы / учебы, город, страна автора (авторов)

6. Аннотация. Объем – от 200 до 300 слов. Аннотация является кратким обзором статьи, представляющим основное содержание и выводы исследования. Она выполняет функцию справочного инструмента, адекватно репрезентирующего более объемное научное исследование. Из аннотации должно быть ясно, какую цель ставил автор исследования, какие задачи он последовательно решал, какую методику применял (без уточнения деталей), каковы основные результаты исследования и в чем состоит научное значение этих результатов. Текст аннотации должен быть внутренне связным и логически структурированным (следовать логике текста статьи). В аннотации не применяется цитирование. В аннотации не должно быть материала, который не содержится в статье.

7. Ключевые слова – от 5 до 10 слов / словосочетаний в алфавитном порядке – должны отражать основное содержание статьи, совпадать с базовыми терминами исследования, определять собой (маркировать) область знания, предметную область и тематику исследования.

Для материалов на русском языке пункты 3-7 повторяются на английском языке.

8. Текст статьи (логическая структура: введение, методика, основная часть, выводы).

9. Библиография включает от 5 до 20 источников, в том числе как минимум 5 академических зарубежных источника, опубликованных за последние 5 лет, индексируемых, как правило, в базах данных WoS и Scopus. Каждый источник из списка библиографии должен быть процитирован минимум один раз в тексте; на все источники делаются ссылки внутри текста в квадратных скобках: [1]. Любое упоминание в тексте статьи имен ученых и исследователей должно сопровождаться отсылками на их работы. Во всех библиографических ссылках на электронные ресурсы обязательно указывается ссылка на веб-страницу, откуда заимствуется текст, и дата обращения. Использование справочно-энциклопедической и учебно-методической литературы (снабженной грифом федерального УМО и т.п.) в качестве источников – не более 15% от общего количества источников. Ссылки на курсовые работы, ВКР, авторефераты, диссертации не допустимы. Список библиографии приводится в порядке упоминания источников в тексте.

10. References (список источников в переводе на английский язык). Нумерация источников должна соответствовать нумерации в авторском оригинале на русском языке.

11. Заявление об ответственности авторов (в случае соавторства).

12. Сведения об источнике финансирования, если таковой имеется.

Автор представляет в редакцию **отдельными файлами**:

- оформленную согласно правилам статью;
- сведения об авторе (авторах) на русском и английском языках с указанием следующих данных: фамилия, имя, отчество без сокращений, ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы / учебы, адрес электронной почты, ORCID, SPIN-ПИИЦ, контактный телефон (не публикуется);
- заполненный и подписанный автором (каждым соавтором) Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения (высылается автору после получения положительной рецензии на научный материал); подписывая договор, автор, тем самым, разрешает открытую публикацию своих материалов, а также их редактирование, не искажающее смысл произведения.

Вся подробная информация о редакционной и публикационной политике научного издания представлена на его официальном сайте.

GUIDELINES FOR AUTHORS

Original manuscripts, bibliographic reviews, reviews, scientific event reports, interviews, etc. on such **research topics** as Economics, Organization and Management Enterprises, Industries, Complexes; Innovation Management; Regional Economy; Labour Economics; Business Economics; Marketing; Management are accepted for publication in electronically at: **beneficium-se@mail.ru**

Publication is free of charge.

Design of article

The article's size is 15000 to 40000 characters (including spaces). The font is Times New Roman, the font size is 12 (in tables and figures – 11). The line spacing is 1.0, the indentation is 1.0 cm, the margins are 2 cm from each side.

The structure of the publication

1. UDC code

2. JEL classification codes

3. Article title

4. Author's full name

5. Place of work, city, country

6. Abstract (author's summary). The recommended size of the abstract is 200 to 300 words. The abstract is a concise summary of the paper. The abstract should state briefly the purpose of the research, the principal results and major conclusions. It is a quick overview of the entire paper and giving a gist of it.

7. Keywords for the article should express the main content of the article, to coincide with basic terms of the study, to determine (indicate) the domain of knowledge, the subject area and the theme of the study. The number of keywords is from 5 to 15.

For Russian-language materials, paragraphs 3-7 are repeated in English.

8. Text of the article (logical structure: introduction, methodology, main part, conclusions).

9. References in language of article. The references should contain from 5 to 20 sources, including at least 5 academic foreign sources published in the last 5 years, indexed, as a rule, in the WoS and Scopus databases. Each source from the references should be cited at least once in the text; all sources are referenced within the text in square brackets: [1]. Any mentioning of the names of scientists and researchers in the text of the article should be accompanied by references to their works. All references to electronic resources necessarily indicate the reference to the web page from which the text is borrowed, and the access date. The use of reference-encyclopedic and educational-methodical literature as sources should account for no more than 15% of the total number of sources. Links to abstracts, dissertations are not allowed. Sources should be listed in order in which they are mentioned in the text.

10. References in English (made the same way).

11. Authors' Liability Statement (in case of co-authorship).

12. Information about the source of funding, if any.

The author presents to the Editorial office **separate files**:

- the manuscript drawn up according to the requirements;
- information about the author(-s) in Russian and English with the following data: surname, name, patronymic (in full); academic degree, academic title; position and place of work / study without abbreviations; e-mail address; ORCID; contact phone number (not published);
- the completed form of the License agreement signed by the author (in case of co-authorship, each of the authors signs a separate form); signing the agreement form, the author thereby permits the open publication of his materials, as well as their editing, which does not distort the meaning of the work.

On the official website you can find detailed information about the editorial and publication policy of the journal "Beneficium".

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

YAROSLAV-THE-WISE
NOVGOROD STATE
UNIVERSITY

beneficium 3 (40) | 2021